
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00276338 1

На правахъ рукописи.

А. Н. Веселовскій.

ИСТОРІЯ
новой русской литературы XIX в.

(*съ 30—60 г.*).

Курсъ, читанный на М. В. Ж. К. въ 1916—17 г.

ЗАПИСКИ СЛУШАТЕЛЬНИЦЪ.

Изданіе Издательскаго Об-ва
при Историко-Философскомъ
факультетѣ М. В. Ж. К.

МОСКВА—1917.

На правахъ рукописи.

А. Н. Веселовскій.

ИСТОРІЯ
новой русской литературы XIX в.

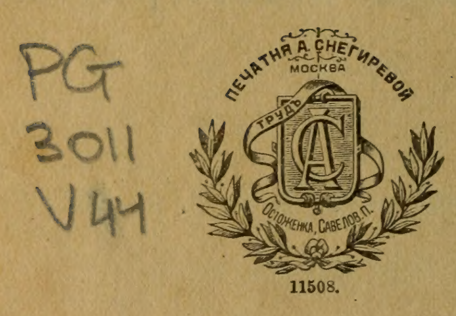
(*съ 30—60 г.*).

Курсъ, читанный на М. В. Ж. К. въ 1916—17 г.

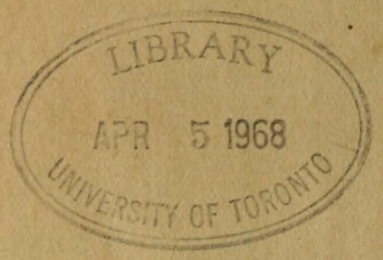
ЗАПИСКИ СЛУШАТЕЛЬНИЦЪ.

Изданіе Издательскаго Об-ва
при Историко-Философскомъ
факультетѣ М. В. Ж. К.

МОСКВА—1917.

11508.

Когда въ 1834 году въ Надеждинской „Молвѣ“ появились „Литературныя Мечтанія“, этотъ поразительный критическій первенецъ Бѣлинскаго, сохранившій до сихъ поръ весь пылъ возбужденной мысли, основною мыслью этихъ статей было отрицаніе самаго существованія у насъ литературы. Эта мысль, съ необыкновенной силой и блескомъ выраженная Бѣлинскимъ, заявлялась и до его выступленія и почти одновременно съ нимъ. Такъ, въ 1824 году, ее высказывалъ въ своихъ критическихъ статьяхъ Бестужевъ, вмѣстѣ съ Рылѣевымъ издававшій передовой литературный органъ, альманахъ „Полярная Звѣзда“. Развитіе того же взгляда видимъ у Веневитинова, выступившаго во всеоружіи чуткой философской и критической мысли въ примѣчательной вступительной статьѣ своего „Московскаго Вѣстника“ 1827 года,—и у будущаго выдающагося дѣятеля славянофильства, Ивана Кирѣевскаго, въ статьѣ альманаха „Денница“.

Въ 1832 году Полевой въ своемъ „Московскомъ Телеграфѣ“, въ формѣ діалога двухъ ревнителей словесности, Леонида и Филофея, происходящаго будто-бы послѣ бесѣдъ ихъ съ присяжными литераторами, точно также высказывалъ убѣжденіе, что литературы у насъ нѣтъ, или, точнѣе, есть ея „начало, опыты, а не полныя явленія“. „Случайности, преждевременныя искры вулкана, изрѣдка вылетавшія изъ могучей души русскаго народа, предвѣщаютъ, чѣмъ будетъ русская литература, а мы почитаемъ ихъ за страшное изверженіе“.

Наконецъ Бѣлинскій могъ предпослать своимъ „Литературнымъ Мечтаніямъ“ эпиграфъ, взятый даже у принципіальнаго противника,—Брамбеуса (Сенковскаго), высказавшагося въ томъ же духѣ. Это—вопросы и отвѣты:

1*

„Есть ли у васъ хорошія книги?

— Нѣтъ, но у насъ есть великіе писатели.

— Такъ по крайней мѣрѣ у васъ есть словесность?

— Нѣтъ, у насъ есть только книжная торговля“.

Конечно, примѣчательно такое единомысліе, единодушіе въ сужденіяхъ о самомъ существованіи чего-либо подобнаго національной литературѣ, выразительницѣ умственной работы всего народа, его художественно-творческой силы, его нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ. Строгій судъ Бѣлинскаго, идущаго далеко впереди этой рати отрицателей, надъ прошлымъ нашей книжной словесности, надъ русскимъ просвѣтительнымъ вѣкомъ съ созданными тогда мнимыми писательскими величинами, порождавшими идолопоклонство, конечно, подлежитъ пересмотру и критикѣ (гдѣ въ картинѣ литературнаго движенія тѣхъ временъ такія выдающіяся силы, какъ Новиковъ или Радищевъ? Пропускъ, правда, быть можетъ, совершенно невольный...). Четыре, пять именъ, устоявшихъ отъ этого суда, и признанныхъ, дѣйствительно, великими и сильными, соединяя въ себѣ завѣты двухъ вѣковъ и надежды на грядущее (Державинъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Кольцовъ), и радостное признаніе появленія новыхъ и знаменательныхъ дѣятелей (на первомъ мѣстѣ—Гоголя), какъ залога приближающагося литературнаго разцвѣта, превращаютъ опустошительный походъ Бѣлинскаго въ привѣтъ побѣды и возрожденія. Литературы не было, но она настаетъ, и это настраиваетъ критика восторженно.

Періодъ, ходъ и развитіе котораго намъ предстоитъ изучать, отъ начала сумрачныхъ николаевскихъ дней до горячей и возбужденной поры шестидесятыхъ годовъ, и образуетъ собой ту эпоху, когда осуществлялись эти ожиданія, и новая литература, сильная идейно и художественно, все глубже опираясь на народные корни, и въ то же время поддержанная общечеловѣческимъ движеніемъ, становилась важнымъ проявленіемъ національной энергіи.

Четверть столѣтія послѣ извѣстныхъ уже намъ отрицаній, заявленій и требованій, вызванныхъ состояніемъ литературы, слышатся въ критикѣ и историко-литературныхъ обобще-

ніяхъ иные голоса, — отзвукъ сильно развившейся работы мысли и творчества. Послѣднія выдающіяся выступленія Бѣлинскаго (серія его статей о Пушкинѣ, изученія Лермонтова, Гоголя и писателей его школы, ежегодныя обозрѣнія русской литературы и т. д.) уже обозначаютъ великіе результаты новыхъ теченій въ словесности. Его смѣнитъ Чернышевскій въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода". Герценъ, возмущенный пренебрежительнымъ отзывомъ вліятельнаго въ тѣ дни французскаго историка Мишле о „литературныхъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ образованныхъ русскихъ дворянъ, которыя поддерживаютъ призракъ существующей будто бы русской словесности", выступаетъ противъ него съ брошюрой, озаглавленной „Русскій народъ и соціализмъ" и, являясь въ ней страстнымъ защитникомъ русской общины, ставитъ уже наряду съ „деревенскимъ коммунизмомъ", заложеннымъ въ основу русскаго народнаго быта, великія гуманныя и освободительныя традиціи литературнаго движенія, какъ залогъ сильной и независимой народной культуры, и наряду съ красотами и задушевностью народной поэзіи красоту и силу поэзіи Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Столь же горячую и вполнѣ положительную оцѣнку воспитательнаго значенія русской литературы Герценъ дастъ въ другомъ памфлетѣ, появившемся сначала въ радикальномъ нѣмецкомъ журналѣ, потомъ по французски подъ заглавіемъ „Du développement des idées révolutionnaires en Russie" (онъ переведенъ былъ на русскій языкъ только въ 1905 году). Въ этомъ памфлетѣ дана не только яркая характеристика развитія революціонныхъ идей, или, точнѣе, соціально-политическаго движенія въ новой Россіи, но въ связи съ тѣмъ и картина развитія русской литературы въ XIX столѣтіи, со всею преемственностью ея общественнаго служенія и вмѣстѣ съ тѣмъ и художественной силы.

Отдадимъ себѣ отчетъ въ фактическихъ результатахъ литературнаго движенія къ началу новаго и замѣчательнаго періода, съ тяжелымъ, невыносимымъ политически-общественнымъ фономъ въ русской жизни, созданнымъ желѣзнымъ николаевскимъ режимомъ. Что представляли собой въ началѣ періода наличныя писательскія силы, въ какомъ со-

стояніи находились онѣ послѣ урагана, пронесшагося въ 1825—26 годахъ не только надъ 120 осужденными декабристами, но и надъ всѣмъ, что сколько-нибудь примыкало къ общественному движенію? Тяжелѣе періода, который переживалъ Пушкинъ отъ своего возвращенія въ общественную среду и къ дѣятельной жизни до 1830—31 гг., трудно себѣ представить: тревога за судьбу духовно близкихъ ему людей, участь которыхъ рѣшалась въ крѣпости и на безконечныхъ допросахъ, ожиданіе тяжелыхъ каръ, не доходившее все же до возможности смертной казни и приведшее къ сильному потрясенію. На одной изъ его рукописей того времени видимъ изображеніе пяти висѣлицъ, со словами: „и я могъ бы также"... Затѣмъ, когда пережитъ былъ ужасъ этого потрясенія, сталъ возможнымъ сложный процессъ мысли поэта, приведшій къ примиренію его съ новымъ порядкомъ вещей, который смѣнилъ собою тупую александровскую реакцію и лишь вначалѣ неизбѣжно будетъ суровъ въ своихъ карахъ, но затѣмъ призванъ къ великой внутренней работѣ, реформамъ, обновленію всей жизни,—мечты и надежды, грубо разбитыя затѣмъ дѣйствительностью, начало того плѣна, изъ котораго поэту уже нельзя было освободиться. Искренне, нельстиво онъ сравнивалъ Николая I съ Петромъ Великимъ, стрѣлецкіе бунты съ возстаніемъ декабристовъ; когда окончилась борьба Петра съ стрѣльцами и другими внутренними врагами реформатора, настала пора преобразованій, горячей, общеполезной и просвѣтительной дѣятельности; такъ послѣ борьбы съ декабрьскимъ движеніемъ начнется внутренняя работа широкое обновленіе всей жизни. Пушкинъ далъ себя въ этомъ убѣдить, и эта вѣра послужила мостомъ, по которому онъ пришелъ въ дворцовую палату въ Москвѣ для бесѣды съ новымъ императоромъ; къ нему у него не могло быть вражды, какъ къ Александру I, которому онъ, по собственному выраженію, „подсвистывалъ" во все царствованіе, до конца; онъ могъ повѣрить искренности его благихъ намѣреній. Ходъ бесѣды съ Николаемъ сполна не можетъ быть возстановленъ; ни императоръ, ни Пушкинъ не дали о ней показаній; есть только приблизительныя данныя и догадки. Въ „Запискѣ о воспитаніи", составленной поэтомъ по вы-

зову самого императора, какъ запись мыслей, высказанныхъ во время ихъ московской бесѣды, Пушкинъ возстаетъ противъ скудости и несовершенства современнаго русскаго, въ особенности политическаго, воспитанія, выказавъ притомъ извѣстную смѣлость на призывъ быть откровеннымъ. Но сухой, непріязненный отвѣтъ на „Записку о воспитаніи", сообщенный Пушкину вліятельнѣйшимъ съ начала новаго царствованія николаевскимъ приспѣшникомъ, Бенкендорфомъ, указалъ ему на предосудительную неосновательность его мнѣній, такъ какъ не развитіемъ знаній и просвѣщенія, а послушаніемъ и повиновеніемъ можетъ быть обезпечено народное благо.

Въ томъ же году, когда состоялось кажущееся примиреніе, началось тягостное для поэта сыскное дѣло въ новгородскомъ судѣ изъ-за захваченнаго у переписчиковъ и распространителей прекраснаго пушкинскаго стихотворенія, вспомнившаго трагическую судьбу любимаго поэтомъ Андре Шенье, погибшаго во время Великой французской революціи за мнимую враждебность свободѣ и тайныя ковы противъ нея, тогда какъ онъ былъ страстнымъ ея приверженцемъ. Пушкина, виноватаго, какъ утверждали, уже тѣмъ, что онъ не представилъ этого стихотворенія императору, который обѣщалъ ему быть отнынѣ его единственнымъ цензоромъ, заподозрѣли въ томъ, что въ своемъ апоѳеозѣ Шенье онъ хотѣлъ возвеличить политическое мученичество декабристовъ. Пушкинъ показалъ, что его стихотвореніе написано было до декабрьскихъ событій и не могло имѣть никакого отношенія къ нимъ; сопоставляя французскую революцію съ тѣмъ, какъ онъ выразился, несчастнымъ мятежомъ, который можно было разсѣять нѣсколькими выстрѣлами картечью, не находимъ никакого сходства между обоими движеніями,— но не могъ разсѣять непріязненнаго, подозрѣвающаго отношенія къ себѣ и былъ отданъ подъ секретный надзоръ. Такъ создавалась для него тяжелая обстановка.

Чуткій, владѣвшій умами поэтъ отдается теперь объективному творчеству. Но временами въ немъ вспыхиваютъ прежнія настроенія и мысли; стихотворное посланіе его шлетъ въ „глубину Сибирскихъ рудъ" задушевный привѣтъ,

вызовъ хранить „гордое терпѣніе и думъ высокое стремленье“, слова надежды на торжество ихъ дѣла; еще позже, въ стихотвореніи „Аріонъ“ та же мысль необыкновенно закончена, хотя и облечена въ образы изъ классическаго міра. Въ челнѣ по морю плыветъ большая ладья друзей; впереди пѣвецъ съ лирой и, „безконечной вѣры полнъ“, поетъ онъ. Налетѣла грозная буря, погибъ челнъ, кормчій, пловцы,—одинъ лишь пѣвецъ, на берегъ выброшенный грозою, уцѣлѣлъ и поетъ свои „прежнія пѣсни“. Но дѣйствительно ли прежнія?..

Къ числу тяжелыхъ условій, угнетавшихъ Пушкина, присоединяется одиночество его въ литературѣ. Мало могли его поддержать немногіе былые сверстники. Баратынскій все болѣе замыкается въ себѣ и отдаляется отъ активной литературной дѣятельности; лицейскій товарищъ поэта, искренно преданный ему, Дельвигъ, всегда былъ лишь средней величиной; Вяземскаго, блестяще выступившаго еще въ 20-хъ годахъ, живого и яркаго критика, увлеченнаго байрониста, друга свободы, горячаго поклонника польской культуры, съ которой онъ сроднился въ Варшавѣ, смѣлаго защитника всякихъ литературныхъ новшествъ, трудно узнать въ писателѣ, выступавшемъ послѣ декабрьской грозы. Изъ радикала превращаясь въ консерватора, подъ конецъ жизни крайне нетерпимаго, онъ старается, чтобы забыли о его прежнихъ предосудительныхъ увлеченіяхъ.

Совсѣмъ негаданно встрѣчаетъ Пушкинъ поддержку въ новыхъ людяхъ,—въ кружкѣ любомудровъ, „архивныхъ юношей“, московскихъ шеллингіанцевъ, хранившихъ завѣты высокой художественности. Органомъ ихъ былъ сначала періодическій сборникъ „Мнемозина“ (издававшійся въ 1824 г. товарищемъ Пушкина Кюхельбекеромъ и кн. В. Одоевскимъ), въ которомъ было напечатано выдающееся его стихотвореніе „Къ морю“. Кружокъ любомудровъ, прекратившій, изъ осторожности, свое существованіе послѣ 14 декабря, но возродившійся въ философской группѣ Веневитинова и его друзей, составилъ какъ-бы отрядъ тѣлохранителей Пушкина. Они высоко цѣнили въ немъ поворотъ къ объективному творчеству, жаръ вдохновенія, служеніе чистому искусству, и устами Веневитинова (въ задушевномъ стихотвореніи) предрекали ему будущ-

ность русскаго Гете. Среди нихъ онъ могъ отдыхать душой. Въ обществѣ любомудровъ онъ сошелся къ тому же и съ Мицкевичемъ, въ лицѣ котораго встрѣтилъ превосходнаго цѣнителя. Оба поэта сердечно сошлись; Пушкинъ полюбилъ Мицкевича, и эта пріязнь сохранилась, несмотря на то, что послѣ польской революціи 1830 года они разошлись въ политическихъ и національныхъ убѣжденіяхъ. Мицкевичъ отозвался на вѣсть о смерти своего друга трогательнымъ некрологомъ въ журналѣ „Le Globe", и въ своихъ курсахъ славянскихъ литературъ, читанныхъ въ „Collège de France", посвящалъ Пушкину немало изученій.

Но Мицкевичъ, кружокъ любомудровъ,—все же недостаточная замѣна того, что ушло безвозвратно. Не мало времени пройдетъ, прежде чѣмъ онъ въ общеніи съ новымъ, молодымъ поколѣніемъ, со „второю пушкинской школой" найдетъ себѣ поддержку, и его творчество свѣтло разовьется, опираясь на „молодое, незнакомое племя", прекрасно имъ воспѣтое, а пока ему тяжело, несмотря на кажущееся примиреніе съ правительствомъ, несмотря на разрѣшеніе свободнаго передвиженія, подъ конецъ даже пріѣзда въ невскую столицу.

Въ эту пору повторяется его прежнее стремленіе покинуть Россію, спастись изъ нея бѣгствомъ. Можно насчитать три плана побѣговъ, въ разное время составленныхъ, но неосуществившихся. Первый относится еще къ Одесскому періоду, второй ко времени ссылки въ Михайловское, когда при содѣйствіи Жуковскаго Пушкинъ предполагалъ выѣхать въ Дерптъ подъ предлогомъ совѣщанія съ докторами, но по дорогѣ перемѣнить карету и направиться къ прусской границѣ. Третій планъ относится уже къ николаевской порѣ; ему отказали отправиться съ миссіей на Востокъ. Его „путешествіе въ Эрзерумъ" вызвано тѣмъ же лихорадочнымъ стремленіемъ вырваться на волю. Получивъ отказъ въ просьбѣ отправиться въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ, онъ отправился туда безъ спросу, переступилъ границу, достигъ Эрзерума, — но его вернули, его, первостепеннаго русскаго поэта, вытребовали обратно, какъ провинившагося школьника. Въ этихъ попыткахъ высвобожденія чувствуется тре-

вожное настроеніе. 1827, 28 и 29 годы — самые острые годы въ его житейскихъ отношеніяхъ. Возможность дружбы съ такими далекими отъ всякой культуры и прожигавшими жизнь людьми, въ родѣ Нащокина въ Москвѣ, показываетъ, какъ нездорово было у него на душѣ.

Творчество все же не замираетъ и въ это тяжелое время: создаются новыя главы „Евгенія Онѣгина", въ 1828 году написана „Полтава", заканчивается „Борисъ Годуновъ", задуманный въ Михайловскомъ. Но отзвукъ этихъ твореній въ литературѣ и обществѣ говорилъ объ охлажденіи, непониманіи, предвзятости мнѣній.

Враждебно, съ обиднымъ недоумѣніемъ встрѣтила критика „Бориса Годунова", въ первыхъ отрывкахъ изъ трагедіи,—сценѣ въ Чудовомъ монастырѣ и на Литовской границѣ. Сильно измѣнилось отношеніе къ поэту такого прежде преданнаго ему, выдающагося органа критики, какъ „Московскій Телеграфъ" Полевого. Журналъ Каченовскаго „Вѣстникъ Европы", основанный въ началѣ столѣтія Карамзинымъ и послѣ него издававшійся одно время Жуковскимъ, повелъ цѣлый походъ противъ Пушкина. Здѣсь выступалъ въ 1828—29 гг. съ своими мѣткими, хоть и проникнутыми нетерпимостью, статьями будущій учитель Бѣлинскаго, Надеждинъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ „ех—студента Никодима Аристарховича Надоумки", и важнѣйшими изъ этихъ статей, спеціально направленными противъ пушкинизма, были „Литературныя опасенія за будущій годъ" и „Сонмище нигилистовъ". Такъ давно было впервые произнесено слово „нигилистъ", правда, въ совершенно иномъ примѣненіи, чѣмъ впослѣдствіи у Тургенева. Для Надеждина этотъ терминъ обозначалъ руководимое Пушкинымъ и освященное Байрономъ направленіе новыхъ писателей, вносящее въ словесность анархизмъ, безформенность, ниспровергающее всѣ законы литературы.

Въ послѣдней статьѣ живо изображена студенческая вечеринка въ „латинскомъ кварталѣ" Москвы, въ морозный крещенскій вечеръ, много шуму, споровъ; гости раздѣлились на два стана, на сторонниковъ и противниковъ Пушкинской поэзіи. Рѣчи гостей на вечеринкѣ искусно составлены изъ

критическихъ и эстетическихъ статей современныхъ журналовъ; противникамъ Пушкина предоставлено, конечно, поражать и осмѣивать сторонниковъ его. Подобныя статьи, конечно, характеризуютъ отношеніе критики къ Пушкину.

Къ непониманію критики и публики присоединилось и тягостное отношеніе власти, во главѣ съ Николаемъ, обѣщавшимъ Пушкину быть единственнымъ цензоромъ его произведеній, къ дѣятельности поэта, за которой слѣдили съ возрастающей подозрительностью, позволяя себѣ вліять, давать даже совѣты. Такъ, по мнѣнію Николая, порицавшаго нѣкорыя частности въ „Годуновѣ", самая форма трагедіи была избрана неудачно, и тему самого творенія слѣдовало обработать въ видѣ историческаго романа въ духѣ Вальтеръ-Скотта.

Жизнь и судьба Грибоѣдова въ это же время представляютъ печальное послѣсловіе блестящаго періода дѣятельности. Въ концѣ января 1829 года его растерзала толпа въ Тегеранѣ, возбужденная проповѣдями мусульманскаго духовенства противъ него, какъ виновника позорнаго для Персіи мира.

Послѣ „Горя отъ ума" онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ дѣятельности въ литературѣ. Великая сила смѣха, комизма, сатиры, покинула его. Двѣ сцены трагедіи „Грузинская ночь" и разсказъ о содержаніи этой пьесы указываютъ на совершившійся въ немъ переворотъ. Прежній поклонникъ французской комедіи, онъ становится шекспиристомъ, — цѣнителемъ и переводчикомъ англійскаго драматурга; въ „Грузинской ночи" видно вліяніе „Макбета" (одна изъ сохранившихся сценъ напоминаетъ сцену Макбета съ вѣдьмами). Дѣйствіе происходило въ старой феодальной Грузіи; рѣзко очерченной личности князя-крѣпостника и деспота противопоставлена была въ народномъ слоѣ столь же властная и мстительная личность старой кормилицы; роковая любовь ея питомицы-княжны къ молодому русскому и похищеніе ея приводили къ невольному убійству родной дочери отцомъ, чью пулю несутъ въ сердце княжны духи, повинующіеся кормилицѣ-колдуньѣ. Все это могло вѣрно возсоздать тяжелыя условія кавказскаго быта съ его крѣпостничествомъ и деспотизмомъ, передать таинственность грузинской демоно-

логіи, но для русской общественности, для боевой русской литературы не имѣло никакого значенія; правда, Булгаринъ, единственно знавшій это произведеніе въ его цѣломъ, утверждалъ, будто трагедія Грибоѣдова затмила бы „Горе отъ ума“, которое по отношенію къ ней показалось бы лишь „пробою пера“!...

Въ эти годы отгадать великаго комика въ вдумчивомъ, исполнительномъ и полномъ заботъ о кавказскомъ краѣ чиновникѣ (сначала при Ермоловѣ, потомъ при Паскевичѣ) невозможно. Все, что онъ пережилъ,—тюремное заключеніе, допросы слѣдственной комиссіи, затѣмъ избавленіе отъ опасности съ правомъ продолжать службу, возвращеніе въ ряды постылаго для него общества сдѣлалали его совершенно другимъ человѣкомъ. Сначала онъ уединился на балтійскомъ взморьѣ, избѣгая всякихъ сношеній съ людьми, потомъ медленно направился на Кавказъ. Проѣзжая черезъ Крымъ, погруженный въ глубокую меланхолію, онъ испытывалъ великую тяжесть отъ неразумнаго и назойливаго любопытства окружавшихъ его людей, не могшихъ отказаться отъ мысли: „сочинитель Фамусова—конечно, человѣкъ веселый“...

Жуковскаго, разумѣется, и подавно нельзя считать въ числѣ руководящихъ въ литературѣ силъ. Все, что онъ писалъ въ тѣ годы, являлось случайно. И обстановка, въ которой онъ жилъ, не располагала къ писательской дѣятельности,—жизнь при дворѣ, воспитаніе наслѣдника, впослѣдствіи путешествія съ нимъ по Россіи и за-границей. Если и прежде онъ не былъ истиннымъ романтикомъ и исповѣдникомъ именно нѣмецкаго романтическаго направленія, въ которомъ многаго никогда не понималъ, все же близкій къ нему по влеченію своего „сердечнаго воображенія“ и отзывчивой чувствительности, онъ и въ переводахъ и личныхъ лирическихъ изліяніяхъ возбуждалъ къ живому и искреннему поэтическому творчеству, проводя за собой слѣдъ въ литературѣ. Теперь и этой доли его активности нѣтъ: въ долгомъ доживаніи его жизни будутъ время отъ времени являться большія, преимущественно переводныя работы, колеблющіяся между такими контрастами, какъ романтическая поэма и Одиссея, индійскій или персидскій эпосъ и новѣй-

тая нѣмецкая мистика, но воздѣйствіе на литературу вполнѣ утрачено; по отношенію же къ современнымъ запросамъ и теченіямъ въ ней и въ народной жизни онъ отдается все болѣе обостряющемуся непониманію и консерватизму, смягчаемому лишь глубокою его гуманностью, съ которой онъ могъ вымаливать облегченія и льготы несчастнымъ страдальцамъ декабризма, въ принципѣ рѣзко имъ осуждаемаго.

Во что же вѣрили, что интересовало читающую публику, что давало тонъ литературѣ? Обозрѣвая литературу начала 30-хъ годовъ, мы видимъ по журнальнымъ статьямъ, по многочисленнымъ переводамъ кажущееся разнообразіе интересовъ къ современнымъ европейскимъ движеніямъ, — представленъ романтизмъ во всѣхъ его видахъ, соціально-политическій французскій, романтизмъ англійской „озерной“ школы съ консервативно-національнымъ оттѣнкомъ, отголоски байронизма, нѣмецкій романтизмъ.

Но вся эта пересадка хаотична, ничто не объединяется, не складывается въ живое цѣлое. Нигдѣ—ни въ лирикѣ, ни въ романѣ, ни тѣмъ болѣе въ журнальныхъ статьяхъ нѣтъ ни намека на современность, которая въ Александровскую пору все же врывалась въ литературу. Мысль съ особеннымъ предпочтеніемъ обращалась къ прошлому, въ глубь старины. Это — пора появленія историческихъ романовъ; это „Юрій Милославскій“ Загоскина, „Ледяной домъ“ Лажечникова, „Арапъ Петра Великаго“ Пушкина.

Зарожденіе историческаго романа у насъ находилось, конечно, въ связи съ соотвѣтственнымъ движеніемъ на Западѣ, возбужденнымъ въ особенности вліяніемъ Вальтеръ-Скотта; у французовъ—Просперъ Мериме, Альфредъ де Виньи, Викторъ Гюго съ его „Соборомъ Парижской Богоматери“, въ Италіи—Александръ Манцони, который въ романѣ „Обрученные“ (Promessi sposi), описывая феодально-крѣпостническіе порядки въ Ломбардіи 17 в., при испанскомъ владычествѣ, имѣлъ въ виду современную дѣйствительность Италіи, удрученной австрійскимъ гнетомъ. Въ литературахъ Запада опредѣленно сказывались новыя направленія, которымъ у насъ къ этому времени не было соотвѣтствія.

Во французской литературѣ движеніе воинствующаго романтизма стояло въ связи съ политическимъ броженіемъ и борьбой, проявлялись соціальныя теченія подъ знаменемъ сенъ-симонизма и смѣнившихъ его доктринъ, и близилась іюльская революція. Въ нѣмецкомъ литературномъ мірѣ началось живое движеніе „Молодой Германіи"; Гейне уже въ 1822 г. издаетъ свои стихотворенія, въ 1826 г. свои „Путевыя картины", Людвигъ Берне выступаетъ на арену публицистической дѣятельности. Въ Англіи развивалось соціальное направленіе литературы, отражая сильныя общественныя теченія и борьбу изъ-за реформъ, въ центрѣ которыхъ должна была стать парламентская реформа.

Всѣ эти новыя движенія въ западной литературѣ оставались чуждыми намъ. Предшествовавшія вліянія ослабѣли. Байронизмъ, нѣкогда вліявшій даже на такихъ, чуждыхъ ему людей, какъ Батюшковъ, или Рылѣевъ, охватившій всѣ общественные круги, вплоть до Репетилова съ братіей, которые толковали въ англійскомъ клубѣ о „камерахъ, присяжныхъ, о Байронѣ, и о матерьяхъ важныхъ", понизилъ свой діапазонъ; Пушкинъ еще переживалъ отголоски Байроновскаго вліянія въ „Полтавѣ", послѣднихъ главахъ „Евгенія Онѣгина", и только у Лермонтова проявится впослѣдствіи единственное по силѣ и глубинѣ настроеніе, звучащее отголоскомъ англійскаго поэта.

Нѣмецкое романтическое движеніе не возбуждало дѣйствительнаго глубокаго интереса; мало было прямыхъ отраженій его. Жуковскій, признанный его представитель въ русской поэзіи, въ сущности многаго не подозрѣвалъ въ немъ, не понималъ его глубинъ. Когда онъ встрѣтился за границей съ Тикомъ, родоначальникомъ первой романтической школы въ Германіи, они почти не понимали другъ друга. Послѣдователи Жуковскаго еще мельче плавали, и единственное болѣе серьезное отраженіе нѣмецкой романтики сказалось во вліяніи романтической философіи, и именно Шеллинга, смѣненнаго затѣмъ Гегелемъ,—вліяніи, отразившемся впослѣдствіи на идеологіи славянофильства. Такъ скудость живой и самостоятельной литературной дѣятельности не восполнялась даже интенсивными внѣшними вліяніями.

На историческомъ отдаленіи все яснѣе выступаетъ истинный характеръ водвореннаго Николаемъ порядка вещей, этого фона новой литературной эпохи, — и подлинный образъ самого творца режима [1]). Николай никогда не готовился и не могъ готовиться къ дѣятельности правителя, не получилъ сколько-нибудь сноснаго образованія, да и не очень былъ склоненъ къ ученію. Даже того лоска образованности, который Александру I-му былъ привитъ Лагарпомъ, у него не было. Но послѣ брака Константина Павловича съ польской аристократкой кандидатура его на престолъ сдѣлалась невозможной, и для Николая открылось призваніе правителя. Актъ объ отреченіи Константина Павловича и о назначеніи Николая наслѣдникомъ лежалъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ и долженъ былъ быть вскрытъ только послѣ смерти Александра I. Междуцарствіе съ его тревогами и возстаніе декабристовъ властно вызвали Николая къ рѣшительному выступленію на арену въ роли правителя. Насколько онъ самъ чувствовалъ свою неподготовленность, показываетъ его желаніе учиться даже у декабристовъ тому, что нужно Россіи. Изъ всѣхъ показаній подсудимыхъ на допросахъ слѣдственной коммиссіи дѣлались извлеченія, которыя должны были показать, какія преобразованія ввели бы декабристы, если бы возстаніе удалось. Можно бы думать, что Николай

[1]) Изъ пособій къ изученіи эпохи укажемъ „Курсъ исторіи Россіи въ 19 в." Корнилова, 1912—14 г., изслѣдов. историка Павловскаго и Александровскаго царствованія Шильдера, доведенное въ исторіи Николаевской поры до подавленія польскаго возстанія въ 1831 году; трехтомный трудъ Теодора Шимана „Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I", 1904—1913, опирающійся на данныя документовъ, хранящихся въ Берлинскихъ архивахъ; „Очеркъ внутренней политики Николая I-го" Кизеветтера (въ его „Историческихъ очеркахъ", 1912 г.). Есть любопытныя показанія иностранцевъ-очевидцевъ въ родѣ маркиза де-Кюстина, изобразившаго дворъ и общество въ книгѣ „La Russie en 1839"; въ настоящее время въ большомъ количествѣ располагаемъ подлинными Николаевскими документами, — недавно напр. въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1916 г. появились письма Николая къ матери-императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, рисующія состояніе его во время слѣдствія, допросовъ и приговора надъ декабристами. Цѣнны показанія и освѣщенія, которыя даютъ воспоминанія современниковъ, Герцена (Былое и думы), Никитенко, Греча, историка Соловьева, Гончарова, Буслаева и мн. др.

какъ-будто готовъ былъ принять къ свѣдѣнію и руководству эти указанія,—но если въ различное время учреждено было шесть секретнѣйшихъ комитетовъ по крестьянскому вопросу, рѣшеніе его не сдвинулось съ мертвой точки. То же произошло и съ вопросомъ о реформѣ суда.

Кто же были помощники Николая въ его работѣ, его „сподвижники", руководители политики? Въ первые дни правленія это былъ Карамзинъ, главный совѣтчикъ новаго императора въ его поискахъ программы, идеологіи. Онъ изо всѣхъ силъ старался насытить Николая старозавѣтной политической мудростью, характеръ которой мы знаемъ изъ програмныхъ заявленій, представленныхъ Карамзинымъ еще Александру I, изъ „Записки о древней и новой Россіи" и записки по Польскому вопросу, въ рѣшеніи котораго Карамзинъ рѣшительно расходился съ имп. Александромъ, являвшимся для Польши конституціоннымъ монархомъ, передавъ эту своеобразную роль и Николаю, сначала послѣдовательно выполнявшему ее до польской революціи 1830 года.

Передъ смертью Карамзинъ указалъ императору на своихъ учениковъ; въ числѣ ихъ былъ Блудовъ, въ свое время арзамасецъ, другъ Пушкина, впослѣдствіи ревностнѣйшій клевретъ Николаевскаго режима.

Изъ опалы былъ вызванъ Николаемъ Сперанскій, одно изъ немногихъ чистыхъ именъ новаго царствованія, съ внушительнымъ прошлымъ серьезнаго и глубокаго реформатора, грубо отстраненнаго Александромъ отъ своего большого дѣла. Его поставили въ первые ряды, но это уже былъ не прежній Сперанскій. Онъ сосредоточился надъ большою работой во „Второмъ отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи", надъ составленіемъ Свода законовъ.

Но не такими, какъ Сперанскій, Карамзинъ, Блудовъ, держался Николаевскій режимъ; ни клевреты Александровской реакціи, ни былые, но охладѣвшіе и образумленные просвѣтители и реформаторы не были теперь нужны: Аракчеевъ въ немилости, Фотій высланъ; Магницкій удаленъ въ прибалтійскій край, Руничъ не у дѣлъ. На ихъ мѣсто явились другіе, и сомкнутымъ фронтомъ двинутся они на перерѣзъ путямъ литературы и просвѣщенію.

Вождемъ и руководителемъ ихъ сталъ графъ Бенкендорфъ. Когда Николай былъ только начальникомъ дивизіи, онъ уже сблизился съ нимъ, понравившимся ему своей ловкостью, исполнительностью, формализмомъ. Впослѣдствіи Бенкендорфъ показалъ себя незамѣнимымъ охранителемъ: въ бумагахъ Александра была найдена неиспользованная имъ записка о тайныхъ обществахъ, составленная Бенкендорфомъ, Николай оцѣнилъ ее. Съ той поры длилась неразрывная дружба между ними; Николай подарилъ Бенкендорфу свой портретъ съ французской надписью, въ которой выражалъ ему преданность на всю жизнь. Бенкендорфа называли вице-императоромъ, какъ Руэра при Наполеонѣ III. Роль его можно бы сравнить и съ положеніемъ князя Меттерниха въ Австріи, съ той разницей, что Меттернихъ былъ гораздо большимъ дипломатомъ, и кругъ его дѣятельности, раскидывавшійся на обще-европейскую политику, былъ гораздо шире. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Николай совершенно поддавался натиску Бенкендорфа. Натура императора иногда могла бы сказаться мягче, но Бенкендорфъ раскидывалъ передъ нимъ такіе грозные горизонты, что тотъ сдавался. Одинъ изъ примѣровъ этого — отношеніе Николая къ Пушкину. Если его черезмѣрно-трогательныя заботы о семьѣ покойнаго поэта—сказка, сочиненная Жуковскимъ (ее окончательно вскрыла недавняя работа Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“), то все же наприм. при пересмотрѣ бумагъ Пушкина Николай не хотѣлъ налагать на нихъ свою руку, но Бенкендорфъ настойчиво вліялъ на него — и получилъ право пересмотра всѣхъ бумагъ и, конечно, уничтоженія многаго.

Бенкендорфъ сталъ во главѣ новаго учрежденія,—III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. Какъ - будто задуманное, какъ центральный органъ общественной безопасности, и вмѣстѣ съ тѣмъ защиты и заступничества за всѣхъ страдающихъ и несчастныхъ (эффектный жестъ Николая при открытіи этого учрежденія въ отвѣтъ на вопросъ Бенкендорфа — каковы будутъ инструкціи для его дѣятельности, пояснилъ это: Николай бросилъ ему платокъ, сказавъ, что этимъ платкомъ онъ долженъ утирать слезы несчастныхъ), оно получило совершенно иное назначеніе. Хроническій

сыскъ, опутавшій именно благодаря 3-му отдѣленію все въ Россіи, очень далекъ отъ трогательной картины Николаевскихъ жандармовъ, утирающихъ слезы вдовъ и сиротъ. Бенкендорфъ создалъ цѣлую школу, лучшимъ ученикомъ которой былъ лукавый, вкрадчивый, но не менѣе энергическій въ своихъ обузданіяхъ Дубельтъ.

Имъ помогала раболѣпная, оффиціозная, привиллегированная печать, которой принадлежали наиболѣе распространенные органы, газеты, журналы, и во главѣ которой стояли: Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій, получившіе по выраженію Пушкина на откупъ русскую литературу.

Несложна была идеологія, легшая въ основу политической системы Николая. Самъ онъ не трудился ее формулировать, и объясненія, изложенія ея надо искать у его наперсниковъ и близкихъ къ нему лицъ.

Въ началѣ царствованія Пушкинъ въ поданной имъ Николаю „Запискѣ о воспитаніи" указывалъ на несовершенство тогдашняго воспитанія и защищалъ необходимость широкой и разумной постановки его. Поэтъ указывалъ, что недостатки воспитанія молодежи и обереганіе ея въ особенности отъ политическаго воспитанія много содѣйствовали наростанію недовольства существующимъ порядкомъ вещей и повели къ волненіямъ и возстанію. Тогда, мы уже знаемъ, въ отвѣтъ Пушкинъ выслушалъ отъ Бенкендорфа дышавшее враждебностью наставленіе: „Нравственность, прилежаніе, служеніе и усердіе должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному". Наукѣ противополагалось что-то мертвящее, идеалъ верховной руководящей силы, которая въ вопросѣ о воспитаніи, какъ и въ другихъ вопросахъ государственной и общественной жизни, все лучше знаетъ, все рѣшитъ и прикажетъ.

Въ 1832-мъ году Уваровъ, вступая въ должность министра Народнаго Просвѣщенія, обратился къ попечителямъ округовъ съ циркуляромъ, въ которомъ, разъясняя духъ предстоящей имъ дѣятельности, формулировалъ въ извѣстной трехчленной формулѣ квинтъ-эссенцію Николаевской политической мудрости: „самодержавіе, православіе, народность". „Народность" понималась не въ смыслѣ уваженія желаній

и правъ народа или предоставленія народу свободнаго развитія, но какъ освященіе самого института крѣпостного права. „Самодержавіе, православіе и рабовладѣніе“ — такъ можно измѣнить эту формулу. Что она исходила отъ Уварова, было по тому времени очень знаменательно. Уваровъ не былъ заурядным, безличнымъ высшимъ чиновникомъ; у него были не малыя заслуги. Въ началѣ вѣка онъ уже входилъ, наряду съ Батюшковымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, въ „Арзамасъ“, гдѣ группировалось все молодое, свѣжее, боровшееся съ литературнымъ изувѣрствомъ Шишкова. Живя въ качествѣ дипломата на Западѣ, въ Германіи, Парижѣ, онъ близко зналъ Гете и братьевъ Гумбольтовъ, въ Парижѣ сблизился съ Сильвестромъ де Саси, главою современнаго оріентализма и, опираясь на его помощь, организовалъ востоковѣдѣніе въ русской университетской жизни, содѣйствуя созданію Азіатскаго музея при Академіи,—былъ вмѣстѣ съ тѣмъ знатокомъ эллинской древности и археологіи и оставилъ въ этихъ областяхъ слѣдъ своими работами; при Александрѣ I онъ былъ президентомъ Академіи Наукъ, наконецъ, начавъ съ должности попечителя округа, онъ достигъ поста министра и долго держалъ въ своихъ рукахъ судьбы науки; что именно этотъ человѣкъ, ученый, классикъ, оріенталистъ-любитель, поклонникъ Гете,—выступилъ, какъ творецъ формулы, было фактомъ очень характеристическимъ. Но его нельзя считать совершеннымъ обскурантомъ; интересы къ наукѣ несомнѣнно не покидали его; въ его время въ Москвѣ, при попечителѣ Округа Строгановѣ возможны была научная дѣятельность Грановскаго, посылки молодыхъ ученыхъ за границу; профессорское поколѣніе Уваровско-Строгановское было разсадникомъ плодотворной культурной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, умный и образованный Уваровъ былъ философомъ того режима, гдѣ внѣ самодержавія, православія, народности—рабовладѣнія не было спасенія. Со временемъ, несмотря даже на этотъ девизъ на его знамени, и онъ сталъ неугоденъ. Послѣ революціи 1848 года, докатившейся до насъ, предприняты были правительствомъ усиленно-охранительныя мѣры, съ которыми даже Уваровъ не согласился. Онъ былъ замѣненъ нетерпимымъ святошей, кня-

земъ Ширинскимъ-Шахматовымъ, который и управлялъ почти до Крымской войны дѣлами просвѣщенія.

Но символъ вѣры Николая не укладывался только въ рамки трехчленной формулы. Онъ неуклонно проявлялъ себя строгимъ ревнителемъ попечительной власти правительства; разумѣется, это не было николаевскимъ новшествомъ; то была основа политики Екатерины, несмотря на внѣшній культурный блескъ, который придавалъ ея царствованію характеръ просвѣтительнаго вѣка; самостоятельная дѣятельность выдающихся соціальныхъ работниковъ—масоновъ вызвала настойчивое противодѣйствіе со стороны Екатерины, которыя привели къ подавленію этого движенія. О Павлѣ и говорить не приходится; это было торжество мрака и самоуправства. Но и Александръ I при своей терпимости и либеральныхъ взглядахъ, обязывавшихъ его къ иной политикѣ, рѣшительно повернулъ на традиціонную дорогу неограниченной власти. Николай I, съ самого начала не признававшій за общественными силами свободной иниціативы, вездѣ и во всемъ былъ вѣренъ этимъ взглядамъ, начиная съ внутренней политики и до экономической, хозяйственной, промышленной жизни страны. Такъ напримѣръ, если желѣзныя дороги давно уже существовали вездѣ, въ Россіи долго была только небольшая линія между столицей, Царскимъ Селомъ и Павловскомъ; лишь къ началу пятидесятыхъ годовъ, проведенная казеннымъ способомъ, съ страшными хищеніями и злоупотребленіями, осуществилась николаевская дорога, и затѣмъ, несмотря на всѣ попытки и предложенія провести подобные пути сообщенія частными силами, не строилось ничего казной, которая одна только могла бы это сдѣлать,—и крымская война обнаружила ужасающія послѣдствія этого упорства.

Довѣряя только своимъ наперсникамъ, Николай послѣ событій, сопровождавшихъ его вступленіе на престолъ, недовѣрчиво относился ко всему, что могло бы идти изъ общественныхъ круговъ. Мы знаемъ, что во время процесса декабристовъ, онъ часто самъ ихъ допрашивалъ, то отдаваясь гнѣву, то широко примѣняя искусство лицемѣрія. Такъ Каховского онъ сумѣлъ даже очаровать, внушивъ ему

понятіе о себѣ, какъ о первомъ гражданинѣ Россіи, и этотъ юноша, апостолъ политическаго радикализма, развившійся на античныхъ преданіяхъ свободы, повѣрилъ искренности Николая. Его ждала страшная казнь за убійство Милорадовича,—четвертованіе, замѣненное повѣшеніемъ. Николай въ письмѣ къ матери, говоря о своемъ тяжеломъ нервномъ состояніи послѣ приговора, признавался, что изъ декабристовъ онъ ни кого не жалѣетъ, кромѣ Каховскаго.

Впечатлѣнія, вынесенныя изъ начальной борьбы съ общественными силами, остались у Николая навсегда. Казалось, что призраки декабристовъ („Mes amis du quatorze", какъ онъ ихъ называлъ) мерещились ему потомъ постоянно. Длинный рядъ тягостныхъ этихъ отраженій и воспоминаній открывается суровымъ отношеніемъ къ одному изъ многообѣщавщихъ молодыхъ поэтовъ, совершенно неповинному, казалось, въ политическомъ вольнодумствѣ; это было первое дѣйствіе новаго императора во вредъ литературѣ. Московскій студентъ Полежаевъ, въ остроумной, распущенной, но безобидной поэмѣ „Сашка", далъ картинку студенческой жизни въ тогдашнемъ кварталѣ полусвѣта, въ Грузинахъ. Развязно-шуточная поэма Василія Львовича Пушкина „Опасный сосѣдъ", взятая изъ тѣхъ же нравовъ и также распространявшаяся только въ спискахъ, не вызвала (да и не заслуживала) при Александрѣ никакихъ каръ; теперь вольность тона Полежаева показалась преступною. Онъ былъ вызванъ къ Николаю и долженъ былъ по его требованію прочесть ему и „Сашку", и другую свою шутку,—комическія похожденія священника,— „Имамъ-Козелъ". До-нельзя возмущенный Николай грозно заявилъ; „я положу предѣлъ этому разврату; это все еще слѣды, послѣдніе остатки; я ихъ искореню". Какъ будто смягченный отзывомъ министра о „прекрасномъ поведеніи" совершенно неизвѣстнаго ему студента и, признавъ, что этотъ отзывъ его спасъ, императоръ все же нашелъ нужнымъ для примѣра и обузданія наложить кару. Полежаевъ былъ отданъ въ солдаты. И даровитому поэту, одному изъ младшихъ учениковъ и послѣдователей Пушкина, съ сильно развитымъ лиризмомъ, мастерствомъ стиха, значительными отраженіями Байрона, Ламартина, въ его поэзіи, пришлось узнать весь ужасъ ни-

колаевской солдатчины. Онъ самъ ухудшилъ свое положеніе. Довѣрившись позволенію Николая въ случаѣ особой нужды писать прямо ему и, не получая отвѣта на свои обращенія, измученный, онъ бросился необдуманно и безъ спроса въ Петербургъ просить защиты; потомъ опомнился, сознавъ, что его, какъ дезертира, ждетъ жестокое наказаніе, вернулся,— правда, не былъ прогнанъ сквозь строй, зато отправленъ на Кавказъ, гдѣ тщетно надѣялся въ войнѣ съ горцами найти смерть; переведенный потомъ въ Москву, онъ умеръ отъ чахотки; въ его поэзіи отразилась вся несчастная его судьба.

Исторія Полежаева—характеристическое введеніе въ длинную лѣтопись расправы Николая съ литературными и общественными силами, въ особенности искорененія „вольности" въ молодыхъ поколѣніяхъ. Разгромъ различныхъ кружковъ, Сунгурова, Критскихъ, Герцена и ссылка его въ Вятку, въ 1849 году дѣло Петрашевцевъ, которому придано было значеніе опаснаго заговора и государственной измѣны, за которую члены кружка чуть не поголовно приговорены были къ смертной казни, отмѣненной, когда всѣ приготовленія къ ней были уже сдѣланы,—длинный рядъ наглядныхъ примѣровъ. А вокругъ нихъ стоитъ и долгое мучительство, прикрашенное кажущимся покровительствомъ, Пушкина, признаніе Чаадаева сумасшедшимъ, закрытіе „Московскаго Телеграфа", „Телескопа", „Европейца", арестъ Полевого, ссылка Кирѣевскихъ...

Въ политикѣ Николая до 1830 года еще можно было уловить какіе-то намеки на возможность улучшеній и уступокъ. Канунъ другой даты великихъ европейскихъ волненій, 1848-го года, отмѣченъ былъ снова уступчивостью, ослабленіемъ гнета, даже приготовленіями къ реформѣ. Но 1830-ый и 1848-ой годы, годы революцій на Западѣ, становятся предостереженіями для Николая. Казалось революція стучится уже въ врата его имперіи. Когда разыгралась февральская революція, во Франціи водворилась вторая республика, настали революціонныя потрясенія въ Германіи и Австріи, началось итальянское и венгерское движеніе, Николай взялъ всѣ свои планы уступокъ назадъ, и настали семь послѣд-

нихъ лѣтъ реакціи, которыя считаются самыми тяжелыми во всей исторіи Николаевскаго правленія.

Неизмѣнно охранительную позицію занялъ Николай и во внѣшней своей политикѣ, вездѣ готовый отстаивать старый порядокъ. Неизмѣнно и всегда, въ Россіи и внѣ ея, онъ былъ ярко выраженнымъ легитимистомъ. Вообще на Николаевскую Россію смотрѣли въ Европѣ, какъ на жандарма, стоящаго на стражѣ стараго порядка. Яркимъ примѣромъ этого была Венгерская война, когда цѣной русской крови была подавлена венгерская демократія, подорвана національная самобытность мадьяръ, отложившихся отъ законной власти и зачѣмъ-то спасена монархія Габсбурговъ. Цѣль войны выражена была Николаемъ въ манифестѣ передъ ея началомъ, властно заявившемъ о несокрушимомъ желаніи положить конецъ мятежнымъ движеніямъ народовъ и разрушительнымъ дѣяніямъ революціи, и полномъ вѣры въ побѣду, такъ какъ съ нами Богъ. Опорой принятой Николаемъ на себя роли стража порядка въ Европѣ были побѣдоносныя его войны: открывающія собою ихъ рядъ персидская и турецкая 1828—29 годовъ, затѣмъ братоубійственная русско-польская и покрывшая насъ легко добытыми лаврами Венгерская война; съ послѣдней турецкой войной 1853 г., перешедшей потомъ въ грозную Крымскую, когда противницей Россіи оказалась большая европейская коалиція, рухнула традиція непобѣдимости николаевскихъ орловъ, и военная эпопея закончилась трагически. Понятно, что при Николаѣ военное дѣло считалось важнѣйшимъ въ государствѣ. Россія становилась и полицейскимъ и военно-казарменнымъ государствомъ, и первое мѣсто занимали тѣ, кто проявлялъ на военномъ поприщѣ свои силы и способности. Опорой военно-полицейскаго государства была, конечно, прежде всего армія, служба въ которой длилась 25 долгихъ лѣтъ, захватывая всю лучшую, сознательную часть человѣческой жизни. Въ первыя пять лѣтъ царствованія она могла еще опираться на аракчеевскія военныя поселенія, соединявшія военное ремесло съ хлѣбопашествомъ и крестьянской жизнью, и только кровавый бунтъ 1831 года положилъ тому предѣлъ. Въ связи съ громаднымъ значеніемъ военнаго

дѣла, вниманіе правительства въ области просвѣщенія было, конечно, обращено на военныя учебныя заведенія. Будущій царь-освободитель Александръ II былъ главнымъ начальникомъ ихъ. Были, конечно, попытки сдѣлать кое-что и въ области гражданскаго просвѣщенія; былъ основанъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, при Уваровѣ проводились обще-культурныя мѣры, все же главное вниманіе было обращено на развитіе милитаризма. Въ теченіе 30-ти лѣтъ Россія давала на всю Европу представленіе о совершенномъ внутреннемъ благополучіи и внѣшней непобѣдимости. Бенкендорфъ въ одномъ изъ сбереженныхъ преданіемъ характеристическихъ своихъ заявленій утверждалъ, что прошедшее Россіи прекрасно, настоящее необыкновенно хорошо, что касается будущаго, то оно лучше всего, что можетъ представить себѣ самое богатое воображеніе.

Пресмыкающаяся и подслуживающаяся литература являлась опорой правительственной системы. Ею руководили Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій. Изъ нихъ Гречъ—нѣмецъ, довольно образованный, все же занимался исторіей и теоріей литературы и былъ нравственно чище другихъ. Полякъ-ренегатъ Булгаринъ, типъ продажнаго журналиста съ сомнительнымъ прошлымъ, сначала воевавшій въ рядахъ наполеоновской арміи, противъ Россіи, потомъ въ русскомъ войскѣ противъ Наполеона; прежде польскій патріотъ, онъ отрекся отъ своего народа и сталъ полонофобомъ. Онъ былъ неглупъ, свѣдущъ, но безстыденъ сверхъ мѣры, и сверхъ мѣры же лишенъ сознанія человѣческаго достоинства, позволяя „начальству“ продѣлывать надъ собой все, что угодно. Выступивъ сначала въ (выходившемъ съ прибавленіемъ „Сѣвернаго Архива“) журналѣ „Сынъ отечества“, онъ основалъ газету „Сѣверная пчела“, и монополизировалъ вліяніе періодической печати на умы. Годами шла въ его органѣ клевета на все свѣтлое, свободное, выдающееся, чѣмъ жила мыслящая и стремящаяся къ просвѣщенію и самоопредѣленію Россія. Только къ началу александровской поры, словно истощивъ весь свой ядъ, онъ сдѣлался ненужнымъ и, достигнувъ большого чина, былъ устраненъ.

Полякъ Сенковскій, несравненно болѣе талантливый, представлялъ собою сначала большую научную силу, впервые выдвинувшись въ рядахъ польской колоніи середины 20-хъ годовъ въ Петербургѣ, когда въ ней собрались выдающіяся силы, Мицкевичъ и многіе талантливые дѣятели общественные и литературные, Ишецлавскій, графъ Ржевусскій и др., и вмѣстѣ съ тѣмъ въ наукѣ, какъ ученый оріенталистъ, путешественникъ по Востоку (въ Турціи, въ Египтѣ); Сенковскій читалъ въ Петербургѣ лекціи по востоковѣдѣнію и увлекалъ слушателей талантливостью и серьезностью изложенія. Въ то же время проявляются большія его литературныя способности; его статьи о Востокѣ могли появляться въ такомъ передовомъ органѣ, какъ „Полярная Звѣзда“. Впослѣдствіи, когда онъ сталъ во главѣ журнала „Библіотека для чтенія“, онъ возвращался порою къ своей прежней спеціальности, напримѣръ въ изящной статьѣ „Поэзія пустыни или Арабская поэзія до Магомета“. Но въ этомъ польскомъ національномъ дѣятелѣ и оріенталистѣ рѣзко проявляется потомъ черта, сроднившая его съ Булгаринымъ и Гречемъ. Взявъ себѣ изъ лубочной сказки псевдонимъ „Брамбеусъ“ съ прибавкой къ нему „барона“, онъ подъ этимъ именемъ похоронилъ себя навсегда, какъ литератора и ученаго; онъ и потомъ долго занималъ каѳедру, но такъ же тяготился ею, какъ съ неудовольствіемъ относился ко всякимъ напоминаніямъ о своемъ польскомъ національномъ; наравнѣ съ Булгаринымъ онъ выказалъ большія способности противиться всему живому въ литературѣ. Редакторъ и критикъ-борзописецъ во вліятельномъ журналѣ, онъ ревностно служилъ николаевскому режиму и былъ даже вреднѣе Булгарина и Греча, такъ какъ несомнѣнно былъ талантливѣе, искуснѣе и энергичнѣе ихъ. У него образовалась цѣлая школа приверженцевъ, натискъ велся дружно, и литературные дѣятели гоголевскаго періода должны были много и долго бороться противъ Сенковскаго.

Такъ дѣйствовала славная троица; на подмогу ей выступили со временемъ публицисты такъ называемой оффиціальной народности, во главѣ съ профессорами Московскаго университета—Шевыревымъ и Погодинымъ, съ ихъ „Моско-

витяниномъ“, лишь болѣе чистыми средствами все же поддерживая и оправдывая казенный николаевскій режимъ.

Таковы были въ высокой степени неблагопріятныя условія среды, времени, господствующей политики, свободной проповѣди задерживающихъ и гнетущихъ началъ,—условія обставившія съ начала николаевской поры развитіе литературы. Но именно къ этой эпохѣ относится необыкновенный приливъ новыхъ и выдающихся силъ, обусловившихъ ея расцвѣтъ, поражающій послѣ былыхъ скорбныхъ утвержденій, что и литературы вовсе у насъ нѣтъ. Это—именно время появленія, на рубежѣ тридцатыхъ годовъ, Гоголя, Лермонтова, московскихъ философско-эстетическихъ и соціалистическихъ кружковъ, съ Бѣлинскимъ, Станкевичемъ, Герценомъ во главѣ. Совершенно разрозненные, часто не знающіе другъ о другѣ, они вносятъ въ литературу и жизнь новыя идеи, великія художественныя силы и энергію. Вопреки всѣмъ вреднымъ вліяніямъ времени они проложатъ путь, и будущее станетъ принадлежать имъ.

Этотъ приливъ примѣчательныхъ силъ, открывающій собою новый періодъ въ творчествѣ мысли и общественности, начинается съ первыхъ выступленій Гоголя. Ни Лермонтовъ, ни Бѣлинскій, ни Герценъ еще не вышли изъ Lehrjahre, а онъ уже явился (въ 1829 г.) съ своей поэмой „Ганцъ Кюхельгартенъ“, задуманной, по его словамъ, еще раньше, въ 1827 г., и вскорѣ выступитъ съ первыми своими украинскими повѣстями. Давно малорусская народность не передавала обще-русскому народному дѣлу такой примѣчательной силы, какъ Гоголь.

Съ 17-го до половины 18-го вѣка кіевская образованность шла впереди великорусской. Кіевская академія въ 17 вѣкѣ съ ея профессорами, проповѣдниками, ораторами, стихотворцами, научными дѣятелями, затмевала все, что могла дать скудная Московская культура. Въ Петровскую пору Ѳеофанъ Прокоповичъ стоялъ нетолько во главѣ русской церковности, но и науки, и литературы. Его знанія и работы, въ ихъ латинскомъ нарядѣ, были оцѣнены и на Западѣ. Въ передовыхъ и литературныхъ рядахъ екатерининской поры, связанный дружбой и единомысліемъ съ Хемнице-

ромъ, Державинымъ, выступаетъ съ своимъ смѣлымъ сатирическимъ походомъ противъ стараго суда, комедіею „Ябеда“ и одой противъ рабства, малороссъ Капнистъ. Къ началу 19-го вѣка начинается самостоятельное развитіе украинской литературы на народномъ языкѣ.

Знаменательной датой въ ея исторіи является 1798 годъ, когда появилось произведеніе Ивана Котляревскаго „Энеида Виргилія, перелицованная на малорусскую мову“. Котляревскій представлялъ собою очень сложную, богато одаренную натуру; вникавшій во всѣ стороны жизни народа, озабоченный дѣломъ его образованія, онъ проявилъ большія способности въ области литературы, начиная съ театра и кончая повѣстями. До него и на Западѣ, и въ русской литературѣ были опыты перелицовки Энеиды; въ 1791 году это было сдѣлано Осиповымъ. Но Котляревскій не повторилъ чужихъ пріемовъ, а самостоятельно и съ яркимъ реализмомъ изобразилъ украинскую народную жизнь. Черезъ сто лѣтъ послѣ появленія Энеиды Котляревскаго, въ 1898 году, благодаря продержавшемуся нѣкоторое время благосклонному отношенію къ малорусской литературѣ явился трехъ-томный сборникъ „Вікъ“, наглядно выразившій прогрессъ ея за сто лѣтъ. Котляревскій былъ первымъ вѣстникомъ ея развитія. Онъ далъ затѣмъ малорусскому театру двѣ комедіи, вѣрнѣе, комическія оперы, въ которыхъ отражается подлинная малорусская дѣйствительность (съ національными пѣснями). Это „Наталка Полтавка“ и „Москаль-чаривникъ“, написанныя живо и свѣжо, безъ искусственной чувствительности, свойственной оперѣ 18 вѣка. Въ пьесѣ Василія Гоголя, напечатанной лишь въ 60-хъ годахъ въ малорусскомъ журналѣ „Основа“, „Хитрость женщины, перехитренной солдатомъ“, тотъ же сюжетъ, что и въ „Москалѣ-чаривникѣ“. И въ пьесѣ Котляревскаго, и въ пьесѣ В. Гоголя фабула взята была изъ пьесы итальянскаго театра, игранной во Франціи, продержавшейся тамъ въ теченіе 2-хъ вѣковъ, „Солдатъ-колдунъ“ („Le soldat magicien“). Профессоръ Дашкевичъ въ статьѣ о сюжетѣ „Москаля“ въ „Кіевской старинѣ“ провелъ параллели между этими малорусскими пьесами и французской комедіей. Кромѣ того, онъ

указалъ на обработку того же сюжета еще въ средніе вѣка, и въ одной изъ „образцовыхъ новеллъ“ Сервантеса, гдѣ играютъ роль Саламанкскіе студенты. Все это даетъ любопытную родословную пьесы Котляревскаго, не устраняя большой оригинальности ея содержанія — бытовыхъ чертъ, здороваго комизма.

Украинское движеніе въ области литературы не предрѣшало, однако, чтобы все, служащее ему, писалось на малорусскомъ языкѣ. Такъ въ 1816 году въ Харьковѣ, имѣвшемъ въ первомъ періодѣ значеніе украинскаго литературнаго центра съ своими организаціями и кружками, возникъ основанный Гонорскимъ и Филомаѳитскимъ первый украинскій журналъ „Украинскій вѣстникъ“; въ 30-хъ годахъ тамъ являлись сборники и альманахи малорусскаго содержанія. Въ университетской средѣ выдвинулся тамъ ревностный національный дѣятель, профессоръ и поэтъ—моралистъ Гулакъ-Артемовскій, извѣстный баснями, выдержанными въ народномъ тонѣ, интересными и по слогу и по замыслу. Онъ не повторялъ въ нихъ избитыхъ басенныхъ темъ, а прокладывалъ пути для новыхъ идей. Содержаніе лучшей, ставшей классическою, басни „Панъ и собака“ взято изъ нѣдръ крѣпостного права. Она рисуетъ безпомощное положеніе вѣчнаго труженика и страдальца — крестьянина. Другая, неменѣе характеристическая басня привлекаетъ вниманіе искреннимъ заступничествомъ за женщину, желаніемъ для нея лучшей доли. Въ этомъ отражаются не-шаблонныя стремленія автора. Его дѣятельность въ университетѣ и заботы о народномъ благѣ рисуютъ привлекательный его образъ.

Григорій Квитка много писалъ на малорусскомъ языкѣ, но требуетъ себѣ мѣста и въ рядахъ общерусскихъ писателей, избирая темами своихъ повѣстей и романа „Панъ Халявскій“ бытъ и нравы родного края.

Квитка —личность въ высшей степени интересная и сложная: сначала монахъ, потомъ актеръ, режиссеръ, наконецъ драматургъ, писатель, завоевавшій подъ псевдонимомъ „Основьяненка“ большую извѣстность. Заботливо относился онъ къ родному краю, пожертвовавъ напримѣръ, большія средства на устройство женскаго учебнаго заведенія, превращеннаго

потомъ въ „Институтъ благородныхъ дѣвицъ“. Малорусскія вещи, написанныя имъ, цѣнны и въ художественномъ отношеніи и по языку. „Панъ Халявскій“—живая бытовая картина.

Отцу Гоголя, Василію Гоголю, принадлежитъ также извѣстное мѣсто въ исторіи зарожденія новой украинской литературы, хотя онъ никогда не стремился къ писательской извѣстности. Это былъ очень даровитый человѣкъ съ способностями комическаго писателя и актера-любителя, пользовавшійся въ своемъ краю большою популярностью. Неподалеку отъ его усадьбы Васильевки находилось имѣніе бывшаго министра и большого украинофила Трощинскаго, жившаго широко, привлекавшаго къ себѣ симпатіи окружавшаго общества. Для его театра Василій Гоголь писалъ пьесы въ родѣ „Простака“, „Собаки и овцы“. Гоголь-сынъ любилъ и всегда помнилъ произведенія своего отца; въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ много эпиграфовъ взято изъ его произведеній.

Кромѣ украинскихъ писателей на Гоголя впослѣдствіи оказалъ еще сильнѣйшее вліяніе солидарный съ ними по направленію, но писавшій на общерусскомъ языкѣ Нарѣжный, со смертью котораго въ 1826 году замкнулся кругъ первой малорусской школы. Нарѣжный въ такой же степени соединялъ въ своихъ произведеніяхъ реализмъ съ романтизмомъ, какъ это было и въ раннихъ твореніяхъ Гоголя. Жизнь Нарѣжнаго не была богата событіями, но провела его по различнымъ слоямъ русскаго быта, надѣлила большимъ опытомъ трезваго наблюдателя и возбудила къ работѣ повѣствователя - реалиста (о жизни и дѣятельности Нарѣжнаго есть цѣнная монографія Надежды Бѣлозерской и статьи Ю. Соколова въ журналѣ Общ. Исторіи литературы „Бесѣды“ 1915 г.). По окончаніи университета онъ поступилъ на службу въ Грузіи, только что добровольно отдавшейся подъ покровительство Россіи. Туда была послана цѣлая армія чиновниковъ, достойныхъ прототиповъ Салтыковскихъ „Господъ Ташкентцевъ“. Нарѣжный, служившій при завѣдывавшемъ гражданскими дѣлами Грузіи, Коваленскомъ, видѣлъ воочію это нашествіе хищниковъ и варварское отношеніе къ

быту горцевъ, и изобразилъ это въ романѣ „Черный годъ или горскіе князья“, яркой картинѣ водворенія русской „культуры“ въ Закавказьѣ. Но, покинувъ край, онъ отдался литературной работѣ, живо воспроизводя малорусскую дѣйствительность. Цѣлый рядъ его повѣстей далъ отзвукъ въ Гоголевскомъ творчествѣ. Это — „Бурсакъ“, „Заморскій принцъ“, „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“ и, наконецъ, большой романъ „Россійскій Жиль-Блазъ или похожденія князя Гавріила Чистякова“. По слѣдамъ одного изъ выдающихся французскихъ нравоописательныхъ романистовъ-сатириковъ начала 18 столѣтія, Лесажа съ его „Жиль-Блазомъ и „Хромымъ Бѣсомъ“, и въ духѣ „плутовского романа“ или „романа приключеній“, Нарѣжный поставилъ въ центрѣ своего романа фигуру захудалаго князька Чистякова и пустилъ его по свѣту, чтобы при помощи разнообразнѣйшихъ его похожденій пересмотрѣть различныя стороны русскаго быта, воспроизводя ихъ въ лицахъ и дѣйствіяхъ съ такою свободой и независимостью мнѣній и рѣзкостью насмѣшки, что романъ подвергся цензурному гоненію, и три послѣднія его части были уничтожены. Въ „Россійскомъ Жиль-Блазѣ“ съ его широкой общественной картиной, конечно, нельзя не видѣть предвѣстія „Мертвыхъ душъ“.

Несомнѣнно, стало быть, что Гоголю могло служить напутствіемъ къ бытовому, малорусскому писательству вліяніе украинской словесности, какъ-бы она къ концу 20-хъ годовъ ни была молода и несложна. Ему было, казалось, суждено продолжать начатое дѣло. Выполнилъ ли онъ это назначеніе, и не послужила ли украинская литературная школа для него лишь подготовкой и опорой для общерусскаго великаго дѣла?

Можно прослѣдить по эволюціи его творчества, какъ онъ превращался изъ украинца-націоналиста въ общерусскаго писателя. Изгладились ли въ немъ когда-нибудь малорусскія національныя сочувствія? Онъ былъ преданъ родному краю и народу, горячо любилъ его; отъ печальной русской дѣйствительности уходилъ онъ на югъ, чтобъ пожить на родинѣ среди своего народа; все народное достояніе, въ особенности пѣсни, оставалось для него безконечно дорогимъ;

:алорусское прошлое, исторія народа, казачества, привлекала го. Если къ 1842 году относится окончательная редакція цѣлаго ряда важнѣйшихъ произведеній, I-ый томъ „Мертыхъ душъ“, послѣдняя редакція „Ревизора“, выработка екста важнаго, какъ символъ вѣры сатирика и комическаго исателя, „Театральнаго разъѣзда“, то къ тому же 1842 году тносится и II-я редакція „Тараса Бульбы“ (I-ая появилась ще въ сборникѣ „Миргородъ“). Такъ въ 1842 году онъ могъ пять вовратиться къ апоѳеозу украинскаго казачества. Культъ ародныхъ пѣсенъ выразился у него въ увлеченномъ собира:іи и записываніи ихъ. Академіей наукъ изданъ теперь Гоолевскій сборникъ ихъ, доходящій до 500 (въ это число вошло ишь немного великорусскихъ). Своему другу—Максимовичу 'оголь подарилъ до 200 пѣсенъ, у Максимовича же пѣсенъ ыло собрано, по свѣдѣніямъ Гоголя, до 1500. Еще въ Нѣкинѣ онъ читалъ проникавшія въ лицей стихотворенія Пуш:ина, особенно „Евгенія Онѣгина“, на котораго впервые укаалъ ему отецъ. Подобное чтеніе оказывало свое вліяніе на эношу; въ извѣстной степени могла влiять и иностранная итература, хотя Гоголь слабо зналъ иностранные языки. Гакъ повліявшая на „Ганца“ „Луиза“ Фосса была прочтена имъ въ плохомъ русскомъ переводѣ. На интересъ къ иностранной литературѣ указываетъ напримѣръ то, что въ концѣ Нѣжинскаго періода онъ купилъ себѣ Лейпцигское изданіе Шиллера, о чемъ съ радостью сообщаетъ въ письмѣ къ матери.

Съ чѣмъ вошелъ въ жизнь Гоголь? Въ своей „Авторской исповѣди“ онъ безжалостно и правдиво говоритъ о себѣ: „Надобно сказать, что я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое“. Собственно, онъ не получилъ никакого воспитанія. Составъ учителей и профессоровъ въ Нѣжинѣ былъ далеко не изъ блестящихъ, молодежь относилась къ наукѣ небрежно. По окончаніи курса, наканунѣ вступленія въ жизнь, поднялось удручающее сознаніе, что знаній у него никакихъ нѣтъ, что онъ не готовъ къ жизни, между тѣмъ стремленіе найти свое мѣсто въ ней, проложить слѣдъ своей „службой“ людямъ властно говорило. Своему даровитому товарищу Высоцкому, который уже находился въ Петербургѣ и звалъ

туда Гоголя, онъ отвѣчаетъ утвердительно. Спѣшно и мно
читаетъ онъ теперь, усиленно начинаетъ заниматься своим
развитіемъ, какъ будто надѣясь наверстать потерянное врем
Въ „Авторской исповѣди“ онъ говоритъ: „Мысль объ учені
пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ таких
первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать их
и скрывалъ свои занятія“. Итакъ, очень скудный литер
турный и научный запасъ былъ единственнымъ достояніем
будущаго сатирика и романиста.

Было бы въ высшей степени цѣнно узнать, откуда пр
наличности благодушной, средней руки помѣщичьей, украи
ской семьи, въ которой протекло дѣтство Гоголя, являлис
въ немъ, даже въ ранніе годы, прорѣзая блаженное сост
яніе, такія странныя сочетанія, такія звенящія ноты, слов
отголоски потустороннято міра. Въ наслѣдственной передач
психическихъ свойствъ на него подѣйствовалъ съ одно
стороны живой, веселый, съ дарованіемъ комика отецъ, с
другой рано вышедшая замужъ за человѣка значитель
старше возрастомъ мать, очень нервная, экстатическая, чре
вычайно религіозная, съ ранняго возраста испытывавша
таинственныя ощущенія и предчувствія. Еще ребенкомъ он
видѣла сонъ, что будетъ женой сосѣдняго помѣщика — Г
голя. Къ религіознымъ обрядамъ она относилась съ восто
женностью, нервнымъ подъемомъ; когда она говѣла и при
чащалась, это было всегда событіемъ въ ея душевной жизни
Нервность, склонность къ мистической возбужденности пе
редались Гоголю. Онъ еще ребенкомъ иногда „слышалъ го
лоса“, какъ онъ выражался. Передъ смертью, отвѣчая н
настоянія друзей, уговаривавшихъ его лѣчиться, Гогол
убѣжденно говорилъ, что это безполезно; онъ скоро умрет
„я уже слышалъ голоса“.

Дѣтскіе годы его протекли между ученіемъ, сначала в
Полтавѣ, въ повѣтовомъ училищѣ, потомъ въ основанно
графомъ Безбородко въ Нѣжинѣ Гимназіи Высшихъ Наукъ
или лицеѣ, и между лѣтними вакаціями въ деревнѣ. Учебна
пора протекла тускло; яркими полосами бывали тѣ бла
женные дни, когда изъ деревни являлся рыдванъ и за
биралъ Гоголя и его товарищей, часто и профессоровъ

Начиналась привольная домашняя жизнь въ старой помѣщичьей усадьбѣ. Безпечальная дѣтская жизнь кончилась со смертью отца. Первое горе, пережитое мальчикомъ, отразилось на его письмахъ и сужденіяхъ. Письма превращаются въ серьезныя разсужденія съ совѣтами и указаніями матери. Въ немъ открывается склонность къ поученію, нравственнымъ совѣтамъ. Этому способствовало сознаніе, что онъ, теперь единственный мужчина въ семьѣ, долженъ защищать и охранять ея интересы, заботиться о матери и крошкахъ-сестрахъ.

Итакъ, передъ нами мало учившійся, мало развитой и впослѣдствіи мало пополнившій пробѣлы своего воспитанія, но необыкновенно богато одаренный самородокъ. Долгая жизнь на Западѣ, въ особенности въ Италіи, мало содѣйствовала его культурѣ; онъ почти не проявлялъ интереса къ политической и общественной жизни, да и къ литературѣ этихъ странъ. По выходѣ изъ школы онъ самъ еще не зналъ, къ чему приложить свои богатыя природныя силы.

Литературныя стремленія, сказавшіяся еще въ школѣ (историческая повѣсть, басни и т. д.), не выражались еще въ особенно яркой степени. Дарованія комика, по словамъ товарищей и профессоровъ, сказались рано, еще когда онъ игралъ на студенческомъ театрѣ въ Нѣжинѣ. Въ тусклой жизни Нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ устройство студенческаго театра было яркимъ моментомъ. Профессорская коллегія даже пересорилась по поводу устройства театра; одни сочувствовали ему, другіе считали, что это праздное отвлеченіе отъ науки, и посылали въ столицу доносы на своихъ товарищей-театраловъ. Въ этомъ театрѣ поражалъ, говорятъ, своей талантливой игрой, яркостью и бойкостью пріемовъ Гоголь. Въ Петербургѣ во время борьбы за существованіе онъ хотѣлъ пойти на сцену, но, по ироніи судьбы, его испытывали въ театральной дирекціи какъ трагика и, конечно, нашли неспособнымъ. Но такіе авторитетные судьи, какъ великій его землякъ, актеръ Щепкинъ, свидѣтельствуютъ, что изъ него могъ выйти первоклассный комическій актеръ. Онъ и впослѣдствіи проявлялъ это дарованіе свое въ превосходномъ чтеніи своихъ произведеній. Лицей съ его

юридической программой внушилъ ему неопредѣленныя, мечтательныя мысли о дѣятельности защитника права и справедливости, онъ хотѣлъ бы войти въ жизнь, выполняя высокое призванiе адвоката и не сознавая, что эти надежды неосуществимы при старомъ судопроизводствѣ. Съ этими мечтами,—но и съ своимъ литературнымъ первенцемъ—„Ганцомъ“, направился онъ, очертя голову, въ Петербургъ.

Въ школѣ жизни, среди борьбы за существованiе, въ литературныхъ исканiяхъ и влiянiяхъ, среди которыхъ выдѣляется влiянiе Пушкина, вырабатывались и находили примѣненiе богатыя силы того самородка, новичка-малоросса, искателя своей судьбы, котораго привлекла въ Петербургѣ не литература. „Служба“ манила его, но служба не чиновничья, ради отличiй, а общественная, которая зачтется ему. „Служба“,—терминъ, постоянно повторявшiйся въ теченiе всей жизни Гоголя. Ею хотѣлось провести глубокую борозду въ русской жизни, но помимо этого стремленiя оставить слѣдъ на пользу людямъ въ немъ тогда уже замѣтны литературныя надежды и вожделѣнiя.

Въ предисловiи къ „Ганцу Кюхельгартену“, написанномъ будто бы посторонннимъ лицомъ, знающимъ силы литератора-новичка, есть сходство съ прiемами Байрона при изданiи его юношескаго сборника стихотворенiй „Часы досуга“, гдѣ онъ объяснялъ читателямъ, что онъ очень молодъ, несовершеннолѣтнiй, какъ бы прося этимъ быть снисходительными, и въ то же время отмѣчая цѣнность творческой силы, создающей въ юные годы такiя произведенiя. Такъ Гоголь сообщаетъ зачѣмъ-то, что автору поэмы только 18 лѣтъ; что къ сожалѣнiю нѣкоторыя мѣста ея выпущены, что не представляется возможнымъ издать ее вполнѣ;—но, заканчиваетъ онъ, „мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданьемъ юнаго таланта“.

Изданiе „Ганца Кюхельгартена“ показываетъ, что у Гоголя рядомъ съ мечтами о „службѣ“ горѣло желанiе высказать людямъ свои стремленiя и мечты. Поэма была очень слаба; языкъ ея неровенъ и часто неправиленъ; впрочемъ, съ этою стороной Гоголевскаго творчества необходимо ми-

риться; она проявляется и въ позднѣйшихъ твореніяхъ его; даже въ „Ревизорѣ“ можно найти немало неправильностей языка; въ „Ганцѣ“ ихъ особенно много, онъ пестритъ славянизмами, варваризмами. Но есть въ немъ и та сторона его таланта, которая, можетъ быть, странна въ немъ, какъ въ будущемъ бытописателѣ-реалистѣ, но которая тѣмъ не менѣе широко развернулась въ его малороссійскихъ повѣстяхъ, вопреки утвержденію „Авторской исповѣди“, будто бы у него никогда не было воображенія,—много фантастики рядомъ съ автобіографическими чертами; уже здѣсь начинается борьба романтика съ реалистомъ.

Во время изданія „Ганца Кюхельгартена“ свѣдѣнія Гоголя о Германіи были скудны, все же онъ переноситъ въ нее дѣйствіе поэмы, указывая на Висмаръ, Люненсдорфъ и т. д.; желая выдержать германскій колоритъ произведенія и, точно забывъ свой украинизъ, онъ даже обмолвился въ эпилогѣ фразой: „... съ неразгаданнымъ волненьемъ с в о ю Германію пою“. Но подъ нѣмецкой оболочкой скрыты черты самого автора; онъ тотъ молодой человѣкъ, который оставляетъ мирную, дремлющую среду и уходитъ въ даль, ища примѣненія своихъ силъ; онъ идетъ въ Аѳины въ поискахъ древней красоты и культуры; онъ покидаетъ родныя мѣста, дѣлаетъ несчастной любящую его дѣвушку и,—вѣчная притча о блудномъ сынѣ,—возвращается измученный, истерзанный въ родной домъ, чтобы больше не покидать его.

Въ поэмѣ есть мѣста, нелишенныя красоты и таланта, особенно хорошо одно, выдержанное въ тонѣ „Евгенія Онѣгина“, захватывающее искренностью чувства,—тотъ моментъ, когда Ганцъ изливаетъ свою душу подъ звуки гобоя (почему именно гобоя?); здѣсь слышится голосъ самого Гоголя съ его тоской, порывами вдаль къ свѣту и правдѣ, лирическое изліяніе, цѣнное для душевной исторіи Гоголя.

На послѣдніе гроши напечаталъ онъ своего первенца, скрывшись подъ псевдонимомъ „В. Аловъ“ (долго таилъ онъ отъ читателей свое истинное имя, подписываясь то „ОООО“, то „Г. Яновъ“, сокращая свою полную фамилію Гоголь-Яновскій, вторая часть которой отпала какъ-то сама собой, и онъ смѣясь, говорилъ, что ее, вѣрно, кто-нибудь подобралъ и

гулять по бѣлу свѣту), такъ что первымъ произведеніемъ, подъ которымъ онъ выставилъ свое имя, было нѣчто въ родѣ стихотворенія въ прозѣ „Женщина“. Къ автору идилліи критика отнеслась пренебрежительно, какъ къ посредственному дебютанту, о произведеніи котораго не стоитъ и говорить много. Два отзыва, принадлежавшихъ вліятельнымъ журналистамъ, рѣшительно осудили поэму, — отзывы Полевого въ „Московскомъ Телеграфѣ“ и Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ“. Правда, былъ и третій, въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“, принадлежавшій Сомову, который нашелъ, несмотря на неопытность и молодость автора, мѣста талантливыя въ ней. Сильнѣе всего подѣйствовало осужденіе, особенно булгаринская статья. Самолюбіе было задѣто сильно и онъ, взявъ съ собой своего слугу-малоросса Якима, обошелъ книжные магазины, скупилъ экземпляры поэмы и сжегъ ихъ. Случайно сохранились лишь два экземпляра.

Промежутокъ, отдѣляющій этотъ моментъ отъ его новыхъ литературныхъ опытовъ, полонъ борьбы за существованіе; свиду онъ не черезмѣрно дологъ. Въ концѣ 1828 г. Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ; весь 1829 и часть 1830 г. ушли на различныя перепитія борьбы; къ началу 1831 г. уже мелькаютъ первые проблески улучшенія, наконецъ въ 1831 г., послѣ знакомства съ Пушкинымъ, послѣ счастливаго почина „Вечера наканунѣ Ивана Купала“, картина мѣняется. Немного времени, казалось бы, прошло, всего около двухъ лѣтъ, но какъ въ тяжелые періоды войнъ мѣсяцъ засчитывался иногда за годъ, такъ мучительно долго тянулась эта пора искуса и испытаній; зато закаливъ силы и безповоротно выведя Гоголя на литературное поприще.

Чего только онъ не перепробовалъ за это время! Не находя работы, пытался быть рисовальщикомъ, актеромъ, журнальнымъ работникомъ, помѣстилъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ переводъ съ нѣмецкаго никому ненужной статьи о торговлѣ русскихъ въ XVI и XVII в.

Въ эти тяжелыя условія вдругъ врѣзывается странная исторія его перваго путешествія за-границу. Мать, постоянно боровшаяся съ нуждой, собравъ крохи, прислала ему деньги внести проценты по залогу имѣнія; ихъ онъ истратилъ

на поѣздку. Какихъ только объясненій не придумывалъ онъ позднѣе въ письмахъ къ матери! Самое вѣроятное, можетъ быть, было то, что онъ рвался размыкать гнетущее впечатлѣніе своей литературной неудачи; такъ и послѣ перваго представленія „Ревизора" онъ не выдержалъ всеобщаго озлобленія и ушелъ надолго изъ Россіи; конечно, нельзя вполнѣ сравнивать эти два факта, потому что несравненно тяжелѣе былъ второй, но нѣчто подобное пережилъ онъ и въ началѣ своей дѣятельности. Матери онъ писалъ о какой-то таинственной любви, охватившей его къ ослѣпительной красавицѣ изъ высшаго общества, отнесшейся къ нему съ необыкновеннымъ холодомъ въ моментъ объясненія; это потрясеніе будто-бы могло излѣчиться лишь поѣздкой вдаль, бѣгствомъ отъ самого себя. Мало подготовленный къ этой поѣздкѣ, онъ немного вынесъ изъ нея и пробылъ слишкомъ мало времени, всего 3 мѣсяца, успѣвъ оглядѣть только Балтійское побережье, Гамбургъ, Любекъ; онъ зарисовывалъ жанровыя картинки, потѣшалъ потомъ въ письмахъ сестренокъ разсказами о видѣнномъ.

Вернувшись въ Петербургъ, Гоголь снова погрузился въ прежнюю прозу. Чиновничья служба, неинтересная, однообразная, тупая, недостойная человѣка, носившаго въ душѣ порывы къ великому. Странно сказать, что онъ попалъ на службу по рекомендаціи Булгарина, своего злѣйшаго врага впослѣдствіи — въ канцелярію III отдѣленія, къ счастью, не надолго, и перешелъ въ департаментъ удѣловъ. Служба тяготила его; товарищи вспоминали потомъ, что онъ всегда носилъ съ собой прошеніе объ отставкѣ.

Чиновничій бытъ нашелъ много отраженій въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Безъ этой службы, можетъ быть, не было бы многаго въ творчествѣ Гоголя. „Шинель" была закончена только въ 40-хъ годахъ въ Италіи, но задумана она была еще въ 1834 году; тогда сдѣланъ былъ первый набросокъ, а позднѣе въ своемъ „прекрасномъ далекѣ" онъ передѣлывалъ эту повѣсть по воспоминаніямъ о средѣ, куда въ началѣ жизни забросила его судьба. Достоевскій, признававшій свою зависимость отъ этой повѣсти, посвятившій начальный періодъ своего творчества изображенію подоб-

ныхъ же людей, заставилъ героя „Бѣдныхъ людей“ высказать обиду на Гоголя за то, что въ „Шинели“ чиновникъ обрисованъ такимъ приниженнымъ и обезличеннымъ,—вѣдь и въ душахъ этой загнанной бѣдноты теплится чувство своего достоинства. Какъ бы то ни было, періодъ службы въ жизни Гоголя важенъ какъ толчекъ, заставившій его все сильнѣе стремиться на путь реализма. Но доля романтизма была велика, и долго еще сказывалась.

Одною изъ послѣднихъ попытокъ выйти изъ тяжелаго положенія была и первая малорусская повѣсть Гоголя. Замыселъ очерковъ изъ малорусскаго быта, которые стали крещеніемъ Гоголя на литературномъ поприщѣ, былъ внушенъ ему поднявшимся въ публикѣ интересомъ къ этому быту. Разсказъ появился въ „Отечественныхъ Запискахъ“, издававшихся Свиньинымъ, не особенно талантливымъ, но юркимъ и дѣятельнымъ человѣкомъ. Удовлетворяя возникавшему интересу общества къ Малороссіи, онъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ очерки Сомова. Разумѣется, увлекались не реальной, послѣ-екатерининской, крѣпостной Малороссіей, а условной, романтически прекрасной и неясной.

Первымъ очеркомъ Гоголя былъ „Бисаврюкъ или Вечеръ накануне Ивана Купала. Малорусское преданіе, разсказанное дьячкомъ Покровской церкви“. Редакторъ нашелъ возможнымъ своевольно пройтись по всему тексту, выбрасывать и прибавлять по своему усмотрѣнію; первая редакція можетъ считаться лишь на половину гоголевской.

Въ ту же пору въ журнальчикѣ „Галатея“, издававшемся въ Москвѣ однимъ изъ бывшихъ любомудровъ Раичемъ, появился переводъ повѣсти вождя нѣмецкаго романтизма Людвига Тика „Liebeszauber“ („Чары любви“). Гоголь прочелъ ее въ переводѣ и былъ пораженъ совпаденіемъ темъ у него и у нѣмецкаго романиста. Оно объясняется тѣмъ, что оба воспользовались странствующимъ народнымъ сказаніемъ, которое каждый изъ нихъ облекъ въ родную ему дѣйствительность. Во вторую редакцію „Вечера накануне Ивана Купала“ Гоголь, откинувъ всѣ поправки Свиньина, внесъ немало измѣненій, приблизилъ свою повѣсть къ нѣмецкой и развязку сдѣлалъ въ духѣ Тика.

Это не единственный случай, когда Гоголь воспользовался для своихъ произведеній блуждающимъ сюжетомъ. „Ночь передъ Рождествомъ“ другой примѣръ тому. Фантастическое путешествіе кузнеца Вакулы въ одну ночь изъ малорусской деревушки въ екатерининскій Петербургъ также основано на старомъ общечеловѣческомъ сказаніи.

Оно встрѣчается въ нашей литературѣ очень рано, еще въ новгородскихъ повѣстяхъ. Дѣйствующее лицо—архіепископъ новгородскій Іоаннъ, особенно богобоязненный человѣкъ. Много усилій прилагала нечистая сила, чтобы соблазнить его. Однажды святитель, совершая омовеніе, замѣтилъ странное движеніе въ водѣ. Предположивъ присутствіе врага человѣческаго, онъ положилъ широкій крестъ на воду. Бѣсъ, запертый наложеннымъ крестомъ, взмолился, обѣщая все исполнить, лишь бы тотъ освободилъ его. „Перенеси меня въ Іерусалимъ ко Гробу Господню“, сказалъ архіепископъ. Въ полночь у двери Іоанна раздался топотъ адскаго жеребца; они понеслись черезъ огромныя пространства, моря и горы. Высадилъ бѣсъ всадника у часовни Гроба Господня и потомъ перенесъ его въ ту же ночь назадъ въ Новгородъ, взявъ обѣщаніе никому не проговориться. Святитель въ порывѣ благочестія не сдержалъ слова и, когда у него собрались именитые люди въ воскресеніе, коснулся происшедшаго, какъ примѣра, что можетъ сдѣлать сильная вѣра. Бѣсъ рѣшилъ отомстить; по утрамъ, рано, принявъ видъ женщины, онъ крался изъ его дома, возбудилъ подозрѣніе, затѣмъ негодованіе горожанъ; они потребовали удаленія его. Іоаннъ, оставивъ свое жилище, пошелъ къ Волхову, вступилъ на плотъ, который къ изумленію толпы поплылъ вверхъ по теченію. Святитель, стоя на немъ, благословлялъ ее. Чудо, совершавшееся на глазахъ народа, вызвало раскаяніе; толпа бѣжала по берегу, умоляя Іоанна вернуться. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ магометанскихъ легендахъ (Іерусалимъ замѣненъ Меккой).

Гоголя увлекъ неожиданный успѣхъ его красивыхъ украинскихъ бытовыхъ картинокъ. Въ письмахъ къ матери и дядѣ Косяровскому онъ просилъ присылать, какъ можно больше, матеріаловъ изъ малороссійскаго быта, описаній обы-

чаевъ, костюмовъ и т. д. Опираясь на собственныя воспоминанія и такіе матеріалы, онъ продолжалъ свои опыты повѣстей, составившіе вскорѣ цѣлый сборникъ. Кромѣ „Вечера наканунѣ Ивана Купала“ онъ помѣстилъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и въ „Литературной Газетѣ“, которую издавалъ лицейскій другъ Пушкина Дельвигъ, отрывки изъ историческаго романа „Страшный Кабанъ“—„Учитель“ и „Успѣхъ посольства“ (этотъ романъ никогда не былъ написанъ).

Передъ Гоголемъ вырисовывался дальнѣйшій путь; отдѣльные очерки онъ придумалъ объединить вокругъ личности пасичника Рудого Панька, балагура и любителя „исторій“, собираемыхъ имъ отовсюду, и являющагося передъ публикой, какъ пересказчикъ того, что онъ слышалъ отъ дьячка, отъ дѣда и т. д. Въ 1831 г. выходитъ первая часть „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, куда вошли „Сорочинская Ярмарка“, „Майская Ночь“, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ и „Пропавшая Грамота“. Уже въ слѣдующемъ году выходитъ второй томъ, содержащій „Страшную Месть“, „Ночь передъ Рождествомъ“, „Заколдованное Мѣсто“, и повѣсть, являющуюся переходомъ къ позднѣйшему реалистическому направленію, и новому сборнику, „Миргороду“— „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“.

Оба сборника имѣли успѣхъ; комизмъ захватилъ всѣхъ, даже наиболѣе равнодушныхъ, казалось, невольныхъ читателей—типографскихъ наборщиковъ. Гоголь разсказывалъ позднѣе, что, когда онъ пріѣхалъ изъ Павловска, гдѣ жилъ во время печатанія „Вечеровъ“, въ Петербургъ и вошелъ въ типографію, наборщики, увидѣвъ его, стали отворачиваться и фыркать; на вопросъ къ типографщику, тотъ отвѣтилъ: „Да, вещи ваши, присланныя изъ Павловска, до чрезвычайности очень забавны“. Пушкинъ, приводя это въ статьѣ, которою привѣтствовалъ появленіе „Вечеровъ“, находилъ что такому успѣху могли бы позавидовать Мольеръ и Фильдингъ.

Среди всякихъ возможностей избавленія, всякихъ выходовъ изъ тяжелой трудовой жизни, у Гоголя было и преподаваніе; тотъ, кто самъ признавалъ, что „получилъ воспитаніе довольно плохое“, готовъ былъ стать педагогомъ. Бла-

годаря вмѣшательству Плетнева, ревностнаго просвѣтителя, оставившаго замѣтный слѣдъ въ жизни многихъ писателей, онъ получилъ уроки исторіи и географіи въ Патріотическомъ институтѣ; все повышаясь въ преподавательской дѣятельности, онъ могъ бы поддаться искушенію служить уже не литературѣ, а наукѣ и дѣлу воспитанія. При его способности находить яркія краски, богатые образы, и увлекательности изложенія, въ его преподаваніи раскрывались передъ ученицами живыя картины историческаго прошлаго и чужихъ странъ. Популярность его росла, онъ становился замѣтнымъ лицомъ. Всеобщее увлеченіе имъ подняло въ немъ самоувѣренность, и онъ уже задумываетъ издать записки своихъ ученицъ, которыя должны составить нѣсколько томовъ, объединенныхъ подъ многообѣщавшимъ заглавіемъ: „Земля и люди". Надо ли говорить, что изъ этого замысла ничего не вышло? Но, очевидно, онъ не довольствовался рутиннымъ преподаваніемъ; ему грезилась реформа всей постановки дѣла; преобразовательныя его стремленія выразились въ статьѣ „о планѣ преподаванія всеобщей исторіи и географіи" помѣщенной въ журналѣ Министерства Просвѣщенія.

Но судьба становится къ нему все благосклоннѣе; ему даже выпадаетъ на долю участь баловня, о немъ всѣ говорятъ, о немъ заботятся лучшіе люди.

Происходитъ сближеніе Гоголя съ верховнымъ вождемъ литературы, Пушкинымъ, то важное для него сближеніе, о которомъ онъ позднѣе отзывался, какъ о „прекрасномъ снѣ" своей жизни. Посредникомъ явился Плетневъ, познакомившій Гоголя сначала съ Жуковскимъ, который на долгіе годы, до самой смерти, остался близкимъ другомъ его. Но вліяніе Пушкина, длившееся всего четыре послѣдніе года жизни великаго поэта, было сильнѣе и значительнѣе; это можно утверждать, опираясь прежде всего на показанія „Авторской исповѣди" и письма Гоголя. Пушкинъ помогъ ему разобраться въ себѣ, внушилъ, къ чему долженъ приложить онъ свои силы, не переставалъ заботиться о литературномъ и художественномъ воспитаніи своего собрата, а это было насущно необходимо. Существуетъ подробный перечень авторовъ и произведеній, которыя прочелъ Гоголь по внушенію

Пушкина; онъ приведенъ былъ въ запискахъ выдающейся современницы, которыя могли бы явиться цѣннымъ документомъ, если бы не оказались въ значительной долѣ фальсификаціей; это записки Александры Осиповны Смирновой.

А. О. Смирнова—настолько интересная личность, сыгравшая въ жизни Гоголя немаловажную роль, что для нея позволено будетъ нѣсколько отвлечься въ сторону. Иностранка по происхожденію (Россетъ), она вышла позднѣе замужъ за одного изъ лицейскихъ товарищей Пушкина Смирнова. Обаятельно красивая въ молодости, она дѣйствовала на всѣхъ окружающихъ придворныхъ (она была любимой фрейлиной) начиная съ Великаго Князя Михаила Павловича, и умѣло пользовалась этимъ, выхлопатывая то одно, то другое для своихъ друзей; такъ она сыграла немалую роль въ исторіи „Ревизора", въ судьбѣ Лермонтова, Тургенева. Остроумный кн. Вяземскій называлъ А. О. Notre Dame de bon secours de la littérature russe en détresse". Въ пожилые годы, когда пропала красота и обаяніе, она обратилась если не въ кающуюся Магдалину, во всякомъ случаѣ въ религіозно и мистически настроеннаго человѣка и поддерживала это настроеніе въ Гоголѣ. Въ своей жизни ей приходилось встрѣчаться и сближаться съ выдающимися людьми; воспоминанія о нихъ она сохранила въ своихъ „Запискахъ", сбереженныхъ и изданныхъ ея дочерью Ольгой Смирновой. Спасовичъ первый возбудилъ подозрѣніе въ подлинности ихъ; дѣйствительно, при изученіи ихъ обращаетъ на себя вниманіе много невѣрнаго, напримѣръ, упоминанія о такихъ западныхъ писателяхъ, которыхъ еще и не было при жизни А. О. Это, очевидно, плодъ излишняго усердія ея дочери, желавшей превратить разрозненные наброски въ послѣдовательное и широкое повѣствованіе. Авторитетъ „Записокъ" совсѣмъ поколебленъ.

Итакъ, въ спискѣ прочтенныхъ Гоголемъ по указанію Пушкина книгъ встрѣчаются имена Шекспира, Мольера, Вальтеръ-Скотта и другихъ англійскихъ романистовъ, итальянскихъ писателей. На одномъ изъ первыхъ мѣстъ стоитъ имя Сервантеса, на котораго Пушкинъ особенно настойчиво указывалъ Гоголю, приводя его въ примѣръ того, что, тратя да-

рованіе на мелкія новеллы и комическія интермедіи, этотъ великій писатель никогда бы не проявилъ всей силы своего таланта, если бы не создалъ широкой картины жизни въ „Донъ-Кихотѣ“. Этимъ поэтъ хотѣлъ возбудить Гоголя къ созданію большого, охватывающаго всю жизнь, романа и вскорѣ, быть можетъ, невольно далъ ему и сюжетъ, послужившій темой „Мертвыхъ Душъ“.

Градовскій въ блестящей статьѣ о Гоголѣ назвалъ его „поэтомъ пошлости“, конечно не желая этимъ сказать, что Гоголь поэтизировалъ, воспѣвалъ пошлость, но признавая, что съ необычайной силой онъ вскрывалъ ее въ жизни, казнилъ своимъ изображеніемъ, что онъ былъ ея вѣчнымъ, непримиримымъ врагомъ.

Пушкинъ, самъ тонко проникавшій въ людскія души, уступалъ однако Гоголю въ его способности угадывать людей и былъ пораженъ тѣмъ, что сумѣлъ сдѣлать изъ его плана этотъ безсознательно творившій удивительный самородокъ. Когда Гоголь прочелъ поэту первыя главы „Мертвыхъ Душъ“, Пушкинъ сначала смѣялся заразительно-весело, потомъ задумался, поникъ головой; когда же чтецъ умолкъ, у него вырвалось восклицаніе: „Боже, какъ грустна наша Россія“! Нужно было много чуткаго проникновенія, чтобы по первымъ главамъ судить о тяжелой картинѣ, которая развернется позднѣе въ поэмѣ, и авторъ, не задумывавшійся надъ этимъ, творившій, какъ ему казалось, карикатуры и шутки, былъ пораженъ. Великій мастеръ смѣха, онъ думалъ, что даетъ лишь забавные образы, которые должны вызывать у читателей беззаботный смѣхъ, срывавшійся первоначально и у наиболѣе чуткаго его слушателя.

Еще далеко было то время, когда Гоголь иными глазами взглянетъ на смѣхъ, когда онъ увидитъ въ немъ могучее средство воспитанія и создастъ свою теорію смѣха. Пока онъ ищетъ отъ него веселья. Интересно его собственное свидѣтельство въ „Авторской Исповѣди“: „Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ

самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать самого себя, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза". Здѣсь нѣтъ рѣчи о „смѣхѣ сквозь слезы", смѣхѣ воспитывающемъ; здѣсь только желаніе тѣшить себя небывальщиной; на долю смѣха выпадаетъ роль очищающаго душу средства. Работы Тихонравова надъ гоголевскими текстами показали, до какой степени этотъ легко вызывавшійся матеріалъ былъ въ избыткѣ у Гоголя, порою даже удручалъ его, и онъ, перегрузивъ имъ свои произведенія, потомъ безпощадно устранялъ его изъ нихъ. Характернымъ примѣромъ служатъ послѣдовательныя редакціи „Ревизора". Сколько комическихъ, но не существенныхъ подробностей, чертъ, сценъ, выбросилъ онъ изъ комедіи, прежде чѣмъ она стала строго законченнымъ художественнымъ произведеніемъ! Уничтожены разнообразнѣйшія детали въ сценѣ вранья Хлестакова, визитъ къ нему уѣзднаго лекаря Гюбнера, за которымъ осталась лишь безсловесная роль, выпущены сцена съ Растаковскимъ, старымъ воиномъ, почти выжившимъ изъ ума, потерявшимъ всякое представленіе о времени и спрашивавшимъ у Хлестакова, зналъ ли онъ графа Румянцева-Задунайскаго, забавныя подробности въ разговорѣ Анны Андреевны съ Маріей Антоновной передъ пріемомъ ревизора и т. д.

Способность переходить отъ тоски къ смѣху, развлекать себя вымыслами сохранялась у Гоголя долго; одинъ изъ друзей его, поэтъ Языковъ разсказывалъ, какъ они любили по вечерамъ вызывать передъ своимъ воображеніемъ несуществующіе образы, заставляли ихъ жить и двигаться, и тѣшились ими до тѣхъ поръ, пока обоимъ не становилось жутко отъ этой своеобразной забавы. Такіе никогда не существовавшіе, но тѣмъ не менѣе полные жизни образы вторгались и въ произведенія Гоголя, какъ бы въ подтвержденіе словъ Бальзака, говорившаго, что дѣйствительность нужно не копировать, а выражать („Il faut l'exprimer").

Съ 1831 г. ведутъ свое начало литературныя связи Гоголя. Пушкинъ среди нихъ, конечно, самое крупное явленіе, но и другіе не прошли безслѣдно для духовнаго развитія новичка-хохла. Жуковскій, Плетневъ, Смирнова, кн. В. Ѳ. Одоевскій и другіе такъ или иначе воздѣйствовали на него и побуждали его къ самообразованію и самоопредѣленію. До 1836 г. длилось это, когда постановка „Ревизора“ на сценѣ такъ удручающе подѣйствовала на молодого автора, что заставила его покинуть родину.

Въ теченіе же этихъ лѣтъ идетъ быстрыми шагами развитіе таланта Гоголя, принимающее новое направленіе. Романтически-красивые „Вечера на хуторѣ“ были словно вступленіемъ къ его творчеству. Въ 1835 г. выходитъ „Миргородъ“, гдѣ зазвучали иныя ноты. Вспомнимъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“; какъ мягки, милы образы Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, какая тонкая кисть нужна для обрисовки ихъ съ ихъ уютнымъ домомъ, скрипомъ дверей, маленькимъ хозяйствомъ и преданной любовью другъ къ другу! Конечно, это островки въ жизни, но они выхвачены изъ гущи ея такъ же, какъ и гротескныя фигуры Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича съ ихъ празднымъ существованіемъ. И самъ Миргородъ, уродливый, уѣздный городокъ, съ огромной лужей на площади, которую городничій называетъ „мое озеро“; зданіе суда, гдѣ годами тянутся дѣла, важныя и неважныя, какъ тяжба двухъ друзей изъ-за слова „гусакъ“. Задохнуться можно въ этой душной неподвижной атмосферѣ! Жалко, возмутительно и смѣшно... Невольно срывается возгласъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“.

Но тускнѣютъ краски Малороссіи въ памяти ея пѣвца. Петербургъ со своими туманами, торопливой, дѣловитой жизнью вытѣсняетъ ее и вызываетъ новыя созданія Гоголя. Появляются одна за другой „Петербурскія повѣсти“, „Портретъ“, „Записки сумасшедшаго“, „Носъ“, „Шинель“, „Коляска“, написанная для пушкинскаго журнала „Современникъ“,—и психологическая глубина изученія жизни, людей, быта соединилась въ нихъ съ гуманнымъ чувствомъ и большою художественностью.

Но не прекращается къ сожалѣнію, и псевдо-научная дѣятельность Гоголя, хотя, казалось бы, онъ долженъ былъ посвятить себя теперь одной литературѣ. Настойчивость работы въ области ему совершенно чуждой нельзя не поставить въ упрекъ его друзьямъ. Пользуясь своимъ вліяніемъ, они доставляютъ ему еще болѣе отвѣтственную роль въ учебномъ мірѣ, и онъ, въ качествѣ „исполняющаго должность адъюнктъ-профессора“ занимаетъ кафедру исторіи въ Педагогическомъ Институтѣ. Гоголь мечталъ собственно о профессурѣ въ Кіевѣ, куда его влекла страсть къ Малороссіи, и гдѣ онъ разсчитывалъ читать курсъ малорусской исторіи, но тамъ была предпочтена кандидатура совсѣмъ невѣжественнаго соискателя, и Гоголь остался въ Петербургѣ и притомъ какъ спеціалистъ по всеобщей исторіи.

Онъ выступилъ передъ студентами подъ своей полной фамиліей, — Гоголя-Яновскаго; слушатели сначала и не знали, что ихъ неудачный лекторъ и авторъ блестящихъ малорусскихъ повѣстей—одно лицо. На первую лекцію явились учебныя власти и друзья—покровители, Жуковскій, Пушкинъ, Плетневъ; всѣ были поражены блескомъ, игрою красокъ. Гоголь мастерски набросалъ всемірно-историческую картину, остановившись главнымъ образомъ на Среднихъ Вѣкахъ, которые всегда оставались его любимымъ періодомъ. Вторая лекція нѣсколько походила на первую; долго задерживаться на красивыхъ вступленіяхъ и общихъ картинахъ было однако невозможно; когда нужно было перейти къ фактамъ, картина измѣнилась; Гоголь читалъ вяло, знанія были скудны, источники не отличались ни богатствомъ, ни разнообразіемъ; аудиторія начала пустѣть. Въ академическомъ сборникѣ, посвященномъ памяти Жуковскаго и Гоголя, собраны были недавно матеріалы, которые могли бы въ извѣстной степени обѣлить профессорскую дѣятельность Гоголя; указаны различныя научныя пособія и источники, служившіе ему подспорьемъ, приведены сдѣланныя имъ выписки, но это не оправдываетъ той ошибки, которую совершилъ онъ, вступивъ на путь ему несвойственный.

Друзья Гоголя, узнавъ о его неудачахъ, встревожились, снова пришли на его лекцію. Гоголь и въ этотъ день снова

іаровалъ всѣхъ художественной импровизаціей, за которой, щнако опять потянулось прежнее; онъ, конечно, не могъ не эзнавать своего пораженія, потомъ сказался больнымъ, на-нецъ совсѣмъ покинулъ университетъ.

Сначала онъ настойчиво хотѣлъ оправдать себя, обви-іть другихъ; въ письмахъ своихъ утверждалъ, будто „не-іонятый взошелъ онъ на кафедру, непризнаннымъ сходитъ › нея“. Позднѣе онъ взглянулъ на дѣло иначе и понялъ ликую свою ошибку. Въ 40-хъ годахъ онъ вспоминалъ своей профессурѣ, какъ о кошмарѣ, и поручилъ друзьямъ Іевыреву) предпринять особое изданіе „Ревизора“ въ ользу бѣдныхъ,—бѣдные же эти были именно сту-нты; онъ говорилъ, что считаетъ себя передъ русскимъ уденчествомъ въ неоплатномъ долгу, и хотѣлъ бы чѣмъ-ібудь загладить его.

Занятія всеобщей исторіей не прошли безслѣдно для ли-ратурныхъ работъ Гоголя. Онъ началъ трагедію „Альфредъ“ ъ англо-норманской исторіи, въ „Арабески“ ввелъ нѣс-лько историческихъ картинъ, которыя несомнѣнно были ачала его лекціями и взяты изъ Среднихъ Вѣковъ или ъ исторіи Востока (напримѣръ характеристика калифа ль-Мамуна). Онѣ показываютъ, на что способенъ былъ Го-ль, охваченный порывомъ вдохновенія и отдававшійся эзамъ историка-художника. Таково и стихотвореніе въ озѣ „Жизнь“, фантасмогорія, охватывающая всю древнюю горію міра до появленія христіанства. Достоинство этого броска въ оригинальномъ починѣ міровой исторической раллели, совсѣмъ одинокой въ тогдашней нашей литера-уѣ. Рядомъ съ этимъ полетомъ гоголевской фантазіи въ зѣдомую даль можно поставить и гоголевское стихотворе-: „Италія“, напечатанное въ булгаринскомъ „Сынѣ Оте-ства“ за 1831 г.; въ эту пору Гоголю словно пригрезилась страна, къ которой онъ впослѣдствіи такъ страстно при-зался, которая въ его сочувствіяхъ отстраняла не только сь, но и горячо-любимую имъ Малороссію.

Останется навсегда неразрѣшимымъ вопросъ о томъ, кто лъ въ Гоголѣ сильнѣе, романистъ или драматургъ? Если одной чашѣ вѣсовъ станутъ „Петербургскія повѣсти“ и

„Мертвыя души“, то другую займутъ „Владиміръ 3-ей ст
пени“, „Женитьба“, „Игроки“, „Ревизоръ“ и „Театральны
разъѣздъ“ съ превосходно выраженной теоріей смѣха,—во
растающая прогрессія удивительной силы комизма, психол
гической и жизненной правды. Въ какой изъ двухъ областе
былъ Гоголь могучѣе? Куда сильнѣе влекло его самог
Если присоединить его тогдашнія научныя вожделѣнія, ча
нія и видѣнія, обнаружится стремленіе творить въ трехъ ра
личныхъ областяхъ.

„Владиміръ 3-ей степени“ зародился въ умѣ Гоголя под
вліяніемъ той службы въ департаментахъ, которая отрази
лась и на „Петербургскихъ повѣстяхъ“; главное дѣйствую
щее лицо—чиновникъ, почти маніакъ въ своемъ поклонен
орденамъ и чинамъ, нетерпѣливо ждущій для себя орде
Владиміра 3-ьей степени, такъ какъ онъ былъ ключемъ н
блаженству; съ нимъ получалось дворянство и, вмѣстѣ с
тѣмъ,—главный предметъ воздыханій,—право на владѣн
крѣпостными; жадно ищетъ онъ въ каждомъ спискѣ пр
изводствъ и наградъ своего имени,—напрасно, его обходят
Гоголь понималъ, что въ подобной темѣ много такого, че
не пропуститъ цензура, но все же писалъ; близкіе къ нем
люди знали, что пьеса подвигается; друзья изъ пушкин
скаго круга въ письмахъ своихъ разузнавали о томъ, въ к
комъ положеніи комедія Гоголя, „въ которой есть зак
рючка“? Она такъ и не была закончена, и отъ нея сохран
лись лишь четыре отрывка: первый такъ и назывался у Г
голя „Отрывкомъ“, его называютъ теперь „Собачкинъ“, затѣм
„Тяжба“, „Утро дѣлового человѣка“ и „Лакейская“.

Въ ту пору, когда еще длилась неудачная профессур
Гоголя, въ душѣ его происходило странное бореніе; каз
лось, ею овладѣвало захватывающее навожденіе; среди книг
и научныхъ поисковъ ему мерещились толпы зрителей, те
атральный залъ, слышался смѣхъ этой толпы, его влекло к
созданію комедіи. Изъ борьбы науки съ нею побѣдительни
цей вышла послѣдняя, и первенцемъ гоголевскаго комизм
сталъ „Владиміръ 3-ьей степени“. Понявъ невозможност
сколько-нибудь терпимаго отношенія къ ней цензуры, Го
голь оставилъ этотъ замыселъ и занялся другой пьесой, ко

торая впослѣдствіи, послѣ обработки, стала „Женитьбой“ Въ первой редакціи это была одноактная комедія „Женихи“; въ ней не было ни тѣни такого цѣннаго украшенія его галереи комическихъ характеровъ, какъ Подколесинъ, не было и Кочкарева, и яркаго образа свахи. Пьеса сразу вводила въ глубь сюжета; дѣйствіе было не въ Петербургѣ, а въ Малороссіи; въ ярмарочномъ селѣ разыгрывались потѣшныя смотрины жениховъ, созванныхъ не присяжной свахой, а своей же ключницей, старающейся устроить судьбу барышни—невѣсты. И въ этомъ видѣ пьеса была полна юмора; конечно, сюжетъ „Владиміра 3-ьей степени“ былъ глубже и серьезнѣе; съ этой стороны „Женихи“ кажутся отклоненіемъ въ сторону, даже шагомъ назадъ.

Но въ 1834-35 г. приближался знаменательный періодъ въ жизни и дѣятельности Гоголя; необычайный приливъ вдохновенія и взволновавшій его подъемъ силъ овладѣли имъ. Ихъ въ особенности характеризуетъ запись, найденная въ его бумагахъ; это-обращеніе его къ своему доброму генію, написанное, правда, въ очень приподнятомъ тонѣ, но дышащее искренностью чувства. Въ лицѣ своего генія онъ взываетъ къ тому таинственному стремленію, что манило его впередъ, звало къ подвигу; ему кажется, что онъ теперь стоитъ на порогѣ этого подвига, и колѣнопреклоненный онъ молитъ генія не покидать его, клянется, что онъ „совершитъ“, исполнитъ призваніе. Въ этомъ обращеніи, почти молитвѣ, сказалась необычайная возбужденность творческой мысли, взволнованная настроенность души.

Написанныя наканунѣ 1835 года, эти строки совпадаютъ съ зарожденіемъ двухъ величайшихъ произведеній Гоголя, „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. Когда оба они осуществятся,—иной вопросъ; „Ревизору“, правда, не далеко до появленія на сценѣ,—въ апрѣлѣ 1836 г. состоится первый спектакль, но все же съ того момента до 1842 г. комедія будетъ расти, совершенствоваться, углубляться, тогда какъ лишь въ 1842 г. появится I томъ „Мертвыхъ душъ“.

Послѣ двухъ попытокъ въ области комедіи, зарождается идея „Ревизора“. Житейскія, бытовыя, а также и литературныя основы обусловили этотъ замыселъ. Мотивъ о мнимомъ

ревизорѣ Гоголь могъ слышать отъ Пушкина, съ которымъ помимо его воли разыгралась словно вступительная сцена „Ревизора“: когда онъ путешествовалъ въ Приволжскомъ краю, собирая матеріалы для „Исторіи пугачевскаго бунта“, въ Оренбургѣ мѣстный администраторъ Перовскій, знакомый ему по Петербургу, образованный, свѣтскій человѣкъ, со смѣхомъ прочелъ ему конфиденціальное письмо отъ нижегородскаго губернатора, предупреждавшее о пріѣздѣ какого-то мнимаго писателя, со скрытою цѣлью произвести ревизію всѣхъ административныхъ дѣйствій; узнавъ о приписываемой ему роли, поэтъ разсказалъ объ этомъ другу. Но жизнь давала и подлинныя основы для фабулы о мнимомъ ревизорѣ. Нѣсколько раньше въ городѣ Устюжнѣ, Новгородской губ. произошло нѣчто, совсѣмъ схожее съ исторіей Хлестакова; въ Бессарабіи тоже; подобныхъ примѣровъ самозванства было немало, они повторялись почти до нашихъ дней; одно изъ послѣднихъ было въ семидесятыхъ годахъ въ Красномъ Ярѣ Астраханской губ.; не только у насъ встрѣчались такія лица, которыя пользовались благосклоннымъ содѣйствіемъ судьбы, обманывали довѣрчивыхъ провинціаловъ,—такъ въ Пруссіи (въ Köppenik'ѣ) произошло совершенно то же въ недавнее время.

У пьесы Гоголя были и литературные источники; на первомъ мѣстѣ необходимо назвать литературу малорусскую, и именно разсказъ „Заморскій принцъ“ Нарѣжнаго и комедію Основьяненко „Пріѣзжій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ“. Комедія Основьяненка появилась въ печати лишь въ 1840 г., 4 года спустя послѣ того, какъ началось тріумфальное шествіе „Ревизора“, но написана она была въ концѣ 20-хъ г.г. и почему-то распространялась лишь въ спискахъ. Герой его пьесы, подобно Хлестакову, обманываетъ и обираетъ всю уѣздную чиновную братію; нѣтъ недостатка въ комическихъ фигурахъ дамъ, въ параллель Аннѣ Андреевнѣ и Марьѣ Антоновнѣ; есть такія же двѣ модницы, одна смѣшнѣе другой въ своихъ заботахъ быть одѣтыми по картинкамъ журналовъ. Гоголь видимо былъ знакомъ по рукописи съ „Пріѣзжимъ изъ столицы“, но остался совершенно самостоятельнымъ въ обработкѣ сюжета, который у

Основьянко имѣетъ съ одной стороны комическій, почти водевильный характеръ, тогда какъ съ другой въ его ревизорѣ изображенъ сознательный и злостный хищникъ, подъ конецъ, когда его арестовали, безстыдно насмѣхающійся надъ довѣрчивыми своими жертвами.

Въ пьесѣ есть также нѣсколько слѣдовъ вліянія иностранной литературы; въ психологіи лганья — это отголоски пьесы Корнеля „Лжецъ“ (Le menteur). Одноактная комедія Мольера „Les précieuses ridicules“ („Жеманницы“), которою онъ началъ въ Парижѣ послѣ долгихъ театральныхъ кочеваній по провинціи свою литературную дѣятельность, внушила Гоголю нѣсколько комическихъ мотивовъ. Замашки и пріемы центральнаго лица пьесы, Маскариля, бойкаго и плутоватаго слуги, который, въ обществѣ жеманницъ съ необыкновенной развязностью разыгрывая роль барина, щеголяетъ своими утонченными литературными вкусами, знакомствомъ съ писателями и т. д., приданы Хлестакову въ главной сценѣ его лганья.

Но, если комедіи, разсказы, русскіе и иностранные, могли быть использованы Гоголемъ для созданія своей комедіи, сильнѣе всего однако была творческая личная сила самого автора, которая изъ этихъ мозаичныхъ частей создала произведеніе вѣчное, живое и захватывающее до сихъ поръ, хотя міръ, изображенный въ немъ, уже умеръ. Нѣчто несравненно большее, чѣмъ психологія лжи, выросло въ „Ревизорѣ“, большее, чѣмъ комическое изображеніе захолустнаго городка. Тотъ геній, котораго на колѣнахъ умолялъ Гоголь не покидать его, повелъ его на высоту, недосягаемую для его предшественниковъ и образцовъ; здѣсь онъ сталъ рядомъ только съ Грибоѣдовымъ.

Къ 1834 году вмѣстѣ съ тѣмъ относится первый замыселъ другого, величайшаго произведенія, „Мертвыхъ Душъ“, подобно „Ревизору“ связанный съ возбужденіемъ, полученнымъ у Пушкина. Гдѣ услышалъ Пушкинъ интересный въ бытовомъ отношеніи разсказъ о систематическомъ хищничествѣ плута, который, пользуясь промежуткомъ въ десять лѣтъ, проходившимъ тогда между двумя ревизіями, и, скупая мертвецовъ, закладывая ихъ, какъ живыхъ, составилъ

себѣ состояніе, трудно установить точно, да и не особенно важно. Онъ, говорятъ, услышалъ въ залоговомъ отдѣленіи Опекунскаго Совѣта, во время хлопотъ по устройству дѣлъ своего отца, разговоръ между посѣтителемъ и чиновникомъ, и житейскій анекдотъ этотъ поразилъ его, показавшись благодарной для романа темой, канвой для обозрѣнія русской жизни, среди которой сталъ бы раскидывать свои сѣти, всюду прокрадываясь, ловкій хищникъ. Профессоръ Бобровъ высказалъ догадку, что поэта навелъ на эту тему сблизившійся съ нимъ въ послѣдніе годы извѣстный впослѣдствіи беллетристъ Владиміръ Даль, человѣкъ бывалый, исколесившій всю Россію, рано начавшій заносить на бумагу свои впечатлѣнія, явившійся потомъ предшественникомъ Тургенева и Григоровича въ своихъ очеркахъ русскаго быта, написанныхъ подъ псевдонимомъ „Казака Луганскаго“; въ одной изъ повѣстей его „Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ“ изображенъ именно аферистъ, скупавшій мертвыя души и, можетъ быть, явившійся виновникомъ зарожденія гоголевской поэмы.

Но пока зрѣла и развивалась мысль о ней, призванной со временемъ вмѣстить необъятное содержаніе не только реальной жизни, но и идеальнаго царства, Гоголь во второй, не менѣе важной отрасли своего творчества, Гоголь-повѣствователь, романистъ, шелъ впередъ смѣлой, сильной поступью въ рядѣ „Петербургскихъ повѣстей“.

Настала пора, когда Гоголь, испытывая высшее напряженіе творческаго вдохновенія, стремился къ выявленію художественной и общественной правды. Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ юношей задумывалъ „Ганца Кюхельгартена“, и въ этотъ срокъ въ немъ совершилась великая эволюція, сдѣлавшая неопытнаго автора-романтика сатирикомъ, психологомъ, глубокимъ наблюдателемъ и изобразителемъ дѣйствительной жизни.

Прослѣдивъ эту эволюцію до опредѣленнаго момента рѣшающей роли Гоголя въ современной литературѣ, соберемъ такія же наблюденія надъ ранней творческой исторіей второго изъ важнѣйшихъ дѣятелей новаго періода, — Лермонтова.

Его имя становится впервые сколько-нибудь извѣстнымъ лишь въ 1835 г., когда въ „Библіотекѣ для чтенія“ появляется его кавказская поэма „Хаджи-Абрекъ“, отданная въ печать даже не самимъ поэтомъ, а товарищами его, цѣнившими по-своему его стихотворство, но только въ 1837 году, когда подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ гибели Пушкина онъ бросилъ обществу свое стихотвореніе на смерть поэта, полное возмущенія и горя, его имя было произнесено громко, разнеслось по всей Россіи, неожиданно для самого автора прославленное. Между тѣмъ необыкновенно рано являются его стихотворные опыты (первый — стихотвореніе „Осень“ 1828 года), когда онъ былъ еще воспитанникомъ Московскаго Благороднаго пансіона.

Его опыты извѣстны были одному изъ его преподавателей, профессору А. Ѳ. Мерзлякову, далеко не бездарному, краснорѣчивому преподавателю русской словесности, одно время кумиру университетской молодежи, владѣвшему недурнымъ поэтическимъ слогомъ, но занявшему по отношенію къ пушкинской школѣ странное положеніе; неспособный, казалось, понять геніальность поэта, ставя ему въ вину отступленія отъ „правилъ“, и въ то же время одаренный художественнымъ чутьемъ, онъ часто растроганъ былъ до слезъ чарующей красотой произведеній. Передъ этимъ педагогомъ Лермонтовъ явился со своими первыми стихами, въ которыхъ уже сказывались характерныя черты его личности; сквозили „желанія безбрежныя, какъ вѣчность“, стремленія къ всечеловѣчности, порывы на волю, къ небесамъ.

Здѣсь былъ задуманъ „Демонъ“, и съ падшимъ ангеломъ носился въ безграничномъ міровомъ пространствѣ расправлявшій свои крылья духъ поэта. Юный Лермонтовъ грезилъ, какъ суждено грезить немногимъ избраннымъ, но таилъ свои творческія записи и наброски; если же открывалъ свои тайники, то друзья—женщины чаще бывали его повѣренными, нежели мужчины.

Какъ велика была его творческая сила въ годы отрочества и ранней юности, показываетъ количество произведеній, возникшихъ съ 1829 по 1832 г.,— годъ созданія такого уже выдающагося и законченнаго произведенія, какъ „Измаилъ-

Бей"; въ этотъ промежутокъ имъ было написано 300 стихотвореній, 15 поэмъ, 4 юношескихъ драмы, начало исторической повѣсти „Горбачъ Вадимъ".

Въ тиши клокоталъ постоянно вулканъ, волновались и кипѣли скрытыя силы, но почти ничего не всплывало на поверхность. Замкнутость была его характерной особенностью; онъ сохранилъ ее въ теченіе всей недолгой жизни' одинокъ онъ былъ и въ пансіонѣ, и въ аудиторіяхъ университета; мальчикомъ онъ не участвуетъ въ играхъ сверстниковъ, онъ любитъ читать и думать поодаль отъ нихъ, упорно отмалчиваясь на любопытствующіе вопросы товарищей, отдаляясь отъ жизни, шумящей около него. Въ 1830 г. онъ подаетъ прошеніе о зачисленіи его студентомъ университета; двери alma mater раскрываются передъ нимъ, обѣщая ему, казалось, новый міръ, массу товарищей, взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, общіе интересы; но лишь неполныхъ 2 года остается онъ здѣсь, такой же чуждый этому міру, какимъ вошелъ въ него,—несмотря на то, что это было поколѣніе Бѣлинскихъ, Станкевичей, Герценовъ. Когда послѣ того видимъ его въ Школѣ кавалерійскихъ юнкеровъ, въ самый шумный періодъ его жизни, заполненный кутежами и приключеніями, душа его попрежнему глубоко затаена, не обнажаясь передъ толпой, и жизнь вдохновенія, мечты, грезъ, несомнѣнна и въ эту пору.

Замкнутость въ себѣ, гордость помысловъ, затаенныхъ въ глубинѣ, презрѣніе къ людскому ничтожеству сообщали личности поэта отпечатокъ чего-то непріятнаго, надменнаго, неудобнаго въ жизненныхъ отношеніяхъ, бросавшагося въ глаза даже мимолетно сталкивавшимся съ нимъ людямъ и запечатлѣны въ цѣломъ рядѣ воспоминаній о немъ. Сколько существуетъ разсказовъ о его ѣдкомъ остроуміи и рѣзко капризномъ, нетерпимомъ обращеніи съ людьми, способномъ подавлять и мучить ихъ!

Фридрихъ Боденштедтъ, переводчикъ Лермонтова на нѣмецкій языкъ, лично знавшій его, при первой своей встрѣчѣ съ поэтомъ, былъ возмущенъ тѣмъ, что исходило отъ этого даровитаго, головой возвышавшагося надъ общимъ уровнемъ и въ то же время странно властнаго, капризнаго человѣка.

Въ обществѣ находился офицеръ несимпатичный ему, и онъ весь вечеръ язвилъ его своими насмѣшками, пока тотъ, выведенный изъ терпѣнія, не покинулъ общества; у Боденштедта осталось впечатлѣніе какой-то демонически-тяжелой, хотя, быть можетъ, и феноменальной личности. Позднѣе, когда онъ ближе узналъ его, и заглянулъ глубже въ его душу, онъ былъ увлеченъ и преклонился передъ нимъ. Лермонтовъ подарилъ ему даже въ рукописи нѣсколько стихотвореній, которыя Боденштедтъ перевелъ на нѣмецкій языкъ, (русскій оригиналъ ихъ не сохранился, и они извѣстны теперь въ переводѣ съ нѣмецкаго).

Подобное же впечатлѣніе испыталъ и Бѣлинскій, лучшій объяснитель лермонтовской поэзіи. О возможности ранняго товарищества между ними они и не подозрѣвали, хотя одновременно находились въ университетѣ. Они встрѣтились впервые на Кавказѣ во время ссылки Лермонтова у Сатина, друга Герцена и Бѣлинскаго и товарища Лермонтова по Благородному Пансіону. Лермонтову Бѣлинскій показался „недоучившимся фанфарономъ“; великій критикъ не хотѣлъ простить своему собесѣднику насмѣшки надъ завѣтами философовъ XVIII столѣтія, дорогими его душѣ; эта насмѣшка была не искренна, а носила характеръ какой-то рисовки, ненужной, неумѣстной, заставлявшей предполагать въ молодомъ поэтѣ чуть не склонность къ пошлости. Бѣлинскій ушелъ возмущенный. Черезъ два года, когда это впечатлѣніе сгладилось, и по произведеніямъ Лермонтова Бѣлинскій составилъ себѣ его образъ, необыкновенно привлекавшій его силой вдохновенія и искренностью, имъ снова пришлось встрѣтиться. Лермонтовъ былъ арестованъ на гауптвахтѣ за дуэль съ Барантомъ; туда пришелъ навѣстить его Бѣлинскій. Сначала разговоръ не ладился, на поэтѣ была снова его обычная маска презрительности, и критикъ готовъ былъ уже прервать свое нелегальное посѣщеніе, огорченный и разочарованный; случайно рѣчь коснулась американскаго романиста Ф. Купера, впервые разсказавшаго Европѣ о вольной, полной опасностей и приключеній жизни въ американскихъ преріяхъ, о чудесной природѣ ихъ, увлекавшаго одинаково обоихъ собесѣдниковъ, — спала напускная холод-

ность съ поэта, и онъ высказался весь такъ пылко, обнаружилъ такой глубокій, тонкій вкусъ изящнаго, что Бѣлинскій, обвороженный и счастливый тѣмъ, что нашелъ своего Лермонтова, привязался къ нему навсегда и позднѣе, въ письмѣ къ Боткину, предвѣщая Лермонтову величайшую будущность, видѣлъ въ немъ „русскаго поэта съ Ивана Великаго“.

Всѣ воспоминанія, отзывы современниковъ очерчиваютъ лишь внѣшній обликъ поэта; исторія его душевныхъ переживаній, настроеній, его подлинная внутренняя жизнь сбережена въ произведеніяхъ и перваго, продолжительнаго, но сокровеннаго отъ современниковъ періода творчества, и въ короткій срокъ открытаго его проявленія. Чтобы понять личность Лермонтова, необходимо изученіе его духовной жизни въ обѣихъ частяхъ, представляющихъ величины однородныя, но изученіе первой части въ широкомъ размѣрѣ началось сравнительно недавно. Лишь въ концѣ 60-хъ г.г. были впервые напечатаны юношескія драмы, за ними — прологъ къ „Герою нашего времени“ — „Княгиня Лиговская“; въ наши дни, когда осуществилось полное изданіе сочиненій Академіей Наукъ подъ редакціей проф. Абрамовича, отысканы поэмы „Послѣдній сынъ вольности“, „Ангелъ смерти“, и рядъ стихотвореній.

Откуда взяться такой скорби въ душѣ человѣка, въ чьей жизни не было вовсе трагическихъ событій? Какія причины вызывали уже въ пору юношества мучительное состояніе разлада, тягости жизни, протеста, тоски?

Да, трагедіи въ его жизни не было; не коснулись его ни міровыя событія, ни борьба со старымъ порядкомъ и современностью, ни разрывъ съ родиной, — что выпало на долю его любимаго англійскаго поэта, но нѣжно сотканная душа не могла не чувствовать и не реагировать болѣзненно на тѣ противорѣчія, которыя судьба разсыпала на его пути, начиная съ ранняго дѣтства; они острыми терніями выступали среди кажущагося благополучія окружающей обстановки; рано испытанный тяжелый жизненный опытъ стоилъ трагедіи.

На порогѣ дѣтства онъ лишился матери, и конфликтъ, никогда не прекращавшійся между отцомъ и бабкой, причинялъ ему страданія. Матери онъ почти не помнилъ, хотя позднѣе ему чудилось, что онъ припоминаетъ даже напѣвы пѣсенъ, которыя она когда-то пѣла ему. Отецъ, послѣ непріятныхъ столкновеній предоставившій по уговору воспитаніе сына бабкѣ, появлявшійся для свиданія съ нимъ лишь въ опредѣленное время, или же тайкомъ, остался для Лермонтова таинственнымъ полузнакомцемъ. Въ борьбѣ между этими близкими ему людьми подростокъ стоялъ на сторонѣ отца, и поэтизировалъ его; по его стихотвореніямъ и одной изъ юношескихъ драмъ проходитъ загадочная фигура „страннаго человѣка".

Съ любовью къ отцу и защитой его связана одна изъ грёзъ Лермонтова. Ему хотѣлось стать на защиту страстно любимаго человѣка отъ нападокъ и обвиненій гордой, столбовой дворянки Арсеньевой, которая не могла примириться съ mésalliance'омъ своей дочери съ заурядным плебеемъ, обладавшимъ лишь молодостью и красотой, не давшимъ женѣ даже продолжительнаго счастья. Притязаніямъ родовитой аристократки и рѣзкимъ формамъ слишкомъ рано понятаго человѣческаго неравенства юношѣ-Лермонтову хотѣлось во что бы то ни было противоставить почетнѣйшее прошлое отцовскаго рода. Такъ возникла мысль не только объ его испанскомъ происхожденіи, но и о томъ, что предкомъ своимъ онъ можетъ считать извѣстнаго вельможу герцога Лерму. Юноша уносился мечтами къ „своей Испаніи", бралъ изъ ея жизни сюжеты для произведеній, и т. д. Позднѣе эту фантастическую родословную замѣнила болѣе поэтическая, и вмѣстѣ съ тѣмъ подлинная,—его предкомъ сталъ шотландскій рыцарь и бардъ Томасъ Лермонтъ, современникъ короля Макбета.

Сохранившіеся архивные документы показали, что родъ Лермонтовыхъ ведетъ начало отъ шотландскаго выходца, сражавшагося въ Смутное время въ качествѣ наемника въ рядахъ поляковъ противъ царскихъ войскъ, потомъ послѣ плѣна у русскихъ боровшагося съ поляками,—Юрія (Джорджа)

Лермонта (имя любимое поэтомъ и часто встрѣчающееся въ его произведеніяхъ).

Послѣ дѣтства, проведеннаго безъ пригрѣва и ласки, безъ няни, безъ сказокъ, съ рано нахлынувшими тяжелыми впечатлѣніями, отрочество и домашнее воспитаніе испытали вліяніе нѣсколькихъ иностранцевъ-педагоговъ, познакомившихъ его съ иностранными литературами; послѣ французовъ Капэ и Жандро, это былъ англичанинъ Виндсонъ, съ которымъ онъ до школы уже узналъ Байрона. Это разнообразное литературное образованіе, котораго своевременно не извѣдалъ Пушкинъ, не могло не подѣйствовать на юношу-поэта; въ его раннихъ произведеніяхъ уже видны слѣды вліянія различныхъ національныхъ литературъ. Непрерывно развиваясь въ этомъ направленіи, онъ впослѣдствіи обладалъ рѣдкими литературными знаніями. Не только классики Запада, но и новѣйшіе писатели были ему доступны; онъ увлекался французскими романтиками, Гюго, Мюссе, Виньи, Барбье. Послѣ Лессинга, Гете, Шиллера, его рано коснулась поэзія Гейне; англійское вліяніе представлено было Шекспиромъ и Байрономъ, всего сильнѣе завладѣвшимъ имъ.

Первый проблескъ его байронизма, сначала усваивавшагося черезъ передачу русскими послѣдователями, — полудѣтская попытка пересказать пушкинскаго „Кавказскаго плѣнника“ и другія темы такого же рода у Пушкина. Потомъ установилось прямое и сильнѣйшее воздѣйствіе не только творчества, но и жизни, и личныхъ свойствъ Байрона. Лермонтова-юношу поражало сходство и совпаденіе собственныхъ переживаній, настроеній, эмоцій, протеста и борьбы, съ тѣмъ, что онъ увидѣлъ у англійскаго поэта. Байронъ, казалось, станетъ не только образцомъ его, но двойникомъ. Ему хотѣлось бы слиться съ нимъ, переиспытать все, что было послано ему судьбою. Отношеніе къ Байрону выражалось то въ стихотворныхъ заявленіяхъ о томъ, чтобы онъ могъ пройти всецѣло по слѣдамъ Байрона, то жаждой самобытности, близости духовной къ великому поэту. Прочитавъ въ 1830 году біографію Байрона, написанную Томасомъ Муромъ, онъ говоритъ въ стихотвореніи, создавшемся подъ горячимъ впечатлѣніемъ:

„... Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки;
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!“

Какъ будто въ тяжелыхъ условіяхъ николаевской жизни возможна была титаническая борьба, которую велъ Байронъ! Но онъ понялъ, что не въ общности судьбы ихъ сходство, что онъ не повторитъ всего состава жизни и дѣятельности своего двойника, но пройдетъ смежнымъ съ нимъ путемъ.

„Нѣтъ, я не Байронъ; я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой“.

Онъ хотѣлъ въ русской жизни и литературѣ оставить слѣдъ, подобный проведенному въ англійской Байрономъ; созрѣвъ въ школѣ великаго предшественника, онъ выступилъ какъ Лермонтовъ, а не какъ второй Байронъ; но, усвоивъ полнѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ байронистовъ, убѣжденія художественныя, общественныя, даже политическія англійскаго поэта, онъ все же выработался въ опредѣленную самостоятельную личность, хоть и не сдѣлался вполнѣ тѣмъ, о чемъ мечталъ, называя себя „странникомъ съ русскою душой“.

Велико было возбужденіе его ранняго творчества впечатлѣніями Кавказа. Ребенкомъ, послѣ перенесенной тяжелой болѣзни онъ былъ привезенъ туда для лѣченія; кажется лѣчебная эта поѣздка повторялась. Перенесенный изъ средне-русской природы села Тарханъ (Пензенской губ.) или подмосковнаго Середникова, онъ былъ пораженъ величественной красотой Кавказскихъ горъ и позднѣе привѣтствовалъ ихъ дышащимъ искреннимъ восторгомъ обращеніемъ: „Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ, облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ, да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ, какъ дымъ, улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь

на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ"... Онъ никогда не могъ забыть ихъ и, блуждая среди велико-русской природы, которая не оставляла его безчувственнымъ (въ рано развитомъ чувствѣ природы нельзя не видѣть также вліянія Байрона), онъ уносился мыслью къ любимымъ горамъ, переносилъ въ ихъ обстановку зарождавшіяся произведенія.

Но не одна красота природы заставляла его свято хранить въ своей памяти Кавказъ. „Кавказскія горы для меня священны", писалъ онъ въ своей записной книжкѣ; онѣ стали такими и потому, что, тамъ онъ испыталъ впервые любовь, будучи еще 10-лѣтнимъ мальчикомъ, — и въ этомъ тоже сойдясь съ Байрономъ!

Съ Лермонтова начинается въ нашей литературѣ поэтическое „кавказовѣдѣніе"; до него оно было представлено скудно; впервые коснулся кавказской темы по поводу персидскаго похода Зубова въ своей одѣ Державинъ, никогда не бывавшій въ этомъ краю. Пушкинъ въ „Плѣнникѣ", нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, „Галубѣ", „Путешествіи въ Эрзерумъ" отразилъ впечатлѣнія природы и быта Кавказа, узнавая ихъ послѣдовательно, въ два пріема: когда создавался „Кавказскій плѣнникъ", онъ зналъ лишь сѣверный Кавказъ, на пути въ Эрзерумъ онъ увидалъ Грузію и Арменію. Грибоѣдовъ крѣпко привязался къ Кавказу, въ послѣдніе годы своей жизни много сдѣлалъ для него своими заботами о народномъ благѣ и просвѣщеніи края, но художественно Кавказъ отразился лишь въ двухъ, трехъ стихотвореніяхъ („Хищники на Чегемѣ") и въ посмертной трагедіи „Грузинская ночь"; все это сравнительно блѣдно; настоящій расцвѣтъ поэтическаго кавказовѣдѣнія ведетъ начало съ Лермонтова и доходитъ до нашихъ дней въ лицѣ Льва Толстого съ его „Казаками", „Хаджи-Муратомъ" и „Кавказскимъ плѣнникомъ".

Примѣчательно, то, что въ поэмахъ Лермонтова, созданныхъ до 1837 г., когда за стихотвореніе „На смерть Пушкина" онъ былъ высланъ на Кавказъ и снова, послѣ долгаго промежутка увидѣлъ его, кавказская природа и жизнь еще сильнѣе захватили его, ихъ краски и среда, въ которой

почти исключительно разыгрывается дѣйствіе этихъ поэмъ, воспроизводились по памяти, между тѣмъ изображена она не условными чертами, а яркими, живыми красками, какъбудто была передъ глазами поэта,—примѣръ поразительной, рѣдко встрѣчающейся зрительной памяти!

Первыя поэмы Лермонтова, являясь образцомъ ландшафтной живописи, шедевры которой встрѣчаются въ позднѣйшихъ твореніяхъ, какъ „Герой нашего времени" и „Споръ", интересны еще какъ параллель байроновской разбойничьей романтикѣ; это „Джуліо", „Литвинка", „Каллы", „Аулъ Бастунджи", „Измаилъ-Бей", и первая появившаяся въ печати поэма „Хаджи-Абрекъ". Подобно восточнымъ поэмамъ Байрона, онѣ воспроизводятъ бытъ и природу Востока, хотя только ближняго Кавказа; ихъ герои — носители сильныхъ страстей: Каллы — роковой убійца, мстящій и обидчику, и его семьѣ, не отступающій передъ чисто разбойничьимъ поступкомъ; таковъ и Хаджи-Абрекъ, сводящій счеты за поруганную любовь, и оскорбленіе чести. Всѣ эти произведенія очень не совершенны, но цѣнны прежде всего, какъ отзвуки личнаго настроенія Лермонтова, какъ выраженіе его мятущейся души.

Недовольство, въ столь же рѣзкихъ формахъ, выступало и въ другихъ юношескихъ произведеніяхъ, въ особенности въ драмахъ,—„Испанцахъ" созданныхъ въ періодъ увлеченія своимъ испанскимъ происхожденіемъ подъ сильнымъ вліяніемъ Шиллера и Лессинга, его „Натана Мудраго", — въ „Menschen und Leidenschaften" („Люди и страсти"), въ „Странномъ человѣкѣ", въ которомъ, какъ уже говорилось, Лермонтовъ хотѣлъ изобразить своего отца въ лицѣ загадочнаго героя, но вмѣстѣ съ тѣмъ очертилъ и отталкивающую русскую среду, худшей представительницей которой является здѣсь женщина; возмутительныя стороны крѣпостного быта очерчены авторомъ съ такою же силою, какъ въ „Дмитріи Калининѣ" Бѣлинскаго.

Горячая душа его рано влеклась къ другой душѣ, думая найти ласку, искренній откликъ. Десяти лѣтъ онъ пережилъ первую любовь, черезъ два года онъ влюбился вторично, — надо ли говорить, что любовь мальчика осталась нераздѣ-

ленной? Зато она была могучимъ толчкомъ къ творчеству, и въ стихахъ рано зазвучалъ мотивъ неудовлетворенности тоскующей души. Безконечныя страданія доставляло ему сознаніе своей невзрачности, — ему казалось, что для него навсегда останется недостижимымъ счастье любви и даже дружбы. Его мучилъ недостатокъ внѣшней красоты, такъ много обусловливающій въ сочувствіи и симпатіи людей, и съ задушевной болью онъ изображалъ не разъ, какъ отталкивали его чувство тѣ, кому онъ приносилъ его, какъ свысока обращались съ нимъ, не сознавая его духовной мощи, не предвидя въ немъ выдающагося человѣка.

Такъ проходила его юность, проходили душевныя переживанія, вызванныя и событіями личной жизни и міровыми потрясеніями; а изъ отрочества проходитъ черезъ всю жизнь до конца, мечта заповѣдная, его „Демонъ", сопутствующій ему повсюду. 10 лѣтъ владѣла эта греза особенно упорно его фантазіей. Въ 1829 году впервые былъ задуманъ этотъ образъ и до 1839 года онъ неотступно занималъ поэта, мѣняясь въ деталяхъ, мѣняя свою обстановку. Всѣ оттѣнки демонизма были затронуты Лермонтовымъ,—хитрый, тонкій искуситель, и геній сомнѣнія, и гордый протестантъ противъ мірового порядка отразились на его героѣ. Въ первомъ опытѣ изобразить демона (въ небольшомъ стихотвореніи, написанномъ въ университетѣ) онъ долженъ былъ воплотить въ себѣ начало недовольства, протеста; его одинокій тронъ стоитъ въ пустынномъ мѣстѣ среди облетѣвшихъ листьевъ; суровый, строгій, мрачный сидитъ демонъ. Пройдя черезъ образъ духа зла, носящагося по вселенной, спускающагося на землю, чтобы причинить горе людямъ, какимъ онъ данъ въ поэмѣ, демонъ подъ конецъ въ „Сказкѣ для дѣтей" станетъ прозаическимъ бѣсомъ, „изъ самыхъ нечиновныхъ", проникаетъ въ будуаръ свѣтской женщины. Въ этой, къ сожалѣнію, неоконченной „Сказкѣ", поэтъ называетъ демона поэмы „безумнымъ нестройнымъ дѣтскимъ бредомъ", но какъ долго длился онъ, какъ тѣсно сливался порою съ личностью поэта!

Задумывая и перерабатывая свою поэму, Лермонтовъ несомнѣнно, зналъ и помнилъ изображенія духа тьмы въ

европейской поэзіи, Сатану Мильтона, Мефистофеля Гете, Люцифера Байрона; не прошло безслѣдно знакомство съ поэмами Томаса Мура „Любовь ангеловъ“ и (въ особенности) Альфреда де Виньи „Eloa“. Но при всѣхъ этихъ вліяніяхъ и связяхъ сложился у поэта свой самостоятельный образъ.

„Демонъ“ долгое время ходилъ въ рукописныхъ спискахъ, пользовался огромнымъ успѣхомъ. Только въ 60-ыхъ годахъ онъ могъ появиться въ печати; позднѣе явилась наконецъ возможность прослѣдить по послѣдовательнымъ четыремъ редакціямъ постепенный ростъ замысла. Первая редакція несложна и неразвита; создалась она въ періодъ увлеченія Лермонтова своимъ испанскимъ происхожденіемъ; она переноситъ мѣсто дѣйствія въ Испанію, у морского берега; героиня—монахиня; ея образъ очень неясенъ и мало значителенъ, весь интересъ сосредоточивается на центральномъ лицѣ, демонъ очерченъ уже протестующимъ скитальцемъ; рисунокъ не тонокъ, краски не ярки. Испанская обстановка не удержалась; ее смѣнили краски и образы Кавказа. Демонъ—еще одинъ изъ двойниковъ Лермонтова, воплотившій въ себѣ его сомнѣнія и борьбу съ міровымъ порядкомъ.

Но замкнувшійся въ себѣ поэтъ не остался безучастнымъ къ современности. 1830 годъ съ вспыхнувшимъ пожаромъ польской революціи, перебросившейся изъ Франціи въ другія государства, засталъ Лермонтова въ университетѣ, и возбуждающе подѣйствовалъ на мысль поэта. Памятникомъ вольнолюбиваго настроенія, охватившаго его, осталась повѣсть въ стихахъ (ставшая извѣстною лишь недавно), „Послѣдній сынъ вольности“, гдѣ онъ переносится мыслью къ старинѣ новгородской. На этомъ пути у него были предшественники; Княжнинъ еще въ 18 столѣтіи сдѣлалъ легендарнаго Вадима, какъ борца за вольность родины, героемъ многострадальной своей политической трагедіи; Пушкинъ на югѣ задумывалъ и драму и поэму о Вадимѣ. Въ республиканизмѣ, которымъ авторы надѣляли Вадима, было много идеализаціи; не избѣжалъ этого и Лермонтовъ. Противополагая Вадима Рюрику, какъ представителю монархической власти, Лермонтовъ усилилъ ихъ антагонизмъ столкновені-

емъ изъ-за любви къ одной дѣвушкѣ, отнятой Рюриком силою.

Кромѣ „Послѣдняго сына вольности“ въ лирикѣ Лермо това есть цѣлый рядъ разрозненныхъ заявленій его бурлива настроенія въ революціонный годъ. Послѣ трехъ Іюльских дней во Франціи, хоть и не приведшихъ къ настоящем перевороту, но цѣнныхъ тѣмъ, что свергнута была влас Бурбоновъ и замѣнена монархіей конституціонной, молод поэтъ, обращаясь къ Карлу X, бичуетъ его, и въ его ли самодержцевъ, не знающихъ своего народа, „Ты могъ бы лучшимъ королемъ“, говоритъ онъ,

„Ты не хотѣлъ. Ты полагалъ
Народъ унизить подъ ярмомъ,
Но ты французовъ не узналъ!
Есть судъ земной и для царей“...

Такими словами угрожаетъ онъ всѣмъ царямъ и набра ваетъ призракъ того дня, когда на послѣднемъ судѣ пот буютъ ихъ къ отвѣту за кровь гражданъ, пролитую по вин̆ѣ. Возстаніе поляковъ вызвало въ немъ тогда такое сочувствіе: „Опять вы, гордые, возстали за независимо страны“, восклицаетъ онъ.

Въ Россіи Іюльская революція не откликнулась соотв ственнымъ движеніемъ, но спокойно 1830-31 годъ и въ не прошелъ. Рядъ бунтовъ, вызванныхъ иными, совсѣмъ политическими побужденіями, вспыхнулъ въ разныхъ конц страны. Это былъ прежде всего бунтъ военныхъ поселе учрежденныхъ Александромъ I при содѣйствіи Аракче Трудно себѣ представить болѣе уродливое положеніе кре янъ, изъ которыхъ затѣяли сдѣлать полу-народъ, полу-ар которые должны были соединять военныя занятія съ труд земледѣльцевъ, подчиняться военной дисциплинѣ, и всѣ боты выполнять по установленному порядку и въ установл ный срокъ. Въ поселеніяхъ развились и укоренились гн злоупотребленія и хищничество; начальство поселянъ пол валось широко этимъ особымъ видомъ крѣпостного права своей выгодѣ, всячески притѣсняя и эксплоатируя. На

нецъ истощилось терпѣніе народное; недовольство, прорвавшись, выразилось въ страшномъ бунтѣ, сопровождавшемся жестокими истязаніями и казнями насильниковъ. Исторія его впервые дана была, по разсказамъ, воспоминаніямъ и документамъ лишь въ 1870 году М. Семевскимъ въ книгѣ „Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году“.

Лермонтовъ своеобразно отнесся къ этому движенію. Возставшіе военно-поселенцы въ Новгородскомъ краю показались ему потомками старинной новгородской вольности, и, узнавъ объ усмиреніи, онъ окликаетъ ихъ: „Сыны снѣговъ, сыны славянъ, зачѣмъ вы мужествомъ упали?“.

Освободительное и остро политическое настроеніе молодого поэта отразилось въ своеобразной сатирѣ въ байроновскомъ духѣ „Пиръ Асмодея“. На бѣсовскій пиръ доносятся вѣсти съ земли; ихъ доставляютъ три демона; одинъ изъ нихъ приноситъ вино свободы, котораго „земные опились народы и начали въ куски короны бить“, и Асмодей, боясь быть свергнутымъ съ престола, если его бѣсы напьются этой отравы, выплескиваетъ напитокъ изъ кубка.

Стихотвореніе „Предсказаніе“ уносится въ грезахъ къ „Россіи черному году“, когда передъ возставшею массой народа зашатается тронъ, упадетъ царская корона и закипитъ ужасное мщеніе. Невозможно вѣчно сохранять страшный давящій людей строй, отразившійся въ стихотвореніи 1829 года „Жалоба турка“. (Заглавіе напоминаетъ стихотвореніе Полежаева „Пѣснь ирокезца“;—„турокъ“ и „ирокезецъ“—русскіе люди). Оно написано въ формѣ „письма къ другу, иностранцу“. „Ты зналъ ли дикій край“, говорится въ немъ, „гдѣ являются порой умы и холодные, и твердые, какъ камень?.. Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей, тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!.. Другъ! этотъ край—моя отчизна!“.

Эти произведенія создавались въ университетскій періодъ Лермонтова; пребываніе въ университетѣ почти не отразилось на творчествѣ Лермонтова; въ поэмѣ „Сашка“ остался слабый отзвукъ того, что онъ увидѣлъ въ университетской средѣ; вспоминается, какъ сонъ, alma mater, полная студенческой толпой, толки и споры молодежи, педантическіе и

бездарные профессора, одна изъ „студенческихъ исторій“, въ которой участвовалъ и Лермонтовъ. Въ служащей какъ-бы прологомъ къ „Герою нашего времени“, неконченной повѣсти, названной ея позднѣйшими издателями „Княгиней Лиговской“, мы видимъ Печорина въ Москвѣ студентомъ, вокругъ него группа молодежи, ищущая наслажденій. Нигдѣ не обрисованы замѣчательные кружки, которые уже образовались въ то время въ университетѣ, кружки Станкевича, Бѣлинскаго, Герцена. Лермонтовъ остался далекимъ отъ нихъ. Въ тѣ годы университетъ былъ силенъ не лекціями своихъ профессоровъ, а самодѣятельной культурной работой, самообразованіемъ студентовъ. Лишь немногіе профессора могли научно вліять на слушателей, большинство отличалось скудостью знаній и бездарностью, читало лекціи по руководству, только его и требуя на экзаменахъ. Лермонтовъ, необыкновенно начитанный, не разъ имѣлъ столкновенія съ профессорами; на экзаменѣ Побѣдоносцева онъ отвѣчалъ свободно и вызвалъ этимъ недовольство преподавателя, который замѣтилъ ему, что онъ ничего подобнаго не сообщалъ въ своихъ лекціяхъ; Лермонтовъ отвѣтилъ, что, располагая большой собственной библіотекой, готовился, пользуясь ею; это было сочтено за дерзость.

Университетская жизнь лишь однажды захватила юношу. Это былъ моментъ, къ которому невозможно было оставаться безучастнымъ—„маловская“ исторія. Маловъ даже при тогдашнемъ составѣ профессоровъ выдѣлялся невѣжествомъ и бездарностью, къ тому же былъ грубъ со студентами, чѣмъ возстановилъ противъ себя всѣхъ. Ему устроили обструкцію, довели шумомъ до того, что онъ долженъ былъ спастись изъ аудиторіи, за тѣмъ покинуть университетъ. Зачинщики были наказаны. Въ изгнаніи Малова изъ аудиторіи принимали живое участіе Лермонтовъ, и Бѣлинскій, и Герценъ.

1830-ый, революціонный, бунтарскій, но и холерный годъ, отразился серьезно въ жизни Лермонтова; „холернымъ бунбунтомъ“, вызваннымъ въ различныхъ мѣстахъ первымъ вторженіемъ въ Россію азіатской холеры, необыкновенно свирѣпствовавшей, соотвѣтствовала паника въ центрахъ. При полной неорганизованности общественной и правительствен-

ной помощи, при отсталости народа не было возможности бороться съ болѣзнью. Стихійное, безотчетное движеніе отчаянія овладѣло массой; волнующія бредни о томъ, что врачи, отравляя воду, распространяютъ болѣзнь, а власти не борятся съ ней, вызвали возмущеніе темныхъ массъ; немало было жертвъ повсюду. Въ Москвѣ холера остановила всю жизнь. Закрылись общественныя учрежденія, въ томъ числѣ и университетъ; семестръ не былъ выполненъ; чтобы не терять времени, Лермонтовъ рѣшилъ перейти въ петербургскій; тамъ не согласились зачесть ему пребываніе въ московскомъ университетѣ и предложили поступить на первый курсъ. Онъ отказался совсѣмъ отъ университетскаго образованія и поступилъ въ юнкерское училище.

Въ письмѣ его (отъ 1831 года) къ Маріи Лопухиной есть любопытное признаніе, что онъ готовилъ себя тогда къ литературному поприщу; въ виду этого еще болѣе страннымъ кажется его поступокъ. Что ждало его? Чего искалъ онъ въ школѣ, полной молодежи, пригодной только къ кутежамъ и прожиганію жизни? Не могъ же онъ довольствоваться кругомъ людей, который былъ теперь около него! Но впереди была военная служба, она показалась ему вѣрнымъ путемъ свести счеты съ жизнью; все ему постыло, ему хочется все перемѣнить, порвать всѣ связи, онъ ждетъ скорой войны и развязки жизни; умереть отъ ранъ лучше, чѣмъ изживать безцвѣтную старость,—писалъ онъ Лопухиной. Въ тѣ годы велась непрерывная борьба съ кавказскими горцами; тамъ всегда могла найтись пуля, которая оборвала бы невыносимую жизнь; туда и стремились всѣ разочарованные, уставшіе душою.

Въ кавалерійской школѣ Лермонтовъ вступилъ въ ряды кутящей золотой молодежи, изображенной имъ потомъ въ той „bande joyeuse“, которая окружала (по „Княгинѣ Лиговской“) молодого Печорина. Началась та опасная пора въ жизни поэта, которая могла бы сгубить его; если онъ не погибъ духовно тамъ, то только благодаря внутренней силѣ, таившейся въ немъ. Внѣшнія вліянія сказались въ рядѣ стихотвореній, не только остроумныхъ, игривыхъ, но и скабрезныхъ; стихъ, конечно, пріобрѣталъ большую легкость, живость, остроуміе,—направленіе и складъ позднѣйшихъ

поэмъ „Сашка“ и въ особенности „Казначейша“ здѣсь подготовлены.

Но Лермонтовъ жилъ и тогда двойною жизнью; въ немъ не замолкаетъ глубокое, вдохновенное настроеніе, и въ минуты одиночества онъ творитъ, давая волю мысли и чувству, недоступнымъ для окружающихъ. Съ такими же творческими порывами, вызвавшими рядъ глубокихъ лирическихъ импровизацій и поэмъ съ любимыми имъ кавказскими отголосками, вошелъ онъ потомъ въ свѣтскую и военную жизнь, тая среди ея жалкаго и пошлаго строя великое дарованіе.

Такъ протекала его жизнь до начала 1837 года, когда смерть Пушкина послужила сильнѣйшимъ возбужденіемъ для творчества поэта. Стихотвореніе, вызванное этимъ событіемъ и повсюду разнесшееся, оставило далеко позади всѣ предшествующія произведенія его. Съ необыкновенною силою, безстрашно бросилъ онъ въ лицо великосвѣтскому обществу обвиненіе въ убійствѣ великаго поэта, въ козняхъ, творившихся противъ него. Лермонтовъ впервые писалъ желѣзнымъ стихомъ настоящей политической сатиры, подобнаго которой не было въ русской литературѣ.

Такъ сразу, властно, занялъ въ ней одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ долго таившійся отъ свѣта великій талантъ.

Когда рѣзкіе упреки, справедливые въ лермонтовскомъ стихотвореніи по отношенію и къ правительству, и къ аристократическому міру, повторились позднѣе въ „Думѣ“ по отношенію къ молодому поколѣнію, они оказались неоправданными. Обвинять поколѣніе 30-ыхъ годовъ въ томъ, что „его грядущее иль пусто иль темно“, что въ душѣ его царствуетъ какой-то холодъ тайный, что оно „пройдетъ надъ міромъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли благородной, ни геніемъ начатаго труда“, невозможно; оно богато было великими силами, проявившимися въ сороковыхъ годахъ въ литературѣ, наукѣ и общественности.

Среди этихъ кружковъ сложились и развились тѣ два наиболѣе выдающіеся дѣятели, которыхъ, наряду съ Гоголемъ и Лермонтовымъ, слѣдуетъ признать вождями и руководителями новаго, послѣ-пушкинскаго періода литературы.

Въ концѣ 50-ыхъ годовъ сдѣланы были (въ книгѣ Анненкова „Н. В. Станкевичъ“ и въ „Быломъ и Думахъ“ Герцена) первые опыты оцѣнки и характеристики дѣятельности кружковъ. Чернышевскій въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода“ не могъ не затронуть того же вопроса, останавливаясь въ особенности на такомъ выразителѣ великой жизнедѣятельности того поколѣнія, какъ Бѣлинскій (правда, онъ долго не могъ даже называть его по имени, и поневолѣ обозначалъ его „критикомъ гоголевскаго періода“). Въ настоящее время очень обогатилась литература изслѣдованій, характеристикъ и матеріаловъ, посвященныхъ изученію той поры. Изслѣдованіе Корнилова „Молодые годы Бакунина“, основанное на данныхъ бакунинскаго архива, очень многое освѣтило въ умственной работѣ станкевичевскаго кружка и способствовало уясненію личной исторіи важнѣйшихъ его дѣятелей. Много цѣннаго даетъ теперь собраніе всей переписки Н. В. Станкевича, изданное Алексѣемъ Станкевичемъ, который собралъ также въ одномъ томѣ всѣ произведенія его, въ прозѣ, стихахъ, его единственную драму. Переписка Бѣлинскаго, долго извѣстная лишь по большимъ выдержкамъ въ книгѣ Пыпина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, теперь доступна вся въ трехтомномъ изданіи Ляцкаго; собраніе его сочиненій, изданное подъ редакціей Венгерова, снабжено не только обширными примѣчаніями, но статьями его современниковъ, послужившими поводомъ къ написанію той или иной изъ его собственныхъ.

Что касается Герцена, изученіе его жизни и дѣятельности настало еще позднѣе. До 1862 г. даже имя его было запретнымъ въ легальной русской литературѣ; только 27 лѣтъ спустя послѣ его смерти стало возможно появленіе первой работы о немъ, книги В. Смирнова (псевдонимъ Соловьева) въ 1897 г., преимущественно посвященной однако русскому, до-эмиграціонному періоду его дѣятельности. Въ 1905 г. могло появиться наконецъ русское изданіе собранія его сочиненій (выпущ. Павленковымъ), далеко не соотвѣтствовавшее женевскому изданію 1876—79 г., хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ (перепискѣ Герцена) представившее новые біографическіе матеріалы. Предпринятое теперь семьей Герцена полнѣйшее

собраніе сочиненій остановлено было войной. Тѣмъ временемъ выростаетъ и развивается литература о Герценѣ, выставившая такія работы, какъ книги и статьи Вѣтринскаго, Богучарскаго, Гершензона, Иванова-Разумника.

Зарожденіе обоихъ знаменательныхъ кружковъ московскихъ относится къ первымъ тридцатымъ годамъ. Въ 1829 г. изъ пензенской глуши, преодолѣвъ немалыя затрудненія и лишенія, пробивается въ Москву Бѣлинскій и становится „казенно-коштнымъ" студентомъ университета; въ 1831 г. изъ воронежскихъ краевъ, не по-ломоносовски, а со всѣми преимуществами барской подготовки, знанія языковъ, домашнихъ занятій и обезпеченности входитъ въ студенческіе ряды Станкевичъ; въ 1830 г. вступаетъ Герценъ; вскорѣ вокругъ нихъ начинается группировка силъ, возникаютъ и развиваются соотвѣтствующіе кружки. Тѣмъ развитіемъ, которое эта молодежь получила въ университетскую свою пору, она была главнымъ образомъ обязана самодѣятельности, напряженнымъ и дружнымъ исканіямъ, сплоченности и круговой порукѣ научной своей работы. У обѣихъ группъ были предшественники, были предвѣстія такихъ организацій. Въ 18 столѣтіи это—радищевскій студенческій кружокъ въ Лейпцигѣ; въ началѣ двадцатыхъ годовъ 19 вѣка это—юношеское общество любомудровъ съ Веневитиновымъ и Одоевскимъ во главѣ, отважившееся издавать даже литературно-философскій журналъ „Мнемозину", но въ тяжелую пору, послѣ декабрьскихъ событій 1825 года, подъ вліяніемъ паники, охватившей все общество, рѣшившее скрыть всѣ слѣды своей дѣятельности, уничтоживъ даже протоколы собраній. Образовывавшіеся затѣмъ кружки не отличались продолжительностью и не имѣли вліянія ни на литературу, ни на общество; они послужили лишь спайкой между кружками 20-ыхъ годовъ и примѣчательными молодыми группами, которыя къ началу слѣдующаго десятилѣтія сосредочили въ себѣ великій запасъ культурной энергіи, научной пытливости, сильной философской или соціальной возбужденности.

Среди профессоровъ большинство было „временъ очаковскихъ"; были уже названы Побѣдоносцевъ, Маловъ. Только

два имени произносились съ сочувствіемъ и уваженіемъ студентами,—Мих. Г. Павловъ и Надеждинъ.

Имя Павлова, профессора физики и сельскаго хозяйства, встрѣчается во всѣхъ воспоминаніяхъ студенчества того времени; его вліяніе на умы молодежи очевидно. Онъ читалъ давно въ университетѣ и былъ представителемъ шеллинговской натуръ-философіи, приверженность къ которой вывезъ изъ Германіи, гдѣ подготовлялся къ каѳедрѣ, оставшись вѣрнымъ ей до конца дней. Въ физической наукѣ онъ былъ, можетъ быть, очень небольшой величиной; онъ не признавалъ, напримѣръ, математическаго метода въ физикѣ, сосредоточиваясь на натуръ-философскомъ толкованіи; но не этимъ былъ онъ цѣненъ, не за то любимъ. Онъ былъ воспитателемъ умовъ; вліяніе его лекцій поддерживало и развивало то, что его слушатели добывали изъ самостоятельныхъ философскихъ или естественно-научныхъ исканій и чтеній. Онъ былъ ревностнымъ продолжателемъ пропаганды шеллинговой философіи, которую вели въ Петербургѣ съ начала вѣка профессора Велланскій и Галичъ. Сообщительный, увлекательный, обладая къ тому же даромъ слова, Павловъ немало вліялъ на умы; онъ еще тѣснѣе сблизился съ стунденческимъ кружкомъ Станкевича благодаря тому, что Станкевичъ жилъ у него, и квартира Павлова сдѣлалась наряду съ „нумеромъ“ Бѣлинскаго вторымъ главнылъ мѣстомъ собраній кружка. На его лекціяхъ было чему поучиться, только не сельскому хозяйству и не физикѣ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Герценъ рисуетъ его какъ-бы стоящимъ у вратъ науки,— и, встрѣчая каждаго вновь приходившаго студента вопросомъ: „Вы пришли, чтобы узнать природу,—но что такое „природа“, что такое „знать“? онъ заводилъ рѣчь объ общихъ философскихъ основахъ, Шеллингѣ, Окенѣ.

Не меньшее вліяніе имѣлъ Надеждинъ, получившій особенно выдающееся значеніе въ ранней жизни Бѣлинскаго. Надеждинъ вышелъ изъ церковнической среды, получилъ семинарское образованіе; все его предназначало идти по пути отцовъ и дѣдовъ, но его привлекало иное. Возможность пользоваться прекрасной, главнымъ образомъ иностранной, библіотекой богатаго помѣщика, недалеко отъ имѣнія котораго

онъ жилъ, особенно поддержала его стремленіе къ наукѣ. Среди своихъ исканій пути онъ узналъ стараго, типичнаго историка-скептика, проф. Каченовскаго, который оцѣнилъ его способности, далъ возможность выступить съ первыми критическими статьями въ „Вѣстникѣ Европы“; Надеждинъ сразу выказалъ большую оригинальность и дарованіе. Въ статьяхъ „Литературныя опасенія за слѣдующій (1829) годъ“ и „Сонмище нигилистовъ“ онъ бросаетъ, въ духѣ своего старозавѣтнаго покровителя, вызовъ новой, пушкинской литературѣ, независимо, остроумно и ярко споря съ ея представителями и критиками. Поддержанный Каченовскимъ въ планѣ проникнуть въ университетъ, онъ пишетъ затѣмъ диссертацію о романтической школѣ, разслѣдуетъ ея корни и источники въ міровой литературѣ, въ поэзіи востока и европейскаго запада, останавливается въ 19 вѣкѣ на значеніи и вліяніи Байрона, касается Пушкина, поражая широтой захвата своихъ изученій; борьбу классицизма съ романтизмомъ онъ примиряетъ синтезомъ ихъ; по его мнѣнію, русская литература призвана осуществить его. Наконецъ въ 1832 Надеждинъ появляется на каѳедрѣ университета и привлекаетъ къ себѣ слушателей блестящими оригинальными лекціями, всегда импровизируемыми и краснорѣчивыми. Предметъ, который онъ читалъ, назывался „эстетикой“, но въ сущности это былъ полезный и развивающій курсъ всеобщей литературы. Краснорѣчіе и блескъ его потомъ, на разстояніи, казались разсудочными, холодными, но, какъ бы то ни было, его лекціи дѣйствовали возбудительно и привлекали большое вниманіе. Когда къ дѣятельности его, какъ профессора, присоединилась и работа журналиста, завершилась коренная перемѣна его роли и направленія; отъ прежняго воинствующаго критика-консерватора, старовѣра, не осталось и слѣда; въ его „Телескопѣ“ принималъ участіе самъ Пушкинъ; „Телескопъ“ погибъ потомъ за мятежно-еретическое выступленіе Чаадаева, въ которомъ не было и слѣда консерватизма.

Свободно отъ указокъ оффиціальной науки, прислушиваясь лишь къ немногимъ ея представителямъ, шла молодежь на самостоятельное изученіе литературы, эстетики, философіи въ послѣдовательныхъ переходахъ отъ Шеллинга

къ Фихте, впослѣдствіи къ Гегелю, углублялась въ точныя знанія или искала отвѣта своимъ соціальнымъ запросамъ. Круговая порука облегчала работу и побуждала участниковъ кружка переводить товарищамъ, не владѣвшимъ языками, все важнѣйшее и необходимое; наука завоевывалась сообща.

Выдающейся чертой кружковъ былъ ихъ демократическій характеръ; дружно, равноправно и свободно сходились въ нихъ бѣднякъ Бѣлинскій, сынъ уѣзднаго лекаря города Чембара, столбовой дворянинъ изъ зажиточной семьи Станкевичъ, недавній офицеръ Бакунинъ, поповичъ Красовъ, купеческій сынъ Боткинъ. Организація не ограничивалась наличными силами студенчества; исключенный изъ университета Бѣлинскій, Станкевичъ, закончившій университетскій курсъ, Невѣровъ, Клюшниковъ и др., оставались дѣятельными членами. Станкевичъ сохранилъ значеніе центральной личности кружка даже послѣ своего отъѣзда за границу, вызваннаго необходимостью лѣченія и стремленіемъ войти въ прямыя сношенія съ истолкователями Гегеля (Вердеромъ въ Берлинѣ), не прерывалъ связей и вліялъ издали. Съ другой стороны, составъ кружка пополнялся людьми непричастными къ университету, приходившими съ воли; такими были Бакунинъ и Боткинъ; къ нимъ примкнулъ потомъ Грановскій, прошедшій сначала петербургскій, затѣмъ германскій подготовительный стажъ.

Организація кружковъ вовсе не была однородной; существенное различіе оттѣнковъ, интересовъ, задачъ, было залогомъ значительной широты умственнаго движенія; нельзя покрывать все это движеніе однимъ философскимъ кружкомъ Станкевича, правда, численностью своей превосходившимъ смежную съ нимъ группу.

Кружокъ Герцена, уступая въ этомъ отношеніи станкевичевскому, по талантливости былъ равенъ ему. Основу его составляли неразлучные друзья, пронесшіе свою дружбу черезъ всю долгую жизнь, Герценъ и Огаревъ; около нихъ группировались Сатинъ, Сазоновъ, Кетчеръ, Вадимъ Пассекъ, Савичъ. Кружки знали о существованіи другъ друга, но не поддерживали сношеній. Слишкомъ различны были ихъ направленія. Герценъ и Огаревъ принесли въ универ-

ситетъ опредѣленные интересы, которымъ служили потомъ неизмѣнно. Во главѣ всего для нихъ были вопросы и проблемы соціальные и политическіе; если философскій кружокъ Станкевича видѣлъ за все время существованія своихъ пророковъ въ лицѣ Шеллинга, Фихте, Гегеля, Герценъ и его товарищи, опираясь сначала на французскихъ мыслителей, просвѣтителей и реформаторовъ 18 вѣка, увлечены были въ новой европейской общественной мысли утопическимъ соціализмомъ Сенъ-Симона.

Есть разсказъ романиста Лажечникова о школьной порѣ Бѣлинскаго. Въ качествѣ директора училищъ онъ увидалъ въ Чембарѣ, среди учениковъ уѣзднаго училища, удивительнаго самородка. Присутствуя на урокѣ, онъ былъ пораженъ мальчикомъ, „орломъ налетавшимъ на отвѣтъ“. Въ Пензенской гимназіи, во главѣ которой стоялъ тотъ же наблюдатель, имъ снова пришлось встрѣтиться, и Лажечниковъ вынесъ тѣ же впечатлѣнія. Бѣлинскій — ученикъ выдѣлялся горячностью своей умственной работы, своихъ стремленій къ знанію; его нельзя было затереть въ толпу; его образъ не выходилъ изъ памяти педагога-романиста; онъ словно предчувствовалъ, что этого подростка ждетъ необычное будущее.

Гимназія не удовлетворяла Бѣлинскаго; скудныя знанія и ремесленная дѣятельность педагоговъ возмущала его; онъ рвался изъ нея. Въ этомъ мятежѣ его поддерживалъ одинъ изъ учителей, естественникъ Поповъ, въ ту пору очень способствовавшій пробужденію духа Бѣлинскаго. Онъ побуждалъ его бросить гимназію и итти въ университетъ. Въ предсмертную пору Бѣлинскаго имъ снова пришлось встрѣтиться,—но тогда Поповъ былъ важнымъ лицомъ въ Третьемъ Отдѣленіи и зорко слѣдилъ за опаснымъ вліяніемъ Бѣлинскаго.

Пребываніе въ университетѣ было прервано для Бѣлинскаго грубымъ вмѣшательствомъ. Въ 1832 г. онъ былъ исключенъ будто-бы за плохіе успѣхи и плохое здоровье, на самомъ дѣлѣ за свою драму „Дмитрій Калининъ“. Она не была его первенцомъ. Первыми литературными трудами Бѣлинскаго были переводы въ „Телескопѣ“,—работа, которую ему доставлялъ Надеждинъ, разглядѣвшій въ немъ, еще студентѣ, недюжинныя силы. Дѣлалъ онъ опыты и въ поэзіи;

въ 1831 г. въ „Листкѣ“, издававшемся кн. Львовымъ, появилось его стихотвореніе „Русская быль“, написанное въ народномъ тонѣ, въ духѣ Кольцова (также ставшаго членомъ кружка, послѣ того, какъ Станкевичъ случайно открылъ его въ Воронежѣ, привлекъ въ культурную среду, энергически поддержалъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ развитіе его таланта и сталъ первымъ издателемъ его стихотвореній).

Но во главѣ раннихъ произведеній Бѣлинскаго, конечно, стоитъ драма „Дмитрій Калининъ“. Герой—молодой крестьянинъ, даровитый, призванный, казалось, къ широкой дѣятельности, но глубоко несчастный. Онъ, незаконный сынъ своего барина, получилъ хорошее воспитаніе, но отецъ умеръ, не успѣвъ усыновить его; онъ долженъ снова стать рабомъ, крѣпостнымъ, оттолкнутый, ненавидимый всей барской семьей, кромѣ дѣвушки, любящей его и любимой имъ. Братья рѣшили выдать ее вопреки ея волѣ за князя. Молодыхъ людей преслѣдуетъ судьба; разобщенные своимъ соціальнымъ положеніемъ, они узнаютъ о своей ближайшей родственной связи: они—братъ и сестра! Потрясенная этимъ дѣвушка молитъ Дмитрія убить ее; исполнивъ ея просьбу, онъ закалывается, передъ смертью проклиная царство беззаконія, жестокости и неправды; душа его всегда стремилась къ свободѣ: онъ умираетъ со словами: „Свободнымъ я жилъ, свободнымъ и умру“.

Пьеса слабая, какъ драматическое произведеніе, но очень цѣнная, какъ показатель душевнаго состоянія и настроенія автора, создалась подъ сильнымъ вліяніемъ шиллеровскихъ „Разбойниковъ“; она проникнута возмущеніемъ не только противъ соціальнаго строя, но и противъ Бога, допускающаго зло на землѣ. Немало ужасовъ крѣпостной Россіи затронуто въ „Дмитріѣ Калининѣ“ съ пыломъ, свойственнымъ „неистовому Виссаріону“. Онъ самъ въ предисловіи такъ говорилъ о побужденіи, заставившемъ его взяться за перо: „Если хоть часть того поглощающаго огня, той животворной силы, которая наполняла меня, когда я создавалъ драму, передастся читателю, и онъ испытаетъ то же самое, я буду удовлетворенъ“.

Одинъ изъ источниковъ драмы можно найти въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ Радищева, гдѣ въ главѣ

„Городня“ встрѣчается подобный же эпизодъ. Свой сюжетъ Бѣлинскій могъ взять и изъ современной жизни, такъ какъ подобный конфликтъ разыгрался въ семьѣ чембарскихъ помѣщиковъ Мосоловыхъ, крайнее крѣпостничество которыхъ дало бытовой матеріалъ и для одной изъ юношескихъ драмъ Лермонтова.

Молодежь приняла „Дмитрія Калинина“ съ энтузіазмомъ; вмѣстѣ съ авторомъ она вѣрила, что трагедія будетъ напечатана и станетъ литературнымъ событіемъ, но ее ожидала иная судьба. Цензурный комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ, пришелъ въ ужасъ отъ вольнолюбиваго духа пьесы, подрывавшейся подъ основы жизни. Она была запрещена, а авторъ намѣченъ, какъ человѣкъ чрезвычайно неблагонадежный, чье присутствіе въ университетѣ не можетъ быть терпимо. Въ слѣдующемъ году состоялось его исключеніе, а „Дмитрій Калининъ“ потонулъ среди запрещенныхъ книгъ въ тайникахъ цензурнаго архива; только въ 1891 г. Тихонравову удалось отыскать его и напечатать.

Эта трагедія полна тѣмъ, что Бѣлинскій называлъ впослѣдствіи „соціальностью“; въ этомъ отношеніи первенецъ „неистоваго Виссаріона“ сходится съ произведеніями послѣдняго, славнаго его періода; это особенно ярко подчеркиваетъ, сколько философскаго насилія было въ періодъ примиренія съ дѣйствительностью надъ горячей натурой трибуна. Начало и конецъ писательской жизни Бѣлинскаго сходятся.

Рукопись „Дмитрія Калинина“ помѣчена 1831 г.; только три года отдѣляютъ его отъ „Литературныхъ мечтаній“, которыми авторъ блестяще выступилъ на поприще критика. Эти остроумные и смѣлые критическіе очерки старой и современной литературы, по формѣ своей — непринужденныя бесѣды съ читателемъ, критическіе фельетоны, явились въ приложеніи къ „Телескопу“,—„Молвѣ“. Неподписанныя, онѣ возбуждали большое любопытство, первое время приписывались Надеждину, напоминая пріемы его былыхъ боевыхъ статей въ „Вѣстникѣ Европы“. Оцѣнки, сужденія, весь тонъ „Литературныхъ мечтаній“ заставляли предполагать въ ихъ авторѣ большой литературный опытъ; читатели, конечно, не

представляли себѣ, что на ихъ глазахъ только нарождается новый талантъ.

Основная идея „Литературныхъ мечтаній“, что литературы у насъ нѣтъ, высказывалась, мы уже знаемъ, не въ первый разъ, но она была выражена въ особенно блестящей формѣ. Бѣлинскій усвоилъ отъ ближайшаго предшественника и учителя Надеждина искусство въ занимательной, остроумной бесѣдѣ съ читателемъ проводить значительныя мысли; съ виду „Литературныя мечтанія“ представляли собой прихотливые наброски, партизанскіе набѣги: отъ разгрома уцѣлѣли четыре имени: Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ. Въ статьяхъ сильно сказалось вліяніе Шеллинга, признававшаго за искусствомъ значеніе высшаго, идеальнаго воплощенія мировыхъ силъ; это философское вліяніе соединялось у Бѣлинскаго съ пониманіемъ народныхъ русскихъ запросовъ, и призванія художественнаго слова. Литература должна выражать народное самосознаніе; его и не было еще въ литературѣ русской; она является только выраженіемъ „общества“, которое отдѣлилось отъ народа послѣ петровской реформы; въ Россіи литература—достояніе привиллегированныхъ классовъ, тогда какъ оно должно быть всенароднымъ.

Съ этой точки зрѣнія былъ сдѣланъ пересмотръ всѣхъ нашихъ писателей. Судъ былъ произведенъ строгій, но въ общедоступной и завлекательной формѣ, сразу привлекшей всеобщее вниманіе. Это было въ одно и то же время и блестящій фельетонъ и серьезная статья съ глубокими мыслями и большой эрудиціей по поставленнымъ ею вопросамъ. „Литературныя мечтанія“ заканчиваются однако прозрѣніемъ русской будущности и значенія народной творческой силы.

Успѣхъ статей былъ необычайный; книжки „Молвы“, до тѣхъ поръ расходившіяся мало, получили широкое распространеніе. Панаевъ свидѣтельствуетъ, что въ Петербургѣ книжки „Молвы“ зачитывались до лохмотьевъ и возбуждали оживленнѣйшіе толки. Статьи не прошли незамѣченными и для Пушкина; задумывая въ то время изданіе журнала, онъ серьезно хотѣлъ привлечь въ его сотрудники московскаго критика.

За „Литературными мечтами“ послѣдовали другія выдающіяся статьи критика. Слѣдующей была „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, гдѣ онъ угадалъ въ писателѣ, еще не создавшемъ ни „Мертвыхъ душъ“, ни „Ревизора“, великую силу, входящую въ литературу, и первый указалъ на своеобразіе гоголевскаго юмора.

Статья „Ничто о ничемъ“, помѣщенная въ 1836 году въ „Телескопѣ“, была первымъ изъ прославленныхъ впослѣдствіи годовыхъ обозрѣній литературы, въ которыхъ Бѣлинскій ясно и сильно сосредоточивалъ итоги литературнаго движенія, обобщая свои наблюденія и оцѣнки художественнаго и идейнаго прогресса.

Отношенія между редакторомъ журнала и молодымъ сотрудникомъ были настолько близкія, такъ много довѣрія питалъ Надеждинъ къ нему, что, когда по болѣзни ему пришлось уѣхать на продолжительный срокъ за-границу, онъ поручилъ редакторство Бѣлинскому. Въ 6—7 мѣсяцевъ, пока даровитый самородокъ стоялъ во главѣ „Телескопа“, журналъ принялъ иное, болѣе свободное направленіе. Образовалась какъ бы молодая редакція, въ число которой входили многіе члены кружка. Глубокаго противорѣчія все же не было, и Надеждинъ по возвращеніи опять сталъ во главѣ журнала; нѣкоторыя перемѣны ему не понравились, напримѣръ измѣненное отношеніе къ Полевому, его сопернику, редактору „Московскаго Телеграфа“, котораго Бѣлинскій глубоко уважалъ. Но недалеко было то время, когда грянула гроза надъ „Телескопомъ“.

Она была вызвана неожиданнымъ помѣщеніемъ осенью 1836 года „Философическаго письма“ Чаадаева съ его безпощаднымъ приговоромъ надъ судьбами Россіи. Почему Надеждинъ отважился на такой поступокъ въ журналѣ, который давалъ убытокъ и вынуждалъ быть очень осторожнымъ? Онъ старался объяснить это потомъ желаніемъ вслѣдъ за письмомъ помѣстить его разборъ и рѣшительное возраженіе, которое выступило бы противъ всей системы воззрѣній, отразившихся въ немъ. Но журналъ выходилъ дважды послѣ появленія Чаадаевской статьи, опроверженіе же не появилось. Можетъ быть, то было отчаянное средство со стороны На-

деждина—или поднять распространеніе журнала, возбудивъ вниманіе публики произведеннымъ эффектомъ, или самому вызвать крушеніе и съ благородствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Странно также, какъ пропустилъ цензоръ Болдыревъ статью, которая своимъ появленіемъ вызвала негодованіе въ общественныхъ слояхъ, затѣмъ преслѣдованіе со стороны правительства, вызванное доносами петербургскаго митрополита Серафима и извѣстнаго впослѣдствіи автора мемуаровъ Вигеля. Мѣры были приняты жестокія противъ всѣхъ лицъ, причастныхъ къ напечатанію этого письма: авторъ былъ признанъ сумасшедшимъ, журналъ закрытъ, редакторъ его, не смотря на всѣ его заявленія, доказывавшія его благонамѣренность, былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, цензоръ смѣщенъ. Надеждинъ вернулся потомъ изъ ссылки совсѣмъ инымъ человѣкомъ: его нельзя было бы узнать въ усердномъ чиновникѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, много и полезно работавшемъ по изслѣдованію сектантства.

Бѣлинскій послѣ закрытія „Телескопа" остался безъ работы. Разгромъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, всѣ письма его, относящіяся къ этому періоду, исчезли. Члены кружка черезъ годъ послѣ катастрофы попытались основать свой органъ. Имъ удалось склонить театральнаго типографщика Степанова открыть кредитъ на изданіе журнала, выпадавшаго изъ рукъ прежняго редактора Шевырева, впослѣдствіи одного изъ рѣзкихъ противниковъ Бѣлинскаго; „Московскій Наблюдатель" сталъ органомъ Бѣлинскаго и его философствующихъ друзей.

Здѣсь началась проповѣдь гегельянства. Но несмотря на то, что во главѣ по-прежнему стоялъ Бѣлинскій, что Бакунинъ со свойственнымъ его пыломъ и энергіей началъ походъ за Гегеля, что въ „Наблюдателѣ" были напечатаны съ бакунинскимъ предисловіемъ гимназическія рѣчи Гегеля, что въ литературномъ отдѣлѣ явилось много цѣннаго (напр. пѣсни Кольцова), публика оставалась равнодушной къ журналу. При такихъ условіяхъ онъ не могъ существовать и скоро долженъ былъ закрыться.

Хотя въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ могли свободно высказываться члены кружка Станкевича, для многихъ изъ нихъ было еще далеко то время, когда они обнаружатъ свои настоящія силы и выступятъ въ рядахъ дѣятелей общественныхъ и литературныхъ. Такъ Бакунину предстоитъ многое пережить, прежде чѣмъ онъ выработается въ могучаго соціально-политическаго борца. Ихъ настоящая дѣятельность начнется только въ 40-ыхъ годахъ, когда произойдетъ разверстка, дифференціація кружковыхъ силъ на славянофиловъ и западниковъ, и члены кружка разойдутся въ разныя группы. Пока совершалось идейное выростаніе будущихъ работниковъ, пока они дружно проходили различныя стадіи философскаго развитія. Увлеченія нѣмецкой философіей переживались интенсивно всѣми товарищами, но особенно много страсти вкладывалъ въ нихъ Бѣлинскій, въ каждомъ ученіи доходившій съ безпощадной логичностью до послѣднихъ выводовъ, и такъ же страстно, какъ поклонялся, сбрасывавшій съ себя обаяніе ученія, если истина выступала для него въ другомъ; тогда, говорилъ онъ: „я сегодняшній ненавидѣлъ себя вчерашняго“.

Къ тому же періоду относится и первое проявленіе центральной силы другого кружка,—Герцена. Въ его группѣ было лишь 6—7 человѣкъ, но они были не менѣе одарены и духовно богаты, чѣмъ друзья Станкевича. Это—Огаревъ, ближайшій другъ Герцена, затѣмъ Сатинъ, переводчикъ и стихотворецъ; политикъ по натурѣ, эмигрировавшій на западъ до Герцена и Бакунина, Сазоновъ, занявшій впослѣдствіи выдающееся положеніе въ европейскихъ революціонныхъ кругахъ и радикальной журналистикѣ, написавшій въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ много статей и брошюръ; нравственно чистый и сильный Вадимъ Пассекъ, съ необыкновенно развитымъ интересомъ къ русской исторіи; гротескная фигура Кетчера съ чертами вѣчнаго студента (онъ учился въ московской медико-хирургической академіи), тѣсно сблизившагося съ кружкомъ и игравшаго не разъ важную роль въ личной жизни Герцена. Долго за нимъ числилось только имя пере-

водчика письма Чаадаева; со временемъ онъ и Боткинъ были у насъ лучшими знатоками Шекспира; Кетчеру принадлежитъ первый переводъ собранія шекспировскихъ произведеній (съ 1841 года). Ихъ всѣхъ сблизило единство занятій, все это были естественники, и центральнымъ лицомъ являлся безконечно-разнообразный по дарованіямъ, съ могучимъ вліяніемъ на умы Герценъ.

Не въ примѣръ Бѣлинскому, Герценъ въ яркомъ, живомъ разсказѣ своей великой автобіографіи самъ посвящаетъ въ ходъ своего развитія и жизненной борьбы; онъ принадлежалъ къ числу натуръ, которымъ свойственны самоанализъ, признанія, исповѣдь, которыхъ неудержимо влечетъ возвращаться къ тому, что прошло. Это было свойственно Руссо, Гете, — но „Confessions" и „Wahrheit und Dichtung" создались на исходѣ жизни, у Герцена же это стремленіе проявилось очень рано. Выражаясь его словами,—ему въ молодости довелось испытать стремленіе стариковъ собирать и освѣщать факты предшествующей своей жизни. Въ ссылкѣ, въ Вяткѣ, написаны были первые наброски автобіографическихъ повѣстей, напримѣръ, „Три встрѣчи", „Дѣтство", „I. Maestri" (Учители) и др. Во Владимірѣ, гдѣ переживалъ онъ потомъ послѣднюю, словно очистительную стадію своей ссылки, онъ приступитъ уже къ связному разсказу о прошломъ въ „Запискахъ молодого человѣка", черезъ нѣкоторое время возвратившись снова къ той же темѣ („Еще изъ записокъ молодого человѣка"). Бѣлинскій побудилъ его отдать ихъ въ „Отечественныя Записки", — съ этого момента начинается исторія автобіографической работы Герцена.

„Записки молодого человѣка" давали, въ полномъ ихъ текстѣ, описаніе дѣтства, отрочества, юности, жизнь въ Вяткѣ; только подлинныя имена замѣнены другими. Цензура почему-то особенно обрушилась на воспоминанія объ юности и университетской порѣ; они были выпущены. Герценъ, не примирившись съ этимъ, сдѣлалъ вставку, гдѣ тонкой насмѣшкой разсказалъ читателю, какъ рукопись попалась въ лапы черной quasi—датской собаки Пултуса, которая уничтожила цѣлый отдѣлъ рукописи, а между тѣмъ онъ былъ не изъ худшихъ.

Когда 17—18 лѣтъ прошло потомъ съ появленія „Записокъ", Герцена уже въ Лондонѣ снова сильно захватила мысль пересмотрѣть свою жизнь и разсказать ее сполна. Но за этотъ обширный промежутокъ времени прошла вся его литературная, научная, общественная дѣятельность въ Россіи, были пережиты 1848—49 г. въ Европѣ, совершился его переходъ отъ европеизма и увлеченій соціализмомъ къ русскому мессіанизму, настала лондонская пора, изданіе „Полярной Звѣзды", „Колокола"; тогда зародились „Былое и Думы", которыя по ширинѣ захватываемаго періода личной и общественной жизни могутъ стать наряду съ великимъ романомъ-хроникой Толстого „Война и Миръ". Съ событій 1812 г., которыя разсказаны Герценомъ со словъ другихъ, до 1870 г. собраны его воспоминанія. Когда задумывалось это значительнѣйшее изъ его произведеній, и въ Британскомъ Музеѣ онъ спросилъ „Отечественныя Записки" за 1840 годъ и перечелъ „Записки молодого человѣка",—воспоминанія о давно минувшей порѣ нахлынули широкой волной и властно повлекли его къ прежнимъ годамъ. „Былое и Думы" появлялись въ печати послѣдовательно часть за частью при жизни Герцена; не все было имъ напечатано; онъ выпустилъ ту часть, которая для него была самой главной и касалась трагедіи, пережитой имъ и женой, она осталась неопубликованной и до сихъ поръ.

Герценъ съ дѣтства обнаруживалъ большую начитанность; его страстно развившееся самообразованіе было, конечно, лишено всякой системы, онъ бралъ изъ библіотеки отца и мыслителей 18 столѣтія, и Шиллера, и Плутарха; великое впечатлѣніе производилъ Руссо. Мысли, возбуждавшіяся чтеніемъ, излагались въ статьяхъ. Такъ Т. Пассекъ, въ своихъ воспоминаніяхъ „Изъ дальнихъ лѣтъ", разсказываетъ о статьѣ, посвященной шиллеровскому „Валленштейну"; послѣ прочтенія „Разбойниковъ" Герценъ переживалъ необыкновенное увлеченіе романтической борьбой; это былъ, вспоминалъ онъ, не то республиканизмъ, не то атеизмъ, грезилась свобода отъ всякаго насилія; сильно было стремленіе пожертвовать собою за эту свободу.

Все это переживалось одиноко до встрѣчи съ другимъ

мальчикомъ, точно такъ же увлекавшимся Шиллеромъ и свободолюбивыми мечтами, — Никомъ Огаревымъ. Когда передъ Герценомъ раскрылась душа его, пылавшая одною любовью съ его душой, онъ довѣрилъ всѣ помыслы и чувства нежданно посланному другу, и на Воробьевыхъ горахъ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ когда-то заложенъ храмъ Христа Спасителя въ память войны 1812 года, два друга поклялись посвятить всю свою жизнь свободѣ и клятву сдержали до конца.

Такое настроеніе, такія мысли возбуждались и чтеніемъ, и дѣйствительностью; жизнь русская и польская содѣйствовала развитію его и укрѣпляла его въ сердцахъ юношей. Еще отрокомъ, Герценъ былъ захваченъ дѣломъ декабристовъ; пять висѣлицъ глубоко потрясли его; онъ „сочувствовалъ не той сторонѣ, гдѣ были штыки и пушки", и въ 1826 году, стоя на Дворцовой площади во время коронаціи Николая I, онъ поклялся мстить всему порядку вещей и виновнику его за совершенный разгромъ. Вліяніе польскихъ событій пришло позднѣе. Онъ былъ уже въ университетѣ, когда разыгралась польская революція 1830 г., и на него сильное впечатлѣніе произвело и само возстаніе, и еще сильнѣе подавленіе его. Эти событія, одно въ отрочествѣ, другое на рубежѣ юности, глубоко запали въ душу Герцена и подготовляли его для будущаго политическаго подвига.

Мальчикъ долго таилъ въ себѣ эти думы и настроенія; учитель его Ив. Протопоповъ сумѣлъ разгадать, что кипитъ въ умѣ ученика, отнесся сочувственно къ происходившему въ немъ процессу, и приносилъ нелегальныя стихотворенія Пушкина и другихъ поэтовъ. Такую же поддержку Герценъ встрѣтилъ и въ лицѣ другого его педагога, француза Буше, пережившаго въ Парижѣ великую революцію.

Такъ проходили дѣтскіе и отроческіе годы Герцена въ отцовскомъ домѣ.

Въ 1830 г. онъ вступилъ въ университетъ и подъ вліяніемъ двоюроднаго брата, въ ихъ семьѣ слывшаго подъ именемъ Химика, личности очень оригинальной, съ большой независимостью мысли, (Грибоѣдовъ коснулся его въ „Горѣ отъ ума"), выбралъ естественное отдѣленіе. Одновременно

съ нимъ поступилъ Огаревъ. Быстро сплотившійся кружокъ дружно работалъ вмѣстѣ; много читали, спорили, думали. Вѣсти о вспыхнувшей французской революціи, перекинувшейся и въ другія государства, сильно взволновали кружокъ. Друзьямъ казалось, что имъ выпала счастливая доля быть свидѣтелями освобожденія Европы. „Тогда", говорилъ Герценъ, „мы во все вѣрили, всѣмъ увлекались, рѣчи на митингахъ и въ парламентахъ читались нами съ благоговѣйнымъ довѣріемъ, мы не представляли себѣ оборотной стороны революціи и жили полною жизнью".

Герценъ посѣщалъ лекціи профессоровъ и другихъ факультетовъ. Павлова онъ долженъ былъ слушать, и въ „Быломъ и Думахъ" далъ его яркое изображеніе; хотя онъ не участвовалъ въ томъ кружкѣ, который собирался въ домѣ Павлова, онъ не избѣжалъ вліянія этого профессора. Онъ зналъ и Надеждина, и Малова, всѣхъ хорошихъ и дурныхъ представителей науки въ университетѣ и рѣзко обрисовалъ ихъ позднѣе въ своей хроникѣ, куда занесъ много интересныхъ моментовъ изъ университетской жизни, напримѣръ пріѣздъ Александра Гумбольдта и торжественную встрѣчу, устроенную великому ученому, съ необыкновенно напыщенными рѣчами, въ которыхъ онъ назывался „Прометеемъ нашихъ дней" и т. п.

Какъ и въ кружкѣ Станкевича, въ герценовскомъ читались и обсуждались рефераты на различныя темы, и много было незауряднаго въ этихъ юношескихъ работахъ. На одномъ изъ кружковыхъ собраній прочтена была Герценомъ дошедшая до насъ статья „28 февраля"; это — день смерти Петра Великаго. Задолго до борьбы славянофиловъ и западниковъ возникали споры о значеніи петровской реформы; въ своей статьѣ Герценъ даетъ образецъ студенческаго краснорѣчія по этому вопросу и набрасываетъ сильными штрихами личность преобразователя. Такимъ же студенческимъ рефератомъ была, быть можетъ, и его первая напечатанная въ „Телескопѣ" 1836 г. статья о Гофманѣ, которымъ въ то время очень увлекались въ Россіи, чьего вліянія не избѣгли ни Пушкинъ, ни Вл. Одоевскій, ни Лермонтовъ, ни Гоголь. Герценъ, повидимому, задумывалъ дать

цѣлый рядъ подобныхъ характеристикъ западныхъ писателей.

Для кружка Герцена самымъ характернымъ является однако увлеченіе Сенъ-Симономъ. Въ Россіи мало знали въ то время это имя. Старшему поколѣнію онъ былъ вовсе не знакомъ; во время допросовъ Герцена кн. С. М. Голицынъ никакъ не могъ отличить графа Сенъ-Симона, основателя первой школы утопическаго соціализма, отъ герцога Сенъ-Симона, автора любопытныхъ мемуаровъ; но были, конечно, и въ средѣ старшаго поколѣнія люди, интересовавшіеся его ученіемъ, такъ напримѣръ будущій декабристъ Лунинъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ сблизился съ Сенъ-Симономъ и сохранилъ о немъ лучшее впечатлѣніе. Ученіе Сенъ-Симона проникло въ Россію съ немалымъ опозданіемъ. Въ 1825 г. основатель его уже умеръ, а расцвѣтъ русскаго сенъ-симонизма относится лишь къ герценовскому времени. Группа студентовъ, окружавшая Герцена, сдѣлала его своимъ пророкомъ.

Личность и дѣятельность Сенъ-Симона необыкновенно своеобразны; временами онъ кажется эксцентричнымъ мечтателемъ; онъ не видѣлъ нужды въ насильственномъ перевороте, убѣжденный, что старый порядокъ самъ умираетъ. Онъ самъ не изложилъ въ планомѣрной системѣ своего ученія, это сдѣлали позднѣе его ученики Базаръ и Анфантенъ и, какъ это бываетъ часто, во многихъ отношеніяхъ ученики пошли дальше своего учителя; они впослѣдствіи организовали въ самомъ Парижѣ общество, которое стремилось проводить въ жизнь взгляды Сенъ-Симона.

Въ новомъ строѣ, который долженъ былъ смѣнить существующій, все должно измѣниться. Въ области науки, гдѣ онъ разграничивалъ науки объ обществѣ отъ наукъ о природѣ и указывалъ на совершенство вторыхъ по сравненію съ первыми, зависящее отъ примѣненія правильнаго метода, ему представлялось возможнымъ возникновеніе новой общественной науки, которая будетъ пользоваться естественнымъ методомъ и охватитъ всѣ знанія; онъ самъ называлъ ее „физицизмомъ“ (впослѣдствіи тотъ же принципъ былъ положенъ въ основу позитивизма продолжателемъ дѣла

Сенъ-Симона, Огюстомъ Контомъ). Основой соціальнаго строя долженъ стать принципъ ассоціаціи и забота о трудѣ. Сенъ-Симонъ былъ истиннымъ предтечею соціализма; онъ не отрицалъ собственности, но проповѣдовалъ полное равенство, признавая въ то же время, что всякому должно воздаваться по способностямъ, и по способностямъ же долженъ распредѣляться трудъ. Въ религіи Сенъ-Симонъ видѣлъ двѣ стороны, изъ которыхъ одна — догматизмъ, — уже умираетъ, отживъ свой вѣкъ, другая,—этика,—сохранится вѣчно; самъ онъ не устанавливалъ твердыхъ формъ въ этой области, но его ученики выказали въ этой части своего строительства жизни слишкомъ много рвенія и организовали настоящую церковь позитивизма.

Молодежь, окружавшая Герцена, сильно увлечена была проповѣдью разумнаго переустройства соціальныхъ отношеній, освобожденія женщины, освобожденія плоти. Увлеченіе сенъ-симонизмомъ, не выходившее, конечно, изъ области теоретическихъ разсужденій, погубило ихъ.

Хотя ученіе Сенъ-Симона было еще мало распространено въ Россіи и не представляло опасности, все же молва прошла о группѣ студентовъ, которая втайнѣ отдается изученію вопросовъ соціализма; за ними былъ учрежденъ надзоръ. Немногаго потребовалось для ареста всей группы. Полиція воспользовалась случаемъ, когда на студенческой пирушкѣ пѣли политически вольныя пѣсни, полныя насмѣшекъ надъ высшей властью, всѣ участники были захвачены. На ней вовсе не было ни Герцена, ни Огарева, но ихъ считали главарями кружка, и они вслѣдъ затѣмъ были также арестованы, причемъ имъ вмѣнялось прежде всего мнимое участіе въ этомъ сборищѣ.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ полицейской части Герценъ былъ переведенъ въ Крутицкія казармы, превращенныя въ политическую тюрьму. Девять мѣсяцевъ провелъ онъ тамъ; съ момента заключенія начинается для него новый періодъ жизни, составившій въ „Быломъ и Думахъ" одинъ изъ выдающихся отдѣловъ, „Тюрьму и ссылку". Четыре съ половиною года тянулся онъ и оказалъ вліяніе на его духовное развитіе. Онъ былъ для юноши, только собиравша-

гося жить, полнаго думъ и разнообразныхъ чаяній, великимъ искусомъ, школой жизни, подготовкою къ призванію просвѣтителя и общественнаго дѣятеля. Автобіографія Герцена пересказала и охарактеризовала многое изъ пережитаго и испытаннаго въ тѣ годы. Въ наше время свѣдѣнія объ нихъ еще богаче. Такъ мы располагаемъ различными литературными произведеніями Герцена изъ времени ссылки, считавшимися навсегда потерянными; издана (занявшая цѣлый томъ русскаго изданія сочиненій) необыкновенно содержательная переписка его съ невѣстой, Наташей Захарьиной и т. д.

Для Герцена внезапно настала коренная ломка жизни; онъ не сдавался, ни разу во время заключенія не выказалъ раскаянія, какъ это испыталъ даже Радищевъ (конечно, несравненно болѣе пострадавшій), когда онъ, измученный допросами „съ пристрастіемъ", лепеталъ „коснѣющимъ языкомъ" отреченіе отъ своихъ идей и признавалъ свою виновность, взявъ, конечно, потомъ назадъ все это покаяніе и ни въ чемъ не измѣнивъ убѣжденій; Герценъ такихъ минутъ упадка духовныхъ силъ не испыталъ. Одно сближаетъ его съ Радищевымъ-узникомъ, — не склонные къ мистицизму, они поддались ему въ заключеніи, и оба ихъ тюремныя произведенія странно выдѣляются изъ ихъ писательской дѣятельности. Радищевъ, воспитанный на идеяхъ французскихъ философовъ 18 вѣка, пишетъ повѣсть „О Филаретѣ милостивомъ", Герценъ, сенъ-симонистъ, естественникъ, обращается къ житіямъ святыхъ, и у него слагается „Легенда о святой Ѳеодорѣ".

Этою волною религіозности, своеобразнаго соединенія своихъ старыхъ идей съ новыми для него, христіанскими, налетомъ мистицизма, въ которыхъ онъ, казалось, найдетъ опору въ своемъ одиночествѣ, духовную поддержку и утѣшеніе, онъ былъ обязанъ своему новому другу, Наташѣ Захарьиной. Близкіе родственники, они знали другъ друга, но только наканунѣ ареста передъ Герценомъ раскрылась вся духовная красота дѣвушки, онъ впервые вглядѣлся въ нее и былъ захваченъ ею, когда послѣ ареста Огарева, взволнованный и опечаленный, онъ встрѣтилъ ее на клад-

бицѣ, и она утѣшала его, заговоривъ съ нимъ въ мистическомъ, ей свойственномъ тонѣ, который сильно подѣйствовалъ на него.

Начиная съ того дня она становится словно ангеломъ-утѣшителемъ Герцена; куда бы ни закинула его судьба, ея горячее слово, полное беззавѣтной привязанности, и вѣры въ него, охраняетъ и ведетъ его. Ея письма открываютъвъ ней не развившійся вполнѣ, своеобразный писательскій талантъ; всегда нѣсколько экзальтированныя, они богаты внутреннимъ содержаніемъ и образами, дышатъ необыкновенной искренностью. Дѣвушка, воспитывавшаяся въ немаломъ угнетеніи у старой родственницы кн. Хованской, была лишена любви и ласки, которой жаждала ея нѣжная, тонкая натура; отношенія къ духовнику, пожалѣвшему ее искренно, сыграли роль въ ея развитіи; онъ сумѣлъ развернуть передъ нею иной міръ, и она ушла въ него, находя въ мистицизмѣ утѣшеніе въ горестяхъ. Но дѣвическія мечты и грезы сосредоточиваются на образѣ двоюроднаго брата; отъ участія она перешла къ восхищенью, любви, культу; она чувствуетъ въ немъ силы необъятныя, грезитъ для него о великой будущности. Съ начала ссылки до тѣхъ счастливыхъ дней, когда во Владимірѣ они соединились, письма, проникнутыя такимъ настроеніемъ, летѣли къ Герцену, непрерывно направляя къ нему токъ мистицизма.

„Легенда о святой Ѳеодорѣ“, написанная подъ вліяніемъ этого настроенія, типична для пережитого момента въ жизни Герцена. Вступленіе — отрывокъ изъ подлинныхъ его переживаній; оно переноситъ къ тюрьмѣ на окраину Москвы, въ Крутицы, на горѣ напротивъ Симонова моностыря, откуда доносится мелодичный, грустный звонъ колоколовъ.

Во время вечерней прогулки арестанта по двору тюрьмы, караульный офицеръ разрѣшилъ узнику подняться на обрѣзъ горы, откуда открывается просторъ, одинъ изъ наиболѣе красивыхъ видовъ на Москву; съ другой стороны высятся башни и колокольни монастыря. Герцена охватываетъ умиротворяющая красота гаснущаго дня, раскинувшаяся передъ нимъ панорама громаднаго города, окутанная золотистою дымкой, подъ обрывомъ рѣка съ отраженіемъ пылаю-

щаго неба въ ея водахъ; тихій благовѣстъ зоветъ его обернуться, и онъ видитъ освѣщенныя послѣдними лучами бѣлыя стѣны монастыря; ему вспоминается рано унесенный изъ жизни поэтъ Веневитиновъ, покоющійся за этими стѣнами, на могильномъ камнѣ котораго высѣчены слова: „Какъ зналъ онъ жизнь! какъ мало жилъ!“, и мысль, смягченная красотою сливавшихся въ одну симфонію красокъ и звуковъ, уносится къ давно протекшимъ вѣкамъ. Прочтенныя Четьи-Минеи навѣваютъ воспоминанія о первыхъ подвижникахъ христіанства, но не суровые аскеты представляются его грезамъ, а самоотверженные подвижники; и захотѣлось ему пересказать поразившую его жизнь святой Θеодоры,—мученицы идеи, отдавшейся служенію людямъ и высшему милосердію. Никогда онъ не вернется къ подобнымъ темамъ, но мистицизмъ, проснувшійся въ душѣ и побудившій его къ созданію этой легенды, еще долго не изгладится.

Герценъ былъ назначенъ въ ссылку въ Пермь; послѣ девятимѣсячнаго заключенія въ сопровожденіи жандарма покинулъ онъ Москву, едва начавшій проявлять себя, таившій въ себѣ бездну возможностей. Путешествіе длилось долго, было полно разнообразныхъ приключеній, подчасъ опасныхъ; на Волгѣ во время ледохода Герценъ едва не погибъ; все миновало, и онъ очутился въ Перми. Черезъ нѣсколько дней этотъ городъ замѣнили для него Вяткой; онъ снова въ пути. Остановка въ Перми не прошла для него безслѣдно. Здѣсь была первая изъ тѣхъ „Трехъ встрѣчъ“ (которыя составили вскорѣ небольшой циклъ его автобіографическихъ очерковъ),—съ Цѣхановичемъ, ссыльнымъ полякомъ, мужественно переносившимъ свою долю; одинъ изъ рядовыхъ дѣятелей польской революціи, онъ все же привлекъ къ себѣ сочувствіе Герцена необычайной душевной силой; врѣзавшійся въ память образъ его обрисованъ живыми красками; невольно сопоставляешь характеристику его личности съ прекраснымъ некрологомъ другой встрѣтившейся Герцену уже въ лондонскій періодъ,—украшенія польской эмиграціи, Станислава Ворцеля, главнаго пособника Герцена въ основаніи Вольной Русской печатни, оставившаго этимъ глубокій слѣдъ въ великой публицистической дѣятельности Гер-

цена. Страницы, посвященныя имъ смерти Ворцеля, полныя воспоминаній о величавой этой личности, — однѣ изъ лучшихъ въ „Быломъ и Думахъ“. Оба образа указываютъ на связь Герцена съ польскимъ освободительнымъ движеніемъ, которая началась рано и никогда не обрывалась.

Вятская жизнь Герцена представляетъ собою сложное сочетаніе разнообразныхъ настроеній, думъ, впечатлѣній, увлеченій, ошибокъ. Умственное развитіе его интенсивно расширилось. Обширныя чтенія и изученія русской, и западной литературы, въ связи съ научными интересами (насколько можно было въ данныхъ условіяхъ удовлетворять ихъ) поддерживали его. Страстная, увлекающаяся натура отклоняла его порою отъ большой умственной работы.

„Былое и Думы“ воспроизводятъ пережитый имъ, полный драматизма, эпизодъ жизни чувства; героиня его обозначена буквой „Р“, подлинная фамилія ея Медвѣдева. Натура незаурядная, съ глубокой душой, она томилась въ супружествѣ съ больнымъ старикомъ; въ ея тяжелой однообразной жизни встрѣча съ блестящей личностью Герцена не могла пройти безслѣдно. Увлеченіе было взаимное. Но Герценомъ все сильнѣе стало овладѣвать обаяніе дѣвушки, славшей ему изъ Москвы свои вдохновенныя письма; для Медвѣдевой же страсть стала роковою и угасла лишь съ ея жизнью. Положеніе осложнилось смертью ея мужа. Ей казалось, что теперь ничто не помѣшаетъ соединиться съ любимымъ человѣкомъ, а его мысли были заняты. Не въ силахъ тянуть обманъ, Герценъ написалъ Медвѣдевой письмо, гдѣ признавался въ своемъ чувствѣ къ Наташѣ. Узнавъ жестокую правду, Медвѣдева затаила свое горе и молчаливо понесла свой крестъ. Позднѣе она даже вошла въ сношенія съ Наташей; ни одного горькаго слова не сорвалось у нея по отношенію къ счастливой соперницѣ. Она доживала одиноко, печально свою жизнь. Герценъ болѣлъ за нее душой, заботился о ея матеріальной поддержкѣ. Послѣдніе дни свои она провела въ Москвѣ; когда она умерла, старшій братъ Герцена (онъ самъ былъ уже за-границей) похоронилъ ее въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Пережитое увлеченіе отразилось въ герценовскомъ творчествѣ; онъ говоритъ въ автобіографіи, что ему тогда же захотѣлось „цвѣтами забросать одинъ печальный образъ“. Онъ сдѣлалъ это въ повѣсти „Тамъ“! (въ Вяткѣ, конечно). Она считалась утерянной; Ивановъ-Разумникъ нашелъ ея списокъ съ котораго она напечатана была въ „Русскомъ Богатствѣ“. Дѣйствіе повѣсти отнесено Герценомъ въ конецъ 18 столѣтія; Наташа является женой князя, героя повѣсти; драма разыгрывается въ тонахъ близкихъ къ дѣйствительности; обѣ женщины также узнаютъ другъ друга; князь кончаетъ сумасшествіемъ; Герценъ точно предугадалъ, похоронивъ свою героиню на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, куда потомъ пріѣзжаетъ жена князя, чтобы плакать и молиться на ея могилѣ.

Въ произведеніяхъ вятскаго періода много отраженій служебныхъ и общественныхъ его отношеній, наблюденій и опытовъ. Служба сначала чрезвычайно тяготила его; приходилось близко сталкиваться съ губернаторомъ Тюфяевымъ, изъ аракчеевской школы, отталкивающею личностью, которую Герценъ прозвалъ „Калибаномъ — гіеной“, обозначая этимъ и его грубую, животную натуру, и свойства хищника и чувственника; враждебный и язвительный къ Герцену сначала, онъ впослѣдствіи смягчился, научившись цѣнить въ молодомъ чиновникѣ способность выполнять работы новаго типа (связанныя напримѣръ съ устройствомъ въ губерніяхъ статистическихъ комитетовъ), которыхъ стали требовать изъ Петербурга, тогда какъ онѣ были не подъ силу обычной чиновничьей братіи.

Пребываніе въ Вяткѣ скрашивалось для Герцена только присутствіемъ такого же, какъ онъ, ссыльнаго, Витберга, необыкновенно талантливаго художника-архитектора, призваннаго, казалось, къ большой дѣятельности и славѣ, но насильно и несправедливо выброшеннаго изъ жизни и позорно заклейменнаго. Его грандіозный замыселъ храма Христа Спасителя, на Воробьевыхъ горахъ, въ три яруса, уходившій отъ рѣки къ небесамъ, полный глубокаго символизма, восхитилъ Александра I. Начаты были большія подготовленія къ его постройкѣ, но злыя козни обвинили высоко честнаго,

прямодушнаго Витберга въ корыстномъ отношеніи къ дѣлу, чуть не въ казнокрадствѣ, онъ былъ отправленъ въ ссылку, храмъ остался недостроеннымъ. Когда Герценъ явился въ Вятку, Витбергъ встрѣтилъ его съ великимъ участіемъ, понялъ его душевное состояніе, не оставлялъ своими заботами до переѣзда во Владиміръ, поддерживалъ съ нимъ интимную переписку. Въ лицѣ его судьба свела Герцена съ истиннымъ мистикомъ, еще глубже выстрадавшимъ свое міросозерцаніе, чѣмъ Наташа; подъ вліяніемъ обоихъ онъ не могъ не проникнуться подобнымъ же настроеніемъ. Но земная натура взяла верхъ надъ извнѣ пришедшимъ. Онъ говорилъ о себѣ, что прикованъ къ землѣ и неспособенъ уноситься въ небеса, что изъ мистицизма онъ вышелъ не въ церковь, а въ революцію. Съ духовной поддержкой Наташи и Витберга былъ пережитъ вятскій періодъ. Въ письмахъ къ невѣстѣ Герценъ называлъ ее своимъ добрымъ геніемъ, сравнивалъ съ Беатриче, тогда какъ Витбергъ былъ его Виргиліемъ, его спутникомъ, путеводителемъ по аду.

Періодъ ссылки поражаетъ большою писательской работой, которая никогда съ такой интенсивностью у него не повторится. Многое изъ написаннаго тогда утрачено. Такова повѣсть „Его Превосходительство“, гдѣ онъ изобразилъ Тюфяева, преслѣдовавшаго своими ухаживаніями Медвѣдеву послѣ смерти ея мужа, или очеркъ „I Maestri“ (учителя, наставники), сгруппировавшій людей старшаго поколѣнія, встрѣчавшихся на его жизненномъ пути, Дмитріева, Витберга, Жуковскаго; съ послѣднимъ связано было улучшеніе участи Герцена. Въ 1837 г., сопровождая наслѣдника въ путешествіи по Россіи и ближней Сибири, онъ встрѣтилъ въ Вяткѣ Герцена, въ его работахъ по статистикѣ, устройству мѣстной выставки и т. д., былъ пораженъ, среди глухой и заурядной обстановки его умомъ, развитіемъ, выдающимися способностями, и при помощи великаго князя выхлопоталъ смягченіе его участи; въ 1838 г. Герценъ былъ переведенъ во Владиміръ. Затѣмъ въ Вяткѣ была написана „Вторая встрѣча“, гдѣ въ лицѣ „германскаго путешественника“ очерченъ Чаадаевъ, выведенный позднѣе и въ „Запискахъ молодого человѣка“ подъ именемъ Трензинскаго. Мистическое на-

строеніе сказалось на многихъ произведеніяхъ; въ гофма-новскихъ тонахъ написана была повѣсть „Студентъ"; аллегорическая „Фантазія" разсказывала о появленіи на свѣтъ чудной дѣвичьей души, которая станетъ его руководительницей; замышлялась религіозная аллегорія „Паденіе Люцифера", поэма „Даніилъ во рву львиномъ". Здѣсь же создались и двѣ драмы Герцена въ стихахъ, „Лициній" и „Вильямъ Пеннъ", безжалостно осужденныя потомъ Бѣлинскимъ за ихъ „рубленую прозу". Герценъ считалъ ихъ окончательно потерянными и напечаталъ въ Лондонѣ только сценаріи ихъ, но въ наше время Ивановъ-Разумникъ разыскалъ самыя драмы. Безспорно, онѣ слабы, какъ поэтическія произведенія, но цѣнны своей идеей, къ которой Герценъ возвращался не разъ,—столкновеніе двухъ міровъ, борьба между отжившимъ и нарождающимся. Въ „Лициніѣ" это—столкновеніе стараго языческаго міра съ христіанствомъ, какъ проповѣдью равенства, братства и человѣчности. Въ эту драму введенъ даже элементъ чудеснаго; апостолъ Павелъ воскрешаетъ умершаго Лицинія, и юноша возвращается къ жизни, прозрѣвъ, является просвѣтленнымъ человѣкомъ, апостоломъ братолюбиваго и гуманнаго христіанства. Содержаніе „Вильяма Пенна" взято изъ эпохи иной борьбы, вызванной могучей проповѣдью просвѣтительства и идей французской революціи. Пеннъ стремится осуществить на дѣвственной почвѣ Америки идеалъ братской общины, въ Новомъ Свѣтѣ основать новую жизнь, такимъ образомъ являясь, какъ Лициній, глашатаемъ перелома и обновленія. Въ эпилогѣ Герценъ соединяетъ на могилѣ Пенна трехъ путниковъ; это три гражданина, олицетворяющіе новый строй жизни,—Вашингтонъ, Франклинъ, и Лафайеттъ. Тема борьбы міровъ была дорога душѣ Герцена; оттого много лѣтъ спустя онъ вернулся къ сценаріямъ и перепечаталъ ихъ наравнѣ съ лучшими, зрѣлыми произведеніями. Но, вѣрно замѣчаетъ Ивановъ-Разумникъ, развѣ нельзя найти у Герцена и третью пьесу, на ту же тему?—только она была не написана, а пережита, и въ ней онъ самъ былъ провозвѣстникомъ новой грядущей жизни съ своей проповѣдью „русскаго соціализма".

Формѣ всѣхъ этихъ произведеній, конечно, еще далеко

до того удивительнаго слога, о которомъ Тургеневъ выра-жался, что онъ „горитъ и жжетъ“, что Герценъ пишетъ „кровью сердца“,—но проблески уже видны и въ тотъ пе-ріодъ; ихъ много въ изобразившихъ наряду съ ранней порої и весь вятскій періодъ „Запискахъ молодого человѣка“, на-писанныхъ впрочемъ уже во Владимірѣ. Герцену казалосі позднѣе, что тамъ же созданы и его драмы; теперь дока-зано, что онѣ возникли въ Вяткѣ.

Наступила пора разставанья съ Вяткой; во Владимірѣ насталъ для него послѣдній искусъ, переходный, очисти-тельный періодъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ личной его жизни романтическій, счастливый. Тайно пробирался онъ дважды въ Москву для свиданія съ любимой дѣвушкой. Съ помощью стараго друга Кетчера совершилось романическое похище-ніе Наташи; во Владимірѣ съ разрѣшенія добродушнаго архіерея, бывшаго когда-то гусаромъ, сыграна свадьба. На-ступили ясные дни. Пріѣзжавшіе изъ Москвы друзья созда-вали полную иллюзію былого кружка, съ которымъ начата была жизнь.

Наконецъ съ Герцена былъ снятъ секретный надзоръ онъ получилъ свободу передвиженій и не только вернулся въ Москву, но даже проникнулъ въ Петербургъ, гдѣ передъ нимъ какъ-будто открывалась возможность дѣятельности. Н все внезапно измѣнилось, послѣ того какъ во вскрытомъ на почтѣ письмѣ Герцена къ отцу найдено было сообщені объ убійствѣ, совершенномъ однимъ городовымъ въ Петер-бургѣ,—фактѣ замалчивавшемся. Настала новая ссылка, въ Новгородъ, куда его отправили на службу въ губернско правленіе. Эта ссылка была, можетъ быть, еще тяжелѣ вятской, потому что отношенія съ сослуживцами были на-тянутыя; около не было духовно-близкаго человѣка. Къ счастью, этотъ періодъ былъ совсѣмъ недологъ; явилась возможность выйти въ отставку, и Герценъ очутился опять въ Москвѣ, въ прежней своей средѣ. И съ этого оконча-тельнаго возвращенія въ ряды жизни начинается блестящій необыкновенно интенсивный и разнообразный по возбужде-ніямъ, интересамъ и вліянію на общество „русскій“ періодъ его художественной, публицистической и научно-популярної

дѣятельности, открывающiйся „Записками молодого человѣка“, приступомъ къ роману „Кто виноватъ“, статьей „По поводу одной драмы“ и т. д.

Мы прослѣдили начальный періодъ развитія дѣятельности четырехъ выдающихся представителей наставшаго новаго періода въ литературѣ и общественности,—Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго и Герцена,—до конца тридцатыхъ годовъ. Они стали свидѣтелями гибели великаго своего учителя и преемниками его. Недавняя превосходная работа Щеголева, одного изъ лучшихъ знатковъ личности и творчества Пушкина, „Дуэль и смерть Пушкина“ (въ академическомъ изданіи „Пушкинъ и его современники“) вскрыла наконецъ послѣднюю главу жизни поэта, дала правдивую исторію его гибели, опираясь на русскіе и иностранные источники, устранила неясность по отношенію къ послѣднимъ событіямъ въ жизни Пушкина, державшуюся долго, благодаря массѣ легендъ, гаданій, застарѣлыхъ выдумокъ.

Послѣ того какъ въ 1831 г. Пушкинъ привезъ въ Петербургъ девятнадцатилѣтнюю красавицу—жену, послѣ непродолжительнаго, безоблачнаго медоваго мѣсяца идиллическаго счастья, въ семейной его жизни насталъ долгій мартирологъ. Слишкомъ неподходящія натуры были у супруговъ. Наталья Гончарова была духовно ничтожна; высокій духовный подъемъ, свойственный ея мужу, былъ ей рѣшительно чуждъ. Въ продолженіе всей совмѣстной жизни она являлась безучастной свидѣтельницей его идейной работы и творчества. Ординарная, поверхностная, она не посвящена была ни во что завѣтное для него, онъ не искалъ ея мнѣнія о своихъ твореніяхъ. Она являлась для Пушкина не товарищемъ, близкимъ душѣ его, а дорогой, красивой игрушкой, подобранной на жизненномъ пути. Когда его не стало, она, переждавъ требуемый приличіями срокъ траура, вышла замужъ за кавалергарда Ланского,—сдѣлала то, что ей собственно и нужно было, и во второмъ бракѣ была безмятежно счастлива. Родители ея лучше поэта сознавали несоотвѣтствіе его съ ихъ дочерью и долго противились

свадьбѣ; впрочемъ ихъ, главнымъ образомъ, удерживала боязнь выдать очень юную дѣвушку за пожившаго уже, утомленнаго жизнью человѣка.

Судьба, похожая на жизнь великаго англійскаго поэта,— Байрона; параллель можно провести дальше и глубже. Правда, лэди Байронъ была далеко не такъ обаятельна, какъ Н. Н. Пушкина; она обладала не малымъ умомъ, но прозвище „принцесса параллелограммовъ“ говоритъ о ея педантизмѣ, сухости, религіозной и нравственной нетерпимости. Общественная масса, вѣрнѣе, такъ называемый свѣтъ, предавался мщенію за талантъ, геній, свободный путь, какимъ шли оба они; страданія брачной жизни ихъ стали предлогомъ для этого мщенія; всѣ считали себя въ правѣ вторгаться въ завѣтную область. Байронъ вырвался изъ неволи, порвалъ съ нетерпимымъ лицемѣрнымъ англійскимъ обществомъ; Пушкинъ былъ замученъ до конца.

Сколько дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи, выпавшей на долю Пушкина! Какое разнообразіе характеровъ! Ихъ открываютъ собой Николай, голландскій посланникъ Геккеренъ, и молодой эльзасецъ Дантесъ, съ которымъ Геккеренъ встрѣтился во время путешествія по Германіи, и такъ привязался къ нему, что усыновилъ его. Обоимъ, сыгравшимъ рѣшающую роль въ драмѣ Пушкина, иностранцамъ чужды были какія-либо соображенія о славѣ русской литературы, ничто не связывало ихъ съ Пушкинымъ, въ которомъ они видѣли только пожилого мужа ослѣпительной красавицы. Цѣлое скопище враговъ Пушкина гнѣздилось въ камарильѣ, аристократической и чиновной, группировавшейся у трона и ненавидѣвшей поэта за самостоятельность, сохранявшуюся въ немъ и подъ веригами, наложенными придворной жизнью,— ихъ заклеймилъ Лермонтовъ въ своемъ стихотвореніи „На смерть поэта“, бросивъ имъ въ лицо проклятіе за то, что считая себя защищенными близостью къ трону, они безнаказанно отравляли жизнь Пушкина. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ долженъ стоять Бенкендорфъ, словно считавшій себя призваннымъ постоянно и неукоснительно обуздывать поэта. Были и прямые мстители въ родѣ Уварова (впослѣдствіи творца трехчленной формулы николаевскаго режима),

который не могъ простить Пушкину язвительной сатиры на его пронырливые замыслы въ стихотвореніи „На выздоровленіе Лукулла“. Даже послѣ смерти поэта онъ мстилъ ему, стараясь остановить потокъ сочувствія, прорвавшійся въ обществѣ.

Много было и женщинъ среди дѣйствующихъ лицъ; онѣ помогали сближенію влюбленныхъ, просто сводили ихъ. Послѣднее, вызвавшее развязку конфликта, свиданіе въ кавалергардскихъ казармахъ (квартирѣ подруги Натальи Николаевны, Полетики) не состоялось бы, если бы молодую женщину не склоняли къ нему добрые друзья, если бы ее не звали на этотъ шагъ.

Изъ числа людей, не участвовавшихъ въ камарильѣ, нашлось немало лицъ, которыя изъ любви къ темнымъ потѣхамъ сплетенъ и доносовъ, также влекли поэта къ гибели, раздражая его подметными письмами. Такъ ему былъ присланъ дипломъ на званіе члена общества рогоносцевъ за подписью наиболѣе крупныхъ членовъ.

Слишкомъ много участниковъ было въ злонамѣренномъ дѣлѣ, чтобы оно не разгорѣлось въ пламя, жертвою котораго палъ поэтъ...

Сближенію Дантеса съ женою Пушкина помогало то, что онъ, какъ сынъ иностраннаго дипломата и принятый по особой милости царя въ гвардію, появлялся въ томъ же придворномъ кругу, гдѣ блистала она. Онъ произвелъ на Наталью Николаевну сильное впечатлѣніе съ первой же встрѣчи своею выдающейся красотой. Въ кругахъ свѣта и двора, съ злорадствомъ отгадавъ зарожденіе драмы въ брачной жизни Пушкина, внимательно слѣдили за каждымъ шагомъ. Стоустая молва ликовала.

Роль Геккерена возмущала даже Николая I. Въ письмѣ къ Михаилу Павловичу характеризуя положеніе дѣлъ, онъ опредѣленно высказывалъ мысль, что не обойдется безъ дуэли; онъ видѣлъ и понималъ это, предчувствуя исходъ, но при всѣхъ своихъ притязаніяхъ на всемогущество ни въ чемъ не захотѣлъ препятствовать, предпочитая не только невмѣшательство, но, можно сказать прямо, попустительство. Любовался развитіемъ злого дѣла и Бенкендорфъ, радуясь,

что настаетъ возмездіе вольнодумному, непріятному ему поэту, котораго онъ считалъ неисправимымъ безбожникомъ и развратникомъ.

Эта пора, неспокойная и тяжелая для Пушкина—человѣка была дѣятельнымъ временемъ для него, какъ поэта. Какъ разъ тогда создавались его одноактныя драмы „Пиръ во время чумы", „Моцартъ и Сальери", „Скупой рыцарь", „Каменный гость", „Русалка", заканчивался „Евгеній Онѣгинъ" появился „Мѣдный всадникъ", „Пѣсни западныхъ славянъ" было написано много глубокихъ лирическихъ произведеній Пушкинъ какъ-бы молодѣлъ отъ сознанія солидарности с новыми силами литературы и общества; онъ оживляется ему хочется объединить эти силы, и онъ задумываетъ изданіе журнала, въ который стремится привлечь и Гоголя, Вл. Одоевскаго, даже Бѣлинскаго. Этотъ журналъ, „Современникъ", могъ осуществиться лишь въ 1836 году.

Общеніе съ „молодымъ незнакомымъ племенемъ" возбуждало его духъ, въ то время какъ семейныя дѣла угнетали и мучили. Онъ чувствовалъ, что добромъ не кончитс дѣло, что тучи сгущаются все сильнѣе, и его горячая натура ускоряла то, что должно было произойти; сказывалос африканское происхожденіе.

Развязка трагедіи наступала въ два пріема. Когда Пушкинъ, терявшій власть надъ собою и не желавшій больш сдерживаться, послалъ въ ноябрѣ 1836 г. вызовъ Дантесу онъ попалъ въ руки Геккерена, крайне взволнованнаго Друзья Пушкина, узнавъ о грозящей поэту опасности, с своей стороны пытались мирно ликвидировать ссору. Найденъ былъ неожиданный выходъ или, по крайней мѣрѣ обходъ опасности: Дантесъ сдѣлалъ предложеніе сестрѣ Пушкиной,—Екатеринѣ Гончаровой. Не безъ основанія думали что этотъ шагъ можетъ остановить Пушкина. Онъ взял свой вызовъ обратно; примиреніе съ Дантесомъ было для него, конечно, невозможно; онъ требовалъ перерыва сношеній Натальи Николаевны съ сестрой и зятемъ; вмѣсто этого ему пришлось быть свидѣтелемъ совсѣмъ иного.

Молодая женщина въ безразсудномъ увлеченіи неслас къ пропасти, какъ мчится мотылекъ къ пламени, котор

спалить его. Она продолжала свою недвусмысленную игру. Родство позволяло ей теперь видѣться съ Дантесомъ еще чаще. Какъ только начались выѣзды и встрѣчи ихъ въ свѣтѣ, Дантесъ возобновилъ настойчивое ухаживаніе даже на глазахъ у своей жены.

Продолжали донимать и подметныя письма. Кто писалъ ихъ? Пушкинъ и Николай склонны были думать на Геккерена; трудно рѣшить этотъ вопросъ окончательно; и тогда уже называли еще нѣсколько именъ.

Какъ бы то ни было, тревога вспыхнула снова, нависла грозовая туча; снова друзья поэта, особенно Жуковскій, употребляли всѣ усилія, чтобы отвести бѣду, но настала пора, когда никакіе совѣты не могли помочь, когда ничто не въ силахъ было сдержать Пушкина. Послѣдовалъ второй, окончательный вызовъ; Пушкинъ, боясь новаго вмѣшательства друзей, настаивалъ на скорѣйшей встрѣчѣ съ врагомъ. На слѣдующій же день была назначена дуэль. Секундантами были Данзасъ со стороны Пушкина, его старшій лицейскій товарищъ, случайно попавшійся на дорогѣ поэту, и французскій дипломатъ д'Аршіакъ со стороны Дантеса. Въ свѣтскомъ обществѣ знали о предстоящей дуэли, но никто не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки, чтобы воспрепятствовать нелѣпому возстановленію чести посредствомъ убійства. Напротивъ съ ликованіемъ ждали развязки.

Пушкинъ и Дантесъ сошлись на Черной рѣчкѣ подъ Петербургомъ. Первымъ же выстрѣломъ Дантеса поэтъ былъ тяжело раненъ и самъ стрѣлялъ въ противника, уже поддерживаемый секундантомъ.

Доставленный съ мѣста дуэли къ себѣ домой, Пушкинъ вынесъ сутки мучительныхъ страданій. Въ эти послѣднія сутки точно прорвалась пелена, отдѣлявшая его отъ общества, и вырвались наружу вся любовь, преданность, жалость къ нему и возмущеніе противъ его враговъ; болѣе десяти тысячъ человѣкъ приходили узнавать о состояніи его здоровья, и всѣмъ было ясно попустительство по отношенію къ нему,—попустительство, приведшее къ гибели великаго поэта, по мнѣнію всей культурной Россіи, по мнѣнію же враговъ, къ избавленію Россіи отъ нежелательнаго, нена-

дежнаго человѣка. Эти люди не успокоились, когда его не стало, — исторія его похоронъ была продолженіемъ того же преслѣдованія. Подлинные документы современниковъ, раскрывъ всю правду, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушили легенду, которую зачѣмъ-то понадобилось создать Жуковскому объ отношеніяхъ Николая къ умирающему поэту и о его заботахъ объ осиротѣвшей семьѣ.

Въ пространномъ письмѣ къ отцу поэта онъ описывалъ „милости“ императора къ умирающему, но сохранившіяся редакціи этого письма показываютъ, какъ нарождалась и выростала легенда объ участіи и милостяхъ. Жуковскій внушалъ Николаю тѣ поступки, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду или придавалъ своеобразное освѣщеніе, мѣнявшее характеръ совершавшагося. Такъ подъ перомъ Жуковскаго обратился въ трогательную заботу о духовномъ мирѣ, о безпечной кончинѣ какой-то унизительный торгъ съ умирающимъ поэтомъ. „Призови священника, покайся, и я позабочусь о твоей семьѣ“, такъ заявлялъ Николай Пушкину; покаяніе было поставлено условіемъ, безъ котораго не были бы оказаны „милости“, такъ восхваляемыя Жуковскимъ.

Николай былъ далекъ отъ пониманія смерти Пушкина, какъ національнаго несчастія; Жуковскому приходилось втолковывать ему это. Онъ молилъ императора о позволеніи собрать всѣ оставшіяся бумаги поэта, издать его произведенія съ тѣмъ, чтобы этимъ помочь его семьѣ. Послѣднее было разрѣшено съ оговоркой, чтобы „строжайшимъ образомъ были пересмотрѣны всѣ неизвѣстныя произведенія, которыя могутъ оказаться“. Личность Пушкина могла привлекать къ себѣ Николая; онъ могъ желать, въ видѣ украшенія своего царствованія, имѣть въ лицѣ поэта своего барда, но въ то же время онъ не переставалъ считать его нераскаяннымъ вольнодумцемъ, и, конечно, очень изумился бы, еслибъ ему опредѣленно выставили Пушкина, какъ главу русской поэзіи,—какъ въ свое время изумился Людовикъ XIV, когда Буало въ отвѣтъ на вопросъ, кто въ данное время лучшій французскій писатель, назвалъ Мольера. Николай, несмотря на свое слабое развитіе, не могъ не ви-

дѣть въ поэтѣ большой художественной силы, но никогда не забывалъ, что она неблагонадежная, не понималъ сущности его и все хотѣлъ примучить его къ своему порядку.

Правительство не могло отнестись спокойно къ тому, что внезапно разыгралось въ послѣдній день жизни поэта. Если необозримое множество людей, потрясенное вѣстью о смертельной опасности поэта, перебывало у жилища его на набережной Мойки, небывалое и непріятное чествованіе писателя словно предвѣщало тогда народныя тризны, превращавшіяся впослѣдствіи въ грандіозныя манифестаціи на похоронахъ Гоголя, Достоевскаго, Тургенева. Движеніе, имѣвшее очевидный характеръ протеста, вызова, шло изъ общественныхъ рядовъ, и въ этомъ усмотрѣли большую опасность. Кто знаетъ, что можетъ произойти въ день похоронъ? Предполагалось прямо существованіе заговора. Похороны Пушкина могли превратиться въ демонстрацію; заподозрѣны были намѣренія молодежи, которая можетъ вздумать нести гробъ Пушкина на рукахъ, опасными казались и намѣренія друзей поэта, которые, разумѣется, домогались иныхъ похоронъ. Нашлись люди, выдвинувшіе опасеніе, что могутъ мстительно разыграться народныя страсти; убійца — иностранецъ, сынъ посла; возбужденная агитаторами толпа можетъ безразсудно мстить представителямъ иностранныхъ державъ; у всѣхъ въ памяти было жестокое убійство Грибоѣдова и всего посольскаго состава въ Персіи.

Руководясь всѣми этими мотивами, правительство рѣшило не допускать открытыхъ, общественныхъ похоронъ Пушкина, и распорядиться о тайномъ вывозѣ тѣла въ Святогорскій монастырь, близъ Михайловскаго. Церковь, назначенная для отпѣванія, была замѣнена другою во избѣжаніе слишкомъ большого скопленія народа. Никто, кромѣ близкихъ друзей, не допущенъ былъ въ квартиру покойнаго при выносѣ, присутствовали только десять человѣкъ. Поздно вечеромъ гробъ вынесли, причемъ сопровождающіе были оцѣплены жандармами; строгія полицейскія мѣры были приняты всюду въ теченіе послѣднихъ сутокъ. Уваровъ объявилъ, что въ день отпѣванія онъ будетъ въ университетѣ;

ни студенты, ни профессора не могли присутствовать на отпѣваніи.

Ночью въ сопровожденіи эскорты жандармовъ и одного изъ вѣрныхъ друзей, А. И. Тургенева, тѣло погибшаго поэта направилось въ свои родныя мѣста, въ Псковскій край. Фантастическая гонка побудила одного изъ современныхъ намъ художниковъ къ созданію картины: по снѣговымъ путямъ мчатся двѣ кибитки, въ первой—гробъ съ прахомъ генія русской поэзіи, высылаемый изъ столицы въ далекую глушь, во второй—одинокій, грустный спутникъ его.

Вѣсть о смерти Пушкина разнеслась по всей Европѣ; это былъ первый фактъ, обратившій вниманіе на событія въ русской литературѣ. Былой товарищъ Пушкина, геніальный польскій поэтъ Мицкевичъ, жившій тогда въ Парижѣ, помѣстилъ некрологъ его въ журналѣ „Le Globe". Впослѣдствіи бывали случаи, когда трагедія Пушкина (напримѣръ въ Италіи) обрабатывалась въ видѣ драматическаго произведенія. Такъ сильно еще не проявлялось европейское участіе къ русской литературѣ и общественности.

Въ Россіи смерть Пушкина потрясла все общество и вызвала рядъ выраженій сочувствія, негодованія и горести. Пламенное стихотвореніе Лермонтова, напечатанное только въ 1858 году, обошло всю Россію въ спискахъ, всюду встрѣчая глубокій отзвукъ. Сильна была печаль Гоголя, доходившая до отчаянія; ему казалось, что для него безъ Пушкина и жить нельзя; померкло солнце. Кольцовъ также откликнулся на всеобщее горе прекраснымъ стихотвореніемъ „Лѣсъ". Онъ поклонялся Пушкину, который необыкновенно привѣтливо отнесся къ нему въ Петербургѣ, гдѣ въ самородкѣ—поэтѣ изъ народа склонны были видѣть лишь интересную, затѣйливую новинку.

Когда истинныя отношенія Николая и его приспѣшниковъ къ судьбѣ поэта раскрылись сполна передъ Жуковскимъ, онъ не могъ сдержать негодованія, неудержимо вырвавшагося въ (ставшемъ теперь извѣстнымъ) большомъ письмѣ къ Бенкендорфу; оно дышитъ такою горячностью, которую трудно было бы ждать отъ мягкаго, сдержаннаго идеалиста-романтика. Онъ называетъ все поведеніе шефа

жандармовъ по отношенію къ Пушкину инквизиціей, бросаетъ ему рѣзкіе укоры въ ничѣмъ неоправданномъ заподозрѣваніи политической неблагонадежности поэта;—могъ ли онъ знать истинныя политическія убѣжденія Пушкина, когда ни разу не разговаривалъ объ этомъ съ обвиняемымъ, никогда не хотѣлъ говорить на эту тему даже и съ нимъ, Жуковскимъ; онъ упрекаетъ его въ систематическомъ угнетеніи Пушкина въ теченіе всей жизни, и въ недостойной мести послѣ смерти; онъ возмущенно говоритъ о томъ, какъ Бенкендорфъ, идя наперерѣзъ желанію императора, настаивалъ на своемъ вмѣшательствѣ при пересмотрѣ бумагъ покойнаго, какъ онъ видимо подозрѣвалъ, что Жуковскій можетъ что-либо выкрасть изъ этихъ бумагъ. Никогда въ жизни не высказывался такъ рѣзко и безстрашно Жуковскій; онъ шелъ на все въ своей защитѣ умершаго друга и великаго поэта.

Настойчивымъ усиліямъ Жуковскаго удалось добиться разрѣшенія издать посмертное собраніе сочиненій Пушкина, которое начало выходить со слѣдующаго 1838 года и закончилось въ 1841 году. При всемъ недовѣріи, подозрѣніи правительства, наложившаго запретъ на многія произведенія, все же совершилось словно загробное открытіе его великой творческой силы и воспитывающаго духа. И появленіе „посмертнаго“ Пушкина совпало съ цѣлымъ рядомъ выдающихся фактовъ той новой, слагавшейся въ столь сильной степени подъ его вліяніемъ, литературы, которую, какъ созданіе „молодого незнакомаго племени“, онъ предвидѣлъ и привѣтствовалъ.

Сороковые годы, ознаменованные выступленіемъ новыхъ силъ и расцвѣтомъ уже дѣйствовавшихъ, давно получили названіе „замѣчательнаго десятилѣтія“. Они требуютъ къ себѣ особаго вниманія, являясь однимъ изъ важнѣйшихъ уступовъ въ развитіи нашей литературы. Сороковые годы были „замѣчательнымъ десятилѣтіемъ“ не въ одной Россіи, они имѣли крупное значеніе и во Франціи, нашей руководительницѣ въ области литературной, соціальной, политической. Въ нашемъ же отечествѣ это была пора, когда на арену литературной дѣятельности было послано судьбой жи-

вое, богатое разнообразными дарованіями поколѣніе. Въ дневникѣ Герцена отъ 1843 года, въ которомъ отразились чтеніе и запросы социальные и политическіе, его исканія, ставится грустный вопросъ, поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущія поколѣнія подчасъ незамѣтную черную работу своихъ предшественниковъ, людей 40-ыхъ годовъ. „Да", можно отвѣтить на этотъ вопросъ, мы, далекіе потомки, знаемъ эту работу, помнимъ о ней, цѣнимъ ее; благодаря неразрывной связи одного десятилѣтія съ другимъ, и восходя къ былымъ годамъ, ясно видимъ, какъ въ тѣ годы зарождалось то, что расцвѣло и нашло свое полное выраженіе въ наше время. Въ годы самой тяжелой реакціи, отъ 1849 года до начала шестидесятыхъ годовъ, не замолкали общественныя теченія.

Стихотвореніемъ „На смерть Пушкина", написаннымъ наканунѣ наступленія „замѣчательнаго десятилѣтія", открылось для Лермонтова призваніе поэта-участника въ народныхъ горестяхъ и радостяхъ, чье слово должно звучать, какъ набатный колоколъ. Это сознанное призваніе нашло свое выраженіе въ стихотвореніи „Поэтъ", естественно вытекающемъ изъ его тризны по Пушкинѣ. Написанное на Кавказѣ, оно пользуется символомъ, подсказаннымъ постояннымъ тяготѣніемъ поэта къ Востоку. Утрата высшаго призванія поэзіи въ народной жизни сравнивается съ судьбою стариннаго кинжала, совершавшаго когда-то великіе подвиги въ славныхъ бояхъ, теперь же бездѣятельно лежащаго въ ножнахъ вызолоченныхъ и разукрашенныхъ. Неужели никогда онъ не выйдетъ изъ ножонъ и не совершитъ дѣлъ, подобныхъ прошлымъ?

„... Не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?"

спрашиваетъ Лермонтовъ, переходя отъ символа къ выясненію призванія поэта.

„Твой стихъ, какъ Божій духъ, насился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ

Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.

. . . .

Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?“

Порывисто сбросилъ съ себя Лермонтовъ все, что имъ владѣло прежде; онъ оставляетъ колебанія, культъ своей исключительности, односторонне усвоенный байроническій пошибъ, свой крайній индивидуализмъ. Отдавшись въ „Героѣ нашего времени“, удивительной по душевной силѣ и безпощадности исповѣди, осужденію себя, былого, онъ вступаетъ въ рѣшительный бой со всѣмъ, что его удручало, со всѣми противорѣчіями своей натуры, и выходитъ на всенародное поприще, достойное его поэтической мощи, но его дни сочтены, и совершившееся чудное превращеніе жестоко обрывается. До политико-соціальной лирики Некрасова некому будетъ поддержать и развить завѣта Лермонтовской поэзіи послѣдняго періода...

Начало сороковыхъ годовъ отмѣчено такимъ важнымъ фактомъ, какъ появленіе перваго тома „Мертвыхъ душъ“ (вышелъ въ Москвѣ, 1842 г.). Впослѣдствіи Гоголь, сознавъ результаты своего творчества, смущался тѣмъ, что сдѣлалъ, видя, что люди въ недовольствѣ жизнью не только опираются на его заступничество, но и ждутъ отъ него высшаго руководительства. Не самъ ли онъ въ „Мертвыхъ душахъ“ обмолвился, что въ Россіи теперь всѣ отъ мала до велика ждутъ человѣка, который сказалъ бы магическое слово „впередъ!“ Этого слова ждали отъ него, но онъ не сказалъ его, да и не могъ сказать. Онъ, какъ страдальческая, тоскующая тѣнь, бродилъ въ предъ-революціонной Европѣ, не понимая назрѣвающихъ событій, чуждый современнымъ движеніямъ. Но до самой смерти не исчезала въ немъ сила, побуждавшая его снова возвращаться къ великому труду „Мертвыхъ душъ“, испытывать укоры совѣсти, что онъ слишкомъ мало знаетъ русскую жизнь, приливы страстныхъ желаній изучать ее,

служить ея нуждамъ. Эти возвраты къ насущному дѣлу его жизни идутъ до послѣднихъ его дней, и прерванный на полу-словѣ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ обрывается въ рѣчи генералъ-губернатора тяжкой картиной гнили всего стараго строя. Присланный съ неограниченными полномочіями для искорененія организованной преступности, своеволія, лихоимства, безправія, онъ приходитъ къ сознанію безсилія своей борьбы; ей не помогутъ никакія строгости; вызвавъ къ себѣ представителей всего чиновничества, онъ говоритъ имъ: „Тотъ, у котораго въ рукахъ участь многихъ, и котораго никакія просьбы не въ силахъ умолить, тотъ самый теперь васъ всѣхъ проситъ... Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаньями нельзя искоренить неправды... Гибнетъ земля наша ужъ не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ... И никакой правитель, хотя бы былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ дѣйствія дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, я теперь обращаюсь къ вамъ. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку“. Рѣчь, мало естественная сама по себѣ, тѣмъ не менѣе очень характерна, приводя сатирика къ полной ликвидаціи стараго строя; знаменательно, что на этой нотѣ оборвались „Мертвыя души“, и съ ними творчество Гоголя.

Не всѣ стороны русской жизни и слои общества нашли отраженіе въ „Мертвыхъ душахъ“, да и вообще въ произведеніяхъ Гоголя. Онъ никогда не изображалъ народа, поступая въ этомъ отношеніи въ высшей степени добросовѣстно, такъ какъ народъ былъ ему единственно извѣстенъ, проходя черезъ призму славянофильства. У него нельзя найти ни изображенія высшихъ слоевъ, ни купечества, которое ждало своего Колумба, Островскаго, ни церковнаго міра, который выступилъ еще позже, въ шестидесятыхъ годахъ, у Помяловскаго, Левитова и другихъ разночинцевъ.

„Мертвыя души“ нигдѣ не подчеркиваютъ, что такъ жить невозможно, но приводятъ неизбѣжно къ этому выводу; естественно, что общество, привыкшее, по словамъ Бѣлинскаго, видѣть въ Гоголѣ опору всѣхъ лучшихъ своихъ стремленій, могло ждать отъ него вызова къ движенію впередъ.

Первоначально несложная и незатѣйливая фабула романа-путешествія, со множествомъ нанизанныхъ на нее бытовыхъ образовъ и картинъ, уступила съ годами мѣсто сложному и важному плану, величіе котораго волновало и смущало самого Гоголя. Планъ этотъ въ сильной степени внушенъ былъ „Божественной комедіей“ Данта. Первый томъ поэмы соотвѣтствуетъ „Аду“; Данте проводитъ по всѣмъ кругамъ и рвамъ адскаго конуса вплоть до послѣдняго острія воронки, гдѣ помѣщались, по средневѣковымъ понятіямъ, величайшіе грѣшники-измѣнники. Гоголю не была дана великая религіозная сила, но, поскольку онъ зарисовалъ отрицательные типы въ этой части, можно проводить параллель между обоими произведеніями. Второй томъ, по замыслу автора, долженъ былъ соотвѣтствовать „Чистилищу“; герои его—тѣ же, лишь съ другими именами, дѣйствующія лица Ада, силою своего нравственнаго искупленія и очищенія способные выйти къ волѣ и правдѣ, стремящіеся возродиться, и съ ними возрождается къ добру и общему благу самъ Чичиковъ. Наконецъ послѣдній томъ, въ которомъ Гоголь хотѣлъ „пропѣть гимнъ красотѣ небесной“, собрать свои грезы о лучшихъ людяхъ и лучшемъ строѣ, былъ бы „Раемъ“. Конечно, лучше, что этотъ томъ не былъ написанъ; нужна была пламенная вѣра, свойственная среднимъ вѣкамъ, чтобы создать подобное произведеніе.

Гоголь надѣялся, что для этого подвига его поддержитъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ, въ Іерусалимъ, что молитвы, совершенныя у гроба Господня, сведутъ на него благодать и сподобятъ его выполнить достойно задуманную работу. Надежда обманула его, благодать не сошла; онъ вернулся въ Россію такимъ же холоднымъ и неутѣшнымъ какимъ уѣзжалъ изъ нея.

Въ третьемъ томѣ онъ мечталъ, напримѣръ, среди положительныхъ, свѣтлыхъ образовъ вывести идеальную русскую

дѣвушку. Въ двухъ первыхъ томахъ едва заглянувъ въ женскую психологію, набросавъ нѣсколькими штрихами неясные образы (губернаторская дочка, Улинька, ненавидящая всякое зло), онъ подался бы пророческой отгадкѣ, предчувствуя свѣтлыя, активныя на общественное благо проявленія женской энергіи. Такими же отгадками были бы, конечно, и задуманные имъ идеальные русскіе юноши, передъ которыми должны были отступить выведенные въ „Чистилищѣ" Тентетниковы и Платоновы. Исходя отъ личности о. Матвѣя ржевскаго священника, получившаго такое безграничное вліяніе на него въ послѣднее время, онъ думалъ ввести въ романъ и идеальнаго служителя церкви.

Въ предвѣстіяхъ и чаяніяхъ иныхъ формъ жизни прерванъ былъ страдальческой кончиной давній, неизмѣримо великій замыселъ, сломившій силы художника-моралиста.

Новая жизнь сказалась къ началу періода и въ научной философской, области.

Къ началу сороковыхъ годовъ старыя формы кружковой группировки существенно мѣняются: Станкевичъ въ Берлинѣ, въ ряду русскихъ адептовъ философіи; возлѣ него уже стоятъ недавніе петербургскіе студенты Грановскій Иванъ Тургеневъ (мечтавшій сначала посвятить себя наукѣ и готовившійся къ экзамену магистра философіи въ Москвѣ), москвичи Фроловъ, Невѣровъ. Въ новой, не—русской средѣ, казалось, создается кружокъ подобный былому московскому.

Грановскій послѣ двухлѣтней командировки возвращается на родину, и начинается его великое служеніе, непрерывно длящееся много лѣтъ. Онъ не оставилъ глубокаго слѣда въ наукѣ; можетъ быть, его научный запасъ былъ не слишкомъ глубокъ; все же за нимъ остается заслуга великаго просвѣтителя и воспитателя безсчетныхъ молодыхъ поколѣній. Когда въ 1839 году онъ открылъ въ Москвѣ свой курсъ всеобщей исторіи, началось что-то безпримѣрное, небывалое, что можно лишь до извѣстной степени сравнить съ былымъ культурнымъ вліяніемъ Шварца и Булэ, или двухъ воспитателей тридцатыхъ годовъ, Павлова и Надеждина. Съ ка-

дры въ аудиторію шелъ необычайный токъ нравственной лы, воспитывающе дѣйствовавшій на молодежь.

Тургеневъ, возвратившись изъ-за границы, подошелъ въ тербургѣ близко къ Бѣлинскому и сдѣлался для него язью съ Станкевичемъ, такъ какъ въ рѣчахъ Тургенева у слышались рѣчи его былого близкаго друга. Тургеневъ е больше и больше становился „западникомъ“, или, какъ ражался Гоголь, „европистомъ“.

К. Аксаковъ въ эти годы, напротивъ, отдаляется отъ ежняго круга друзей и примыкаетъ къ раздающейся все льнѣе проповѣди Хомякова и Кирѣевскихъ. Къ нимъ корѣ примкнутъ нѣсколько человѣкъ, и они составятъ задышъ славянофильской школы. Уходъ Аксакова — убыль я кружка Станкевича, Тургеневъ, или Грановскій — приль, во всякомъ случаѣ цѣльность этого кружка рушись.

Нѣкоторые члены обоихъ кружковъ уже покидаютъ въ юковыхъ годахъ Россію и переносятъ свою дѣятельность границу. Бакунинъ, исповѣдовавшій гегеліанство, но примувшій къ его лѣвой сторонѣ и (по выраженію Герцена) стигшій, что эта философія — „алгебра революціи“, все иже подходитъ въ своихъ интересахъ и симпатіяхъ къ рцену, и сильно выростаетъ въ эти годы въ духовномъ юшеніи. Когда Герценъ въ Москвѣ прочелъ первую пуицистическую статью его въ нѣмецкомъ журналѣ, не зная,) за подписью „Jules Elizard“ скрывается старый товарищъ кунинъ, онъ былъ пораженъ смѣлостью мысли и талантвостью автора. За этой статьей послѣдовали иныя выступнія, сближеніе Бакунина въ нѣмецкой Швейцаріи съ революціонной германской эмиграціей. Это вызвало доносы на го, требованіе его возвращенія въ Россію, отказъ его и чало его эмигрантской жизни, ознаменованное въ 1848 г. тенсивной революціонной его дѣятельностью. Эмигрироъ и Сазоновъ, которому предстояла крупная роль во анцузскомъ революціонномъ движеніи.

Въ эпоху между 1840—50 г. вліяніе Бѣлинскаго полуетъ большое значеніе. Иванъ Аксаковъ, сторонникъ совершнно противоположнаго направленія, много изъѣздившій

тогда провинцію по своимъ служебнымъ дѣламъ, свидѣте
ствуетъ, что повсюду встрѣчалъ живые слѣды этого влія
и большой популярности критика — учителя. Если нуж
было найти хорошаго и честнаго работника на какомъ
то ни было поприщѣ, его необходимо было искать сре
учениковъ Бѣлинскаго. Этимъ именемъ онъ обознача
людей, которые зачитывались статьями критика, съ бла
говѣніемъ принимали его слова, брали отъ него духовн
силу. Есть другія показанія, говорящія, что даже въ да
кихъ, малокультурныхъ углахъ страны сказывалась си
этого вліянія. Изъ его статей составляли себѣ кодексъ убѣ
деній. Статьи эти узнавались несмотря на то, что онѣ бо
шей частью появлялись безъ подписи. Такое громадное з
ченіе получилъ Бѣлинскій, передъ тѣмъ немало оспариваем
благодаря ошибочно понятому и приложенному къ жи
ученію Гегеля, гласившему будто-бы, что „все дѣйствите
ное разумно“, и приведшему критика къ примирите
ному направленію. Гегель никогда не утверждалъ и не м
принимать, что все существующее въ жизни русской,
мецкой, разумно, что истинно-разумное подлинно существуе
Это возможно было только при неправильномъ понима
того, что онъ считалъ „дѣйствительнымъ“. Бѣлинскій
идя со свойственной ему прямолинейностью до крайн
выводовъ, долженъ былъ дойти до оправданія тяжкой
колаевской дѣйствительности, гдѣ ссылаютъ, мучатъ, г
тутъ, здравомыслящаго человѣка оглашаютъ сумасшедши
гдѣ нѣтъ элементарныхъ понятій, неразлучныхъ съ пра
вой жизнью.

Слѣды такого односторонняго гегельянства видны
только во всѣхъ работахъ Бѣлинскаго въ „Московскомъ]
блюдателѣ“, но и въ первыхъ статьяхъ его въ „Отечеств
ныхъ запискахъ“, вызванныхъ „Бородинской годовщин
Жуковскаго, книгой стихотворца-мистика Ѳ. Глинки, пос
щенной чествованію Бородинскаго боя, и оцѣнкой нѣм
каго публициста и критика Менцеля. Въ этихъ статья
онъ выступаетъ съ отрицаніемъ противъ всѣхъ писател
которые когда-либо боролись подъ знаменемъ обществ
ности. Грибоѣдовъ, одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ (

воинственнаго набѣга и суда „Литературныхъ мечтаній“, теперь подвергается страстному осужденію за „Горе отъ ума“ и Чацкаго, чей походъ противъ существующаго порядка казался Бѣлинскому этого періода безполезной причудой, оскорбительной для сущности жизни.

Изъ новой нѣмецкой литературы онъ вызвалъ личность критика-публициста Менцеля, чтобъ въ его дѣятельности покарать общественно-политическое направленіе писателя, проституирующее литературу, — но при этомъ недостаточно былъ освѣдомленъ насчетъ того, было ли направленіе Менцеля однороднымъ на протяженіи всей его жизни. Смолоду онъ проявлялъ себя оппозиціоннымъ писателемъ, мечтавшимъ о свободѣ, но разгромъ „молодой Германіи“, безусловное запрещеніе входившимъ въ ея составъ писателямъ что либо печатать, и иныя гоненія сильно на него подѣйствовали, — онъ перемѣнилъ фронтъ, все сильнѣе вдавался въ противоположную крайность и дошелъ до клеветы на все живое. Его имя, произносившееся раньше съ сочувствіемъ, было заклеймено, репутація стала позорной; противъ него усиленно выступали Гейне и Бёрне, давшій его уничтожающую характеристику въ блестящей статьѣ „Menzel der Franzosenfresser“ („Менцель—пожиратель французовъ“, такъ какъ для ренегата французы были олицетвореніемъ вольнодумства).

Бѣлинскій въ своемъ преклоненіи передъ разумной дѣйствительностью нападалъ на Менцеля перваго періода, очевидно, не зная, что къ 1840 г. нѣмецкій критикъ если и достоинъ былъ порицанія, такъ за слишкомъ рьяное служеніе противоположнымъ принципамъ, которое съ точки зрѣнія тогдашняго Бѣлинскаго слѣдовало бы привѣтствовать, поощрять. Личность Менцеля понадобилась, чтобы на наглядномъ примѣрѣ заклеймить общественныя влеченія въ нѣмецкой литературѣ.

Но философски—примиряющая доктрина была слишкомъ большимъ насиліемъ надъ горячей натурой Бѣлинскаго, чтобы періодъ оправданія дѣйствительности могъ тянуться долго. Въ Петербургѣ вблизи къ центру, гдѣ творилась прославленная „дѣйствительность“, наступилъ переломъ, отрезвле-

ніе. Укоряющіе уроки настоящей жизни, далекой отъ нег въ московскихъ кружкахъ, сознаніе общественнаго призва нія, выпавшаго русской литературѣ, возрастающее вліяні освободительныхъ идей, проникавшихъ изъ предъ-револю ціонной Франціи, сдѣлали свое дѣло; они разсѣяли фило софскій туманъ и, выведя Бѣлинскаго на настоящій, достой ный его путь, поставили руководителемъ литературы. Он развернулъ знамя „соціальности“ и съ нимъ пошелъ д конца, испытывая то благодѣтельное вліяніе французских соціально-политическихъ идей, о которомъ одинъ изъ выда ющихся представителей тогдашняго молодого поколѣнія, Сал тыковъ съ такимъ благоговѣніемъ вспоминалъ впослѣдстві („За рубежомъ“, „Мелочи жизни“ и др.).

Бѣлинскаго, покинувшаго Москву, замѣнили тамъ дв новыя силы, — Грановскій и Герценъ. Въ первыя встрѣч Бѣлинскаго съ Герценомъ, возвратившимся изъ ссылк между ними происходили горячіе споры. Вынесшаго тяж лыя впечатлѣнія отъ реальной русской „дѣйствительности Герцена возмущалъ „индійскій квіетизмъ“, какъ онъ выр жался, со стороны его противника, но въ новой стадіи ра витія Бѣлинскаго они все тѣснѣе сближались, и Герцен принадлежала немалая доля вліянія, поддержавшаго ее.

Вернувшись окончательно въ Москву, Герценъ, сно отдался интересамъ науки; высоко цѣня естествознаніе, всегд считая образованіе естественно-научное необходимымъ дл истиннаго свободнаго развитія ума, онъ снова вступилъ в университетъ въ качествѣ вольнослушателя; завязались но выя отношенія съ молодежью, на которую онъ дальнѣйшим своими работами сталъ оказывать воспитывающее вліяні как оригинальный, сильный мыслитель, и какъ автор общественно — цѣнныхъ твореній, привлекавшихъ къ себ такое же вниманіе, какъ статьи Бѣлинскаго. Научны интересъ вылился въ „Письмахъ объ изученіи природы“ рядѣ статей, какъ „Дилетанты въ наукѣ“, „Буддисты в наукѣ“ и др., печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ „Письмамъ объ изученіи природы“ предпослано было бел летристическое введеніе. Историческій обзоръ „Писемъ“ оста навливается на изученіи Бэкона, какъ отца новой философі

въ замыселъ Герцена входило очертить и дальнѣйшую эволюцію философіи; его остановили возроставшія цензурныя препятствія неблагонадежной пропагандѣ. Безграничная вѣра въ науку и бодрое боевое настроеніе не могли не захватывать молодежь.

Еще большимъ успѣхомъ пользовались его беллетристическія произведенія. Написанныя необыкновенно живымъ языкомъ, неправильность котораго вызывала порицанія Бѣлинскаго, тогда какъ теперь восхищаетъ насъ, съ таинственною подписью „Искандеръ“ или „И—ръ“, они возбуждали горячій интересъ. Его статьи, напечатанныя или же рукописныя, распространялись повсюду, расходились во множествѣ списковъ. Рядъ ихъ открыли въ 1840 г. „Записки молодого человѣка“, но въ слѣдующемъ же году, въ Новгородѣ, задуманъ и начатъ былъ романъ „Кто виноватъ?“, законченный и обработанный къ 1846 году, и смежно съ нимъ стали появляться другія его художественныя произведенія и блестящіе публицистическіе опыты.

Въ тѣ годы, когда разросталась и все энергичнѣе проявляла свою дѣятельность группа западниковъ, собирались силы и ихъ противниковъ, къ которымъ молва и общій обиходъ почему-то приложили названіе, впервые употребленное въ 20-хъ годахъ В. Л. Пушкинымъ въ шуточной поэмѣ „Опасный сосѣдъ“, въ примѣненіи къ Шишкову, „Куму славянофиловъ“,—славянофилы. Обѣ приснопамятныя группы въ чистомъ видѣ ихъ ученій просуществовали не особенно долго, но глубокъ былъ слѣдъ, оставленный ими, и велика была ихъ роль въ 40-ые годы.

Первые проблески славянофильства встрѣчаются очень рано; въ 20-ыхъ годахъ уже намѣчается въ основныхъ чертахъ исповѣданіе вѣры Хомякова, краснорѣчиваго пророка этого ученія. Близкій къ нему Веневитиновъ проповѣдовалъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ нѣчто предвѣщавшее теорію славянофиловъ. Не отрицая заслугъ Запада, онъ предвѣщалъ великую роль предстоящей самодѣятельности Россіи, которая, покинувъ подражаніе, заимствованія, зависимость отъ

западной культуры, но не становясь къ ней во враждебныя отношенія, изъ нѣдръ своего духа создастъ великое и самостоятельное, и исполнится тогда утвержденіе Шеллинга, что призванный къ культурной роли народъ долженъ проявить присущую ему идею,—и если въ настоящее время первенствующая роль выпала германскому племени, передъ Россіею открывается великая преемственность. Такъ за два десятилѣтія высказывалась основная мысль славянофильства, сформировавшагося въ 40-ыхъ годахъ.

Апостоломъ славянофильства сталъ А. С. Хомяковъ. Онъ не прошелъ обычнаго университетскаго пути, занимался дома, подъ руководствомъ профессоровъ, и только сдалъ экзаменъ „кандидата математическихъ наукъ“, эта научная спеціальность не отразилась у него ни въ чемъ. Родственникъ своихъ будущихъ товарищей по направленію, Кирѣевскихъ (его мать была урожденная Кирѣевская), онъ воспитывался въ религіозномъ, строго православномъ духѣ, съ обязательнымъ впрочемъ знаніемъ французскаго языка и литературы. Характеръ воспитанія сказался въ сохранившемся у него навсегда влеченіи къ богословскимъ вопросамъ, отразившемся въ различныхъ его сочиненіяхъ; въ то же время, при всемъ отрицаніи западной культуры, онъ никогда не сталъ врагомъ ея.

Рано сказалось въ немъ стихотворное дарованіе; выступая во вторыхъ рядахъ пушкинской школы, онъ проявлялъ свои силы въ лирикѣ и драмѣ. Лирическое вдохновеніе и возбужденность мысли не разъ поднимали его поэзію на значительную высоту; это въ особенности относится къ стихотвореніямъ 50-хъ годовъ; стихотворенія эти цѣнны, какъ примѣръ честной гражданственности, съ которой онъ заклеймилъ предсмертный періодъ николаевской Руси съ ея нравственнымъ упадкомъ, гнетомъ рабства и черной неправдой. Для трагедій своихъ („Дмитрій Самозванецъ“, „Ермакъ“) онъ бралъ сюжеты изъ исторіи, желая примѣрами народной самодѣятельности поднять духъ современниковъ.

Но въ стихотворцѣ и средней руки драматургѣ скрывались великія силы проповѣдника, публициста, оратора, діалектика. Они требовали себѣ широкаго проявленія, большихъ ауди-

торій, прямого вліянія и общенія съ массами, но судьба не дала Хомякову этихъ необходимыхъ для такого пророка условій, и слово его, обильно расточавшееся, никогда не встрѣчало достаточнаго отзвука.

Натура увлекающаяся, философъ и богословъ, мыслитель, народникъ, онъ рано выступилъ и съ славянской идеей; дважды вступая въ военную службу, онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1828—29 г., увлеченный идеею освобожденія славянъ. Объ немъ и о панславянскомъ сближеніи у насъ никто не думалъ. Хомяковъ вошелъ потомъ въ прямыя сношенія и съ западными славянами; предпринявъ въ разное время путешествія по Европѣ, Франціи, Швейцаріи, Италіи, Австріи, онъ сблизился въ Прагѣ съ кружкомъ проповѣдниковъ славянской идеи, поэтовъ и ученыхъ, среди котораго выступали Коларъ, Шафарикъ, Челаковскій, Юнгманъ, дружному содѣйствію которыхъ обязано возрожденіе чешской народности, и вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе общеславянскаго, объединяющаго всѣ племена подъ своимъ знаменемъ, панславизма. Энтузіастъ Хомяковъ не могъ остаться равнодушнымъ къ славянскому возрожденію и общенію. Вернувшись въ Россію, онъ сначала былъ одинокъ въ своихъ стремленіяхъ народника, самобытника и слависта. Распространеніе дорогихъ ему идей пришло со временемъ; прежде всего ими были захвачены превратившіеся изъ сторонниковъ европеизма въ горячихъ народолюбцевъ Иванъ и Петръ Кирѣевскіе.

Путь, которымъ они пришли къ славянофильству, былъ другой; тотъ фактъ, что въ 1832 г. Иванъ Кирѣевскій могъ издавать журналъ „Европеецъ", знаменателенъ. Братья вышли изъ среды, отличавшейся большими литературными, художественными, научными интересами. Ихъ вотчимъ, А. Елагинъ, былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ послѣдователей Канта и Шеллинга. Ихъ мать, по второму браку Елагина (ея сыновья отъ этого брака со временемъ также вошли въ кругъ славянофильскихъ дѣятелей), близкая родственница Жуковскаго, участница въ окружавшей его интеллигентной жизни, плѣняла своей умственной свѣжестью и разносторонними культурными интересами даже въ глубокой старости; она, сочувствуя взглядамъ сыновей, никогда не переходила

въ крайности направленія и возставала, когда сыновья далеко уходили въ народничество, охранительство, національно-православный мистицизмъ.

Иванъ Кирѣевскій къ началу 30-ыхъ годовъ въ Германіи прослушалъ курсы Шеллинга и Гегеля; европейская культура произвела на него сильное впечатлѣніе; стремясь по возвращеніи въ Россію ввести сознательную программу въ наше общеніе съ Западомъ, онъ основалъ въ 1832 году журналъ, на второй же книжкѣ закрытый за сочувствіе Іюльской революціи, выраженное будто бы въ статьѣ редактора „Девятнадцатый вѣкъ“, гдѣ Кирѣевскій обозрѣвалъ итоги общественныхъ, литературныхъ и научныхъ движеній въ разныхъ странахъ; Бенкендорфъ сумѣлъ истолковать въ нужную сторону высказанныя авторомъ мысли, принимая терминъ „искусно отысканная середина“ за „конституцію“, „дѣятельность разума“ за „революцію“ и т. п. Закрытіе журнала и кара, предстоявшая Кирѣевскому вызвали защитительное письмо, отправленное Бенкендорфу Чаадаевымъ, возмущавшимся незаслуженной карой за догадки и предположенія, обрушившейся на блестяще даровитаго, очень молодого писателя. Жуковскій тоже старался употребить свое вліяніе. Прямая цѣль была достигнута. Кирѣевскій не былъ высланъ, но самъ обрекъ себя на удаленіе и совсѣмъ ушелъ въ деревенскій міръ средне-русской черноземной полосы. Двѣнадцать лѣтъ провелъ онъ тамъ, и въ эти долгіе годы въ немъ самостоятельно развилось то, что было въ немъ заложено въ формѣ тяготѣнія къ народности. Европеизмъ его понизился, измѣнился; народность, духъ старины и самобытности русской захватили его; поднялась и развилась подъ вліяніемъ старцевъ Оптиной пустыни религіозность. Онъ вернулся въ Москву послѣ добровольной ссылки новымъ человѣкомъ; съ этого времени установилась навсегда его идейная связь съ Хомяковымъ.

Кирѣевскіе и Хомяковъ составили первое ядро будущаго славянофильства; къ нимъ прежде всего подходитъ, изъ былой группы „Московскаго Вѣстника“, Александръ Кошелевъ, оригинальное сочетаніе большихъ способностей публициста, въ особенности проявленныхъ имъ въ позднѣйшую

пору жизни, когда при Александрѣ II и его преемникѣ онъ являлся даже авторомъ нѣсколькихъ смѣлыхъ обличающихъ памфлетовъ, печатавшихся заграницей, съ необыкновенной финансовой, практической сметкой, даже, первоначально—дѣятельностью откупщика.

Свѣжую молодую силу выдѣлилъ изъ себя на пользу славянофильства недавній кружокъ Станкевича въ лицѣ Константина Аксакова, отъ гегельянства ушедшаго въ „національную романтику“ и отъ возмущавшаго его преобладанія матеріализма въ убѣжденіяхъ прежнихъ друзей въ идеальное православіе и народничество Хомякова.

За ними послѣдовалъ еще болѣе молодой Юрій Самаринъ, только что защитившій въ московскомъ университетѣ диссертацію о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Жизнь вскорѣ увела его въ Прибалтійскій край; но, если непосредственное общеніе его съ славянофилами было прервано, идейныя связи горячо поддерживались. Брошенный въ край эстовъ, латышей и нѣмецкихъ бароновъ, онъ глубоко вошелъ въ мѣстные интересы и жизнь и, не будучи ненавистникомъ нѣмцевъ, какъ культурнаго племени, сталъ ихъ рѣзкимъ противникомъ за стремленіе къ порабощенію балтійскихъ народностей. Онъ выступилъ съ оффиціальной запиской о плачевномъ состояніи края и изъ-за нея едва не пострадалъ.

Къ славянофиламъ затѣмъ примкнулъ изъ старшаго поколѣнія Дмитрій Валуевъ, примѣчательный своими изслѣдованіями по русской исторіи (напримѣръ о мѣстничествѣ) и изданіемъ сборниковъ историческихъ матеріаловъ и свѣдѣній о Россіи и славянахъ (Симбирскій сборникъ; Славянскій сборникъ, въ которомъ участвовалъ даже Грановскій) и опытомъ формулировки программы славянофильскаго ученія.

Къ группѣ примкнули, наконецъ, и сводные братья Кирѣевскихъ, Николай и Василій Елагины.

Вотъ всѣ первоначальные и подлинные славянофилы. Несмотря на то, что ихъ лозунгъ внѣшне соприкасался съ оффиціальнымъ, провозглашеннымъ Уваровымъ, несмотря на то, что и они стояли за православіе и народность, правительство имъ не довѣряло, да, конечно, никогда и не имѣло въ ихъ лицѣ *своихъ* приверженцевъ. Недовѣріе достигало

настолько значительныхъ размѣровъ, что славянофиламъ упорно отказывали въ разрѣшеніи издавать свой журналъ; только въ 1856 году при Александрѣ II они получили возможность основать „Русскую Бесѣду". Бывали и мѣстныя, московскія гоненія; раннимъ примѣромъ его можетъ служить судьба диссертаціи К. Аксакова „О Ломоносовѣ и его значеніе въ исторіи русской литературы, языка и общественности". Она привлекла къ себѣ вниманіе и, по словамъ Герцена, при помощи Гегеля доказывала самобытность русской народности. Попечитель учебнаго округа, Строгановъ, котораго даже упрекали въ пособничествѣ западникамъ—профессорамъ, возсталъ противъ нея, и она не получила дальнѣйшаго хода. Появленіе славянофильскихъ сборниковъ вызывало также большія цензурныя строгости.

Такъ славянофилы были лишены возможности высказываться, и осуждены вести безконечные споры со своими противниками, пользуясь устными выступленіями, опять не публичными, а въ сборищахъ по частнымъ домамъ. Изрѣдка имъ удавалось прибѣгать къ двумъ способамъ публичности. Одно изъ нихъ было изданіе повременныхъ „Московскихъ сборниковъ", но они выходили крайне рѣдко,—такъ вышли книги въ 1846 г., 1847 г., затѣмъ наступилъ перерывъ до 1852 года. Вторымъ средствомъ, довольно непріятнымъ для славянофиловъ, тяготившимъ ихъ, была необходимость выступать въ журналѣ Погодина и Шевырева, „Москвитянинѣ".

Погодинъ, пережившій многихъ дѣятелей славянофильства (онъ умеръ въ началѣ 70-ыхъ годовъ) и закончившій жизнь въ полномъ безсиліи, въ послѣдней своей книгѣ трепетно заглядывавшій въ потусторонній міръ, смолоду отличался немалой умственной энергіей. И. С. Тургеневъ, слушавшій Погодина въ московскомъ университетѣ, даетъ благопріятный отзывъ о его научно-педагогической работѣ. Сынъ вольноотпущенника (оффиціанта Англійскаго клуба), онъ собственными усиліями, при помощи своихъ немалыхъ способностей пробился впередъ, завоевалъ положеніе и вліяніе въ жизни, долго работалъ, какъ журналистъ, въ исторической наукѣ занялъ непослѣднюю роль благодаря огромному накопленію знаній и изданію матеріаловъ.

Онъ началъ свою писательскую дѣятельность въ либеральныхъ рядахъ. Въ 1825 году, выпустивъ альманахъ „Уранія“, онъ помѣстилъ тамъ свою повѣсть, направленную противъ крѣпостного права, и, когда разразилась декабрьская гроза, ждалъ кары и для себя, какъ критика существующаго порядка. Бѣда пронеслась мимо. Послѣ дѣятельнаго участія въ кружкѣ Веневитинова и „Московскомъ Вѣстникѣ“, который послѣ смерти Веневитинова перешелъ въ его руки, онъ черезъ 10 лѣтъ послѣ прекращенія этого журнала снова выступаетъ, какъ журналистъ, въ „Москвитянинѣ“, гдѣ проявляетъ уже иное направленіе.

Соредакторомъ его, руководившимъ литературно-критическимъ отдѣломъ, былъ Шевыревъ, тоже прежній сотрудникъ „Московскаго Вѣстника“. Довольно долго жившій заграницей (тамъ же и окончившій жизнь), большой цѣнитель западнаго образованія и литературы, даже передъ смертью переводившій шиллеровскую трилогію о Валленштейнѣ, великій итальянофилъ, преклонявшійся напримѣръ передъ Дантомъ (ему была посвящена его диссертація), онъ первый высказалъ (заимствованную имъ, правда, у одного французскаго писателя) мысль о гніеніи Запада и необходимости для русской культуры вырваться изъ тлетворныхъ объятій этого трупа. Въ своей критической дѣятельности онъ являлся литературнымъ старовѣромъ, не признавалъ главныхъ дѣятелей новой словесности, не понималъ значенія Гоголя, Лермонтова, а въ своихъ курсахъ и книгахъ по исторіи словесности, преимущественно древней, почти исключительно останавливался на церковной литературѣ.

Погодинъ и Шевыревъ, соприкасаясь въ извѣстной степени съ взглядами славянофиловъ, были имъ существенно чужды; демократическія сочувствія, ученіе объ общинѣ, свободное, критическое отношеніе къ современной дѣйствительности, идеальное представленіе объ исконно народномъ земскомъ началѣ не находили въ нихъ отклика. Но разногласія приходилось славянофиламъ подавлять въ себѣ, пользоваться помощью органа, далеко не солидарнаго съ ними, временами даже проявлять сочувствіе крайнимъ его выступленіямъ. Такъ въ особенно острые моменты борьбы съ за-

падниками славянофилы выдвигали въ полемикѣ Шевырева противъ Бѣлинскаго, какъ равную величину, пытались противоставить его Грановскому въ средѣ университетской науки и вліянія каѳедры,—разумѣется, вполнѣ безнадежно; мало того, рукоплескали позорнымъ оскорбленіямъ и доносамъ на противниковъ,—въ родѣ стихотворнаго пасквиля Языкова „Къ не-нашимъ“, выставившаго западниковъ измѣнниками отечеству.

Пыпинъ мѣтко приложилъ къ основѣ программы „Москвитянина“ названіе „оффиціальной народности“. Великое слово народность значилось вѣдь и у Уварова въ его знаменитой трехчленной формулѣ, но тамъ оно было синонимомъ „крѣпостного права“; въ „Москвитянинѣ“ оно связывалось съ идеализаціей смиренномудрія, первобытной простоты и полной покорности существующему строю. Тяжело же было работать тамъ славянофиламъ, нетолько всегда рѣшительно выступавшимъ сторонниками освобожденія и честно выполнившимъ свою миссію въ подготовленіяхъ къ реформѣ 19 февраля, но выставлявшимъ своимъ лозунгомъ: правительству—полнота власти, народу—свобода рѣшеній, свобода мысли!

Бывали, правда, въ долгой исторіи этого журнала (съ 1841 г. по 1855) просвѣты, когда онъ оживлялся, отдалялся отъ допотопнаго охранительства. Такъ было въ 1845 году, когда редакція на время перешла къ Ивану Кирѣевскому, но это продолжалось лишь полгода, затѣмъ все вернулось къ старому. Наконецъ въ 1850 году образовалась „молодая редакція“ „Москвитянина“ съ даровитымъ критикомъ Аполлономъ Григорьевымъ во главѣ, сумѣвшая сгруппировать, по крайней мѣрѣ въ беллетристикѣ, выдающіяся молодыя же силы, открытыя и оцѣненныя славянофилами, Островскаго, Писемскаго, Потѣхина, но реформа эта запоздала и не спасла журнала.

Крымская война и надвигавшійся кризисъ злополучной николаевской системы словно переродили и образумили Погодина; тогда онъ писалъ политическія письма Николаю, въ которыхъ клеймилъ старый порядокъ, указывалъ на необходимость реформъ, на грозящія странѣ опасности, и, къ

удивленію, не пострадалъ за смѣлость обличенія. Но это возрожденіе одного изъ редакторовъ проявлено было внѣ предѣловъ журнала, и послужило лишь къ личной реабилитаціи Погодина.

Если два лагеря къ серединѣ 60-хъ годовъ осложнились вступленіемъ въ ихъ ряды новыхъ силъ, то въ то же время утеряли первоначальныя характерныя черты и, уступая мѣсто новообразованіямъ школъ и направленій, перестали существовать. Новыя же лица, вступившія въ славянофильство, современемъ стали нарушать его традиціи, рѣшительно не подходили къ ученію старыхъ вожаковъ; Хомяковъ отшатнулся бы съ неудовольствіемъ и раздраженіемъ отъ того полицейскаго охранительства, той національной и религіозной нетерпимости и крайней государственности, которую проявлялъ (въ особенности послѣ польскаго возстанія и выстрѣла Каракозова) главный представитель поздняго славянофильства, Иванъ Аксаковъ; объ эпигонахъ школы, самозванныхъ славянофилахъ 70—80-ыхъ годовъ, и говорить нечего.

Не мало было столкновеній и боевъ въ сороковые годы между обоими лагерями, но борьба ихъ коренныхъ руководителей носила особый характеръ. Это были друзья, разошедшіеся идейно, но неспособные разорвать холодно другъ съ другомъ. Смерть Хомякова и Константина Аксакова вызвала глубоко сочувственные отзывы и воспоминанія Герцена. Послѣдняя сцена прощанія Бѣлинскаго съ К. Аксаковымъ просто трогательна.

Во время споровъ и борьбы между западниками и славянофилами, въ первыхъ рядахъ московской интеллигенціи, занимая своеобразное положеніе среди партій, доживалъ свой вѣкъ тотъ самостоятельный мыслитель, въ которомъ въ былые (хотя и недавніе) годы можно было бы признать предтечу западнической доктрины, Чаадаевъ, еслибъ у ея позднѣйшихъ адептовъ столь же сильно была развита религіозная идея, какъ у него, вынесшаго страданіе и гоненіе въ особенности ради нея.

Чаадаевъ, со временемъ измѣнившій свои взгляды на единоспасающее значеніе западно-европейской, точнѣе католической культуры, выступилъ въ 1836 году съ рѣшительнымъ отрицаніемъ русскаго прошлаго и будущности народа и государства, если они не сойдутъ съ прежняго историческаго пути.

Годъ спустя послѣ декабрьскихъ событій, вернулся онъ изъ важнаго для развитія его мысли путешествія въ Россію и хоть не покидалъ ее, но былъ изъ числа тѣхъ, кто, по выраженію Герцена, „отъѣзжалъ изъ нея внутренно", и въ состояніи былъ рѣзко порвать съ нею.

Въ юности онъ окончилъ московскій университетъ одновременно съ Грибоѣдовымъ и засталъ тамъ дѣятельность профессора Буле. Отечественная война и европейскіе походы увлекли его въ ряды войска, и онъ пережилъ всѣ впечатлѣнія ихъ. Возвратившись на родину, онъ несомнѣнно примкнулъ къ нарождавшемуся политическому движенію; только заграничное путешествіе спасло его, какъ и Ник. Тургенева, отъ ареста и каторги. Событія потрясли его; отдалившись отъ жизни, онъ замкнулся въ себѣ, думая свою одинокую думу.

Сильно подѣйствовавшее на него странствіе по Западной Европѣ (Англіи, Франціи, Италіи, Германіи) раскрыло ему богатство культурно-творческой силы Запада; въ сравненіи съ историческимъ ходомъ развитія западной культуры передъ нимъ выступило все убожество и отсталость прошлой и современной русской жизни. Назрѣвшіе у него философско-историческіе взгляды были безотрадны для Россіи. Въ его наблюденіяхъ не было предвзятой цѣли убѣдиться въ ея роковой безпомощности и косности; онъ пришелъ къ этому выводу, вдумываясь въ сильное вліяніе религіозной мысли на судьбы католическаго міра, изучая его исторію, памятники его культуры, дѣлая наблюденія бытового и нравственнаго характера; все это дало основаніе его теоріи. Они внушили ему благоговѣніе передъ творческой силой, которая въ теченіе многихъ вѣковъ руководила цивилизаціей, фантазіею величайшихъ художниковъ, мыслью созерцателей, волей народовъ и ихъ вождей, создавала величественныя

массовыя движенія ради идеи (крестовые походы), научила борьбѣ съ свѣтской властью и ея произволомъ. Религіозная исторія Запада представлялась ему лѣтописью живого, свободнаго единенія и развитія народовъ, исторія русской церкви—лѣтописью смиренія, безгласности, рабства, невѣжества, оторванности отъ міровой культуры. Русская мысль не сдѣлала ни одного вклада во всеобщую цивилизацію и не въ силахъ его сдѣлать. Выходъ изъ этого тяжелаго, отчаяннаго состоянія одинъ—культурное, и прежде всего религіозное соединеніе съ Западомъ, сліяніе народовъ въ лонѣ міровой церкви.

Систему философско-историческихъ своихъ взглядовъ Чаадаевъ желалъ передать современникамъ, придавъ ей форму частной переписки, и предназначая ее къ распространенію въ спискахъ, подобно многимъ произведеніямъ тогдашней не-печатной литературы,—пушкинскихъ и рылѣевскихъ стихотвореній, „Горе отъ ума“. Первое письмо было написано за 7 лѣтъ до его оглашенія въ печати; оно было на французскомъ языкѣ, какъ и остальныя (всего 4 письма); копія перваго письма была отправлена Пушкину; затѣмъ онъ узналъ и третье и высказалъ своему давнему другу мѣткія замѣчанія и размышленія по поводу его теоріи.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ они впервые встрѣтились и сошлись въ Царскомъ Селѣ. Великій поэтъ шелъ теперь инымъ путемъ; Чаадаеву казалось, что онъ плыветъ по теченію; обращаясь къ нему, онъ говорилъ: „Когда я читаю то, что вы теперь пишете, мнѣ становится тяжело: тотъ, кто долженъ былъ бы вести меня впередъ, говоритъ мнѣ, что выхода нѣтъ. Издайте вопль къ Небу, и Небо вамъ отвѣтитъ“. Чаадаевъ и Пушкинъ обмѣнялись мнѣніями по поводу философическаго письма; поэтъ, не обладая широкими знаніями въ философіи исторіи, все же далъ посильный и интересный разборъ мыслей своего друга.

Прошло семь лѣтъ съ написанія этого письма до его напечатанія; въ этотъ промежутокъ появилась (1832 г.), словно пробный шаръ, въ „Телескопѣ“ статья въ видѣ „перевода съ французскаго“, представлявшая набросокъ чаада-

евскихъ идей; книга, написанная однимъ изъ послѣдователей Чаадаева, докт. Ястребцовымъ, какъ-то прошла безнаказанно, но въ 1836 г., въ переводѣ Кетчера, „Телескопъ" помѣстилъ все первое письмо, и вслѣдъ затѣмъ разразилась гроза. Протестъ послышался сначала со стороны общества, которое въ „Некрополисѣ", т. е. „Городѣ мертвыхъ", которымъ было помѣчено письмо, отгадало Москву и всѣ мнѣнія автора о Россіи приняло, какъ оскорбленіе народной чести, Общественная нетерпимость проявлялась настолько сильно, что и редакторъ журнала былъ не въ безопасности; къ нему явилась группа студентовъ, вызывая его на дуэль. Вслѣдъ за этимъ поднялось уже гоненіе правительственное.

Герценъ въ „Быломъ и Думахъ" передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него, ссыльнаго, этимъ внезапно раздавшимся безотраднымъ заявленіемъ: „Среди безмолвія вдругъ поднялась какая-то печальная фигура и потребовала рѣчи для того, чтобы спокойно сказать свое: lasciate ogni speranza (оставьте всякую надежду). Что это было? сигналъ или предвѣстіе? зовъ на помощь или вѣсть объ утрѣ? или или о томъ, что его не будетъ? Во всякомъ случаѣ оно потрясло всѣхъ и заставило проснуться".

Четыре письма далеко не обнимаютъ всего, что было написано Чаадаевымъ по намѣченному плану; это доказалъ лучшій изъ издателей Чаадаева и изслѣдователей его дѣятельности, Гершензонъ. Такъ кромѣ философическихъ (т. е. историческихъ) писемъ были религіозно-философскія; но съ появленіемъ перваго письма роль Чаадаева была доиграна. Правительство приняло своеобразныя мѣры, чтобы заставить его умолкнуть: взявъ съ него подписку, что онъ ничего не будетъ писать, оно признало его сумасшедшимъ; каждую недѣлю онъ подвергался докторскому освидѣтельствованію его душевнаго здоровья.

Замкнувшись въ себѣ, „отъѣхавъ" внутренно, доживалъ свой вѣкъ Чаадаевъ (онъ умеръ весной 1855 года, въ самомъ началѣ александровской поры, переживъ кризисъ крымской войны); свѣтлый умъ нашего перваго философа исторіи сталъ заволакиваться мистическимъ туманомъ; онъ пересматривалъ и передумывалъ свою систему, и стало ему

казаться, что выходъ возможенъ для самодѣятельности русскаго народа, сохранившаго свѣжія, нетронутыя силы. Пропасть, отдѣлявшая его прежде отъ славянофильскаго народничества, заполнялась; страстнымъ спорщикомъ съ такимъ же, какъ онъ, необычайнымъ діалектикомъ въ лицѣ Хомякова остался онъ до конца, но его былыя убѣжденія, дѣлавшія его предтечей западничества, все же пошатнулись.

Къ такому же, но еще болѣе позднему, перелому пришелъ другой, подобной Чаадаеву „европеецъ" тридцатыхъ годовъ, Печеринъ, дальній свидѣтель сложной общественной эволюціи русской, приведшей къ шестидесятымъ годамъ. Онъ получилъ образованіе въ Петербургскомъ университетѣ: совпадавшая съ революціоннымъ періодомъ начала тридцатыхъ годовъ, жизнь за-границей во время подготовки къ профессурѣ развила въ немъ безпощадно критическое отношеніе къ русской дѣйствительности. Очень талантливый (и какъ писатель, въ своихъ стихотвореніяхъ, въ поэмѣ „Торжество смерти", въ которой въ лицѣ тирана Поликрата онъ изобразилъ Николая), краснорѣчивый, необыкновенно свѣдущій, онъ во время своей недолгой профессуры въ Москвѣ увлекалъ слушателей, но тяготила его и возмущала русская жизнь. Николаевскій режимъ давилъ нестерпимо; не въ силахъ выносить его, мириться съ старыми государственными основами, съ нетерпимостью, полицейскимъ духомъ, религіозной косностью, онъ вырвался на волю, сбросилъ съ себя путы, ушелъ безвозвратно изъ Россіи на Западъ.

Для русской жизни онъ не видѣлъ ничего свѣтлаго впереди; ему казалось, что спасенія нѣтъ для родины, для русскаго народа. Но, очутившись на Западѣ, онъ по истинѣ фатально не смогъ глубоко войти въ его жизнь, остался чужимъ среди великихъ соціальныхъ и политическихъ его движеній, не было у него общенія и съ наукою: послѣ долгой борьбы съ собой и душевной ломки онъ сталъ католическимъ монахомъ, дѣйствуя въ различныхъ человѣколюбивыхъ братствахъ въ Англіи и Ирландіи. Онъ медленно изживалъ свою жизнь, одинокій, никому и въ Россіи ненужный, кромѣ нѣсколькихъ друзей, оставшихся ему вѣрными.

Герцену довелось встрѣтиться съ Печеринымъ въ Англіи, и онъ разсказалъ въ „Быломъ и Думахъ" о печальномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ сломавшимся человѣкомъ, оставшимся въ своихъ русскихъ интересахъ и воззрѣніяхъ на уровнѣ тридцатыхъ годовъ, сердобольнымъ братомъ милосердія; изъ-за этого, конечно, не стоило покидать Россію. Онъ дожилъ до шестидесятыхъ годовъ и поры реформъ; сильно повлекло его тогда на родину; сознаніе безполезно ушедшей жизни томило его; въ стихотвореніяхъ и письмахъ, присылавшихся имъ тогда въ русскія изданія („День" Аксакова) раскрывалось его душевное состояніе и тоска. Но слишкомъ было поздно; силъ для большой работы русской онъ уже не имѣлъ и печально скончался на чужбинѣ.

Когда въ сороковые годы шла борьба обѣихъ партій, дѣятели ихъ не были такъ далеки другъ отъ друга, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, и какъ они думали въ то время сами. Первые славянофилы, какъ и западники, прошли стажъ европейской науки, воспитались на ней; вліяніе нѣмецкой романтической философіи на ученіе славянофиловъ несомнѣнно; съ другой стороны западники такъ же горячо любили народъ, какъ и ихъ противники, но не преклоняясь и не идеализируя его; рядъ фактовъ въ литературной и научной области опровергаетъ славянофильскія притязанія выставлять себя направленіемъ народнымъ по преимуществу; въ литературѣ изъ среды западниковъ выступили Тургеневъ и Григоровичъ съ первыми изображеніями настоящаго крестьянства; убѣжденный западникъ Афанасьевъ сдѣлалъ много въ области народной старины, соорудивъ, подобно братьямъ Гриммамъ, большое, замѣчательное собраніе народныхъ сказокъ; западники вели пропаганду въ университетѣ и въ культурномъ обществѣ, возбуждая сочувствіе къ русской старинѣ и поэзіи (совершенно независимо отъ славянофиловъ дѣйствовали напримѣръ въ этой области Буслаевъ и Кавелинъ, въ исторіи Соловьевъ). Собственно говоря, славянофилы знали народъ не больше западни-

ковъ. К. Аксаковъ представляетъ собою характерный образецъ. Только до девяти лѣтъ жилъ онъ среди народа, въ деревенскихъ условіяхъ, въ заволжскомъ краю, съ такимъ мастерствомъ описанномъ впослѣдствіи его отцомъ, С. Аксаковымъ, въ „Семейной хроникѣ“ и „Дѣтскихъ годахъ Багрова—внука“; онъ почти безвыѣздно прожилъ жизнь свою въ Москвѣ, если не считать краткаго пребыванія въ нѣмецкомъ университетѣ, гдѣ онъ могъ выдержать только 5 мѣсяцевъ, не справившись съ тоской по Москвѣ, друзьямъ, любимымъ салонамъ,—и остался кабинетнымъ ученымъ и теоретикомъ-мечтателемъ.

Впослѣдствіи Герценъ, безпристрастно оцѣнивая истинную сущность своего и противнаго направленія, мѣтко охарактеризовалъ ихъ въ „Быломъ и Думахъ“: „У насъ была одна любовь, но неодинаковая; у нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы—за пророчество,—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, русскому быту, русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время какъ сердце билось одно“.

Эта оцѣнка не примѣнима, конечно, къ такимъ крайнимъ, лишь наполовину причастнымъ къ славянофильству противникамъ, какъ Шевыревъ и Погодинъ. Съ ними установились рѣзко враждебныя отношенія; ни та, ни другая сторона не давали пощады другъ другу. На страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ Герценъ съ присущимъ ему остроуміемъ срывалъ маску съ оффиціально—народническаго журнала, высмѣивалъ его притязанія и ошибки; Бѣлинскій, точно также не давая пощады, часто, покидая форму спора, дѣлалъ партизанскіе набѣги, боевые выпады (такова напримѣръ его статья „Педантъ“, направленная противъ Шевырева). Несомнѣнно страстность борьбы часто увлекала слишкомъ далеко вожаковъ; особенно этимъ отличался „Москвитянинъ“.

Казалось, по главнымъ русскимъ центрамъ раздѣлились тогда литературныя силы и даже общество. Москва казалась лагеремъ славянофильства, Петербургъ—центромъ западниче-

ства; это можно принять только съ значительной оговоркой. Въ Петербургѣ издавался въ 40-хъ годахъ журналъ, близкій по направленію къ „Москвитянину“, еще дальше заходившій въ враждѣ къ западничеству,—„Маякъ“, основанный человѣкомъ мало образованнымъ, бывшимъ морякомъ, Бурачкомъ. Въ своемъ рептильномъ патріотизмѣ онъ приближался къ знаменитому журнальному тріо Булгарина, Греча и Сенковскаго; можно только удивляться недальновидности Гоголя, говорившаго въ письмахъ о Бурачкѣ, какъ о человѣкѣ, искренне защищающемъ хорошіе взгляды.

Еще меньше можно было считать Москву лагеремъ только славянофильства; въ ней дѣйствовали такіе выдающіеся представители западничества, какъ Герценъ и Грановскій, воспитавшійся на европейской наукѣ. Но и онъ не былъ единственнымъ служителемъ ея въ московскомъ университетѣ; къ нему тяготѣла группа молодыхъ профессоровъ различныхъ спеціальностей, вернувшаяся изъ заграничной, преимущественно германской, подготовительной командировки, юристы, естественники; но его вліяніе на молодые умы, да и на все общество было сильнымъ, длилось непрерывно съ 1839 г. до тѣхъ поръ, когда въ началѣ пятидесятыхъ годовъ создались совсѣмъ невыносимыя условія для его дѣятельности.

Грановскій, кромѣ двухъ диссертацій, разработавшихъ спеціальные вопросы исторической науки, взятые изъ средневѣковаго період, писалъ мало, и не этимъ поддерживалось его вліяніе на умы. Его сила проявлялась въ преподаваніи науки, въ лекціяхъ, являвшихся творческой импровизаціей. Онъ приводилъ въ изумленіи Герцена, горячо любившаго лектора и увлекавшагося проповѣдью культуры, никогда не замиравшей въ этихъ курсахъ. Грановскій при этомъ не отличался ораторскимъ искусствомъ, даже не обладалъ хорошей дикціей. Начало его лекціи было обычно настолько слабымъ, что приходилось старательно вслушиваться. Звукъ голоса былъ недостаточно силенъ, были дефекты въ произношеніи,—все это, казалось, должно было ослаблять впечатлѣніе. Но тихая вначалѣ лекція постепенно оживлялась, выростали образы, картины, волновавшіе молодежь; отъ каж-

даго курса шелъ непрерывный возбуждающій токъ, точно обладавшій какой-то магической силой, завладѣвавшій умами.

Для большой публики трижды являлась возможность испытать чарующія впечатлѣнія его лекцій; трижды двери университета распахивались для всѣхъ, въ періодъ между 1843 и 1851 г. На первый циклъ лекцій, посвященный сравнительной исторіи Англіи и Франціи, сошлись всѣ, мужчины и женщины, друзья и враги, славянофилы и Чаадаевъ, слѣдившій съ увлеченіемъ за развитіемъ великаго вліянія Грановскаго на умы, называвшій эти публичныя лекціи историческимъ событіемъ.

Въ „Быломъ и Думахъ“ Герценъ, характеризуя Грановскаго съ его неуклонной, выдержанной проповѣдью, облеченной въ форму ровной, тихой бесѣды, проводившаго идеи гуманности, справедливости, равноправія, свободы совѣсти, ратовавшаго за тѣ же идеалы, которые высказывались въ горячихъ спорахъ, среди борьбы, его единомышленниками, говоритъ, что онъ напоминалъ ему всѣмъ своимъ обликомъ протестантскихъ дѣятелей старой Франціи, боровшихся такъ въ XVI в. за религіозную свободу и устрашавшихъ своей кроткой твердостью самихъ палачей,—напримѣръ адмирала Колиньи. Герцену думалось, что въ иныхъ условіяхъ Грановскій выработался бы въ гугенота и жирондиста, но никогда не сталъ бы ни анабаптистомъ, ни монтаньяромъ. Дѣйствительно онъ чуждъ былъ радикальныхъ политическихъ убѣжденій, и это поставило современемъ преграду между нимъ и Герценомъ, со страстью отдавшимся матеріализму, въ то время какъ Грановскій не хотѣлъ порвать съ дорогими ему „романтическими представленіями“, какъ основой вѣры. Это подрывало ихъ отношенія, рознь углублялась; съ большою болью сердца друзья разошлись.

Когда насталъ эмиграціонный періодъ дѣятельности Герцена, организовалась Вольная Русская Печатня въ Лондонѣ, и началась публицистическая работа, Грановскій не понималъ этой дѣятельности и не сочувствовалъ ей. Онъ, конечно, не годился въ публицисты герценовскаго типа, не обладалъ пріемами журналиста и активнаго политика, но своею проповѣдью великихъ началъ въ николаевскую пору,

своими историческими завѣтами и указаніями приносилъ неменьшую пользу, чѣмъ Герценъ. Велико было возбуждающее работу независимаго ума вліяніе его на молодыя поколѣнія; его курсы давали мастерскія историческія характеристики и въ то же время были немолчной проповѣдью культуры и обновленія.

Послѣдній циклъ публичныхъ лекцій, прочтенный въ 1851 году, одномъ изъ самыхъ тяжелыхъ годовъ глухой реакціи, былъ посвященъ характеристикѣ четырехъ выдающихся историческихъ личностей взятыхъ изъ различныхъ періодовъ: Александра Великаго, Людовика Святого, Тамерлана и Бэкона. Эти лекціи, обрисовавшія четыре типа вождей политическихъ, религіозныхъ, и научныхъ, точно также явились не простымъ научнымъ дѣйствіемъ, а историческимъ событіемъ, по мнѣнію Чаадаева.

Общество внимательно прислушивалось къ проповѣди, шедшей изъ устъ оратора. Въ 1845—46 г., когда сравнительно свободнѣе стало дышать, жить и мыслить, послѣ перваго прочтеннаго цикла лекцій Грановскаго что-то необычайное овладѣло умами. Все слилось въ одномъ восторгѣ, оваціи были безконечны; импровизовалось чествованіе Грановскаго на большомъ банкетѣ, гдѣ среди массы представителей общества сошлись западники и славянофилы; настроеніе было настолько единодушнымъ, что стала возможной даже общая славянская манифестація. Хомяковъ поднялъ бокалъ „за великаго славянскаго поэта"; онъ не назвалъ его, но всѣ поняли, что это былъ Мицкевичъ, и сошлись въ дружномъ единеніи при этомъ тостѣ, провозглашенномъ руссофиломъ за отверженца русской оффиціальной жизни и представителя многострадальнаго братскаго народа.

Такіе моменты объединенія были непрочны; послѣ перемирія, опять начиналась перестрѣлка. Примѣромъ одного изъ нихъ служитъ основаніе своднаго коалиціоннаго изданія „Московскій Городской Листокъ". Издатель его Драшусовъ хотѣлъ, устранивъ политику, не обостряя наболѣвшихъ вопросовъ о національномъ правовѣріи и западной ереси, предоставить свободу высказыванію мнѣній и направленій. Составъ сотрудниковъ былъ разнообразенъ: Хомяковъ и будущій

историкъ Соловьевъ, Герценъ, Грановскій, Аполлонъ Григорьевъ, новыя литературныя силы, какъ Островскій, помѣстившій въ „Листкѣ“ свои первыя произведенія „Картина семейнаго счастья“ и отрывокъ изъ „Банкрота“.

Герценъ помѣстилъ въ листкѣ одну изъ интереснѣйшихъ своихъ статей, характерную для этого единенія, сравнительную характеристику Москвы и Петербурга, озаглавленную (какъ одна изъ главъ въ „Путешествіи“ Радищева) именемъ станціи, находящейся на серединѣ пути между столицами (отсюда и эпиграфъ изъ Данта: Nel mezzo del cammin'“),—„Едрово“. Эта параллель была написана еще въ Новгородѣ и, по свидѣтельству самаго автора, быстро распространилась повсюду въ спискахъ. Вмѣстѣ съ бытовой характеристикой двухъ столицъ онъ провелъ параллель между двумя періодами русской исторіи,—царскимъ и императорскимъ. Для „Листка“ онъ придѣлалъ къ ней живое, остроумное беллетристическое вступленіе, картинку, происходящую будто-бы на станціи Едрово, гдѣ встрѣтились одновременно дилижансы, везущіе москвичей въ сѣверную столицу, а петербуржцевъ—въ Москву. Ярко очерчены характеры тѣхъ и другихъ пассажировъ, намѣчены лица, нравы, интересы. Труба кондуктора возвѣщаеть, что пора садиться въ экипажи и ѣхать дальше. Уѣзжаетъ и путешественникъ—наблюдатель, отдаваясь въ пути размышленіямъ по поводу только что видѣннаго,—въ чемъ, почему разнятся эти люди между собой, въ чемъ сущность московской и петербургской культуры,—и за очеркомъ современныхъ нравовъ поднимается блестящая характеристика двухъ историческихъ періодовъ. Выступаетъ много тонко подмѣченныхъ особенностей обоихъ направленій, остроумно высмѣиваются крайности въ націоналистическихъ симпатіяхъ и воззрѣніяхъ. И статья такого содержанія могла появиться рядомъ съ хомяковскими статьями,—но Листокъ“ просуществовалъ только годъ. Настоящаго сближенія не произошло. Возобновились военныя дѣйствія и въ статьяхъ, и въ устныхъ турнирахъ, происходившихъ въ салонахъ Елагиной, Свербѣевой. Герценъ остроумно назвалъ ихъ „всенощными бдѣніями“; они затягивались далеко за полночь. Конечно, жаль было такъ тратить время;

уходили лучшіе годы въ безконечныхъ спорахъ то на Сивцевомъ-Вражкѣ, то на Старой Басманной, но русскія условія той поры не давали возможности дѣйствовать.

Были попытки изобразить въ литературныхъ произведеніяхъ борьбу двухъ лагерей. Такой попыткой является не лишенный остроумія романъ Вл. Соллогуба „Тарантасъ“, гдѣ въ лицѣ двухъ героевъ, Василія Ивановича и Ивана Васильевича, предпринявшихъ вмѣстѣ путешествіе по русской глуши въ тарантасѣ, собраны черты славянофильства и западничества; одинъ держится за допотопныя традиціи, другой, только что возвратившійся изъ поѣздки по Европѣ, пытается примѣнить свои взгляды и желанія къ русской жизни. Константинъ Аксаковъ написалъ противъ уродливыхъ формъ западничества комедію „Князь Луповицкій“, лишь впослѣдствіи напечатанную. Были попытки и другого, сценическаго изображенія спора, даже въ водевильной формѣ.

Культурная исторія Европы за прошлое столѣтіе показываетъ, что почти ни одна страна не обошлась въ свое время безъ движенія, схожаго съ славянофильствомъ. Они строились на поклоненіи народности и старинѣ, исканіи въ ней величайшихъ доблестей, мистическомъ оттѣнкѣ національнаго начала, грезѣ о всемірно-историческомъ призваніи, предстоящемъ родному народу—избраннику; рядомъ съ этимъ широко развивался интересъ къ народной жизни, поэзіи, повѣрьямъ, юридическимъ обычаямъ и т. п. Всѣ эти движенія, конечно, связаны были съ романтизмомъ, охватившимъ Европу, и вмѣстѣ съ тѣмъ они опирались на сильно развитую національную идею. Во главѣ ихъ стоитъ характеризованное уже нами чешское, или точнѣе панславистское, движеніе начала вѣка, которое, мы знаемъ, могъ непосредственно наблюдать въ Прагѣ Хомяковъ. Такимъ же путемъ возникъ и развился, даже послѣ злополучнаго окончанія польской революціи 1830 года, польскій мессіанизмъ, достигшій крайняго своего выраженія у мистика Товянскаго, но захватившій такія великія литературныя силы, какъ Мицкевичъ и Словацкій. Въ южномъ славянствѣ это былъ въ

сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ такъ называемый „иллиризмъ", съ Людевитомъ Гаемъ во главѣ, вѣрившій, что возрожденіе и соединеніе славянскаго міра, и затѣмъ вліяніе его на міровую культуру пойдетъ отъ сербо-хорватскаго племени.

Скандинавскій сѣверъ не обошелся также безъ политико-литературнаго движенія, которое, исходя отъ убѣжденія, что только на крайнемъ сѣверѣ сохранилась нравственная чистота, свѣжесть и древняя доблесть, вѣрило, что скандинавская народность призвана обновить дряхлую культуру Европы,—и въ рядахъ сторонниковъ этого движенія былъ вначалѣ даже Ибсенъ.

Наконецъ германофильство, особенно развитое и взлелѣянное обѣими нѣмецкими романтическими школами, имѣвшее за собой долгую исторію развитія, съ конца 18-го вѣка, и проникшее въ историческую науку, философію, правовѣдѣніе, экономическія ученія, подходитъ очень близко къ русскому славянофильству и несомнѣнно всего болѣе вліяетъ на него. Есть любопытный примѣръ того, что нѣмецкіе ученые или путешественники являлись невольно ему на помощь въ изученіи и оцѣнкѣ народныхъ особенностей. Такъ ученый, баронъ Гакстгаузенъ, объѣхавшій тогда съ вѣдома правительства всю Россію, изучавшій ея бытъ, какъ внимательный наблюдатель, обратилъ особое вниманіе на сохранившуюся въ народѣ общину, которую такъ научились цѣнить славянофилы, видя въ ней якорь спасенія, и которая, съ другой стороны, легла въ основу демократическаго русскаго мессіанизма, который развился потомъ у Герцена въ первые годы эмиграціи.

Располагая большими силами въ области народнической идеологіи, славянофилы желали бы выставить и въ литературѣ дружную и объединенную группу дѣятелей, но это рѣшительно не удавалось имъ. Среди поколѣнія сороковыхъ годовъ примыкали къ нимъ, и то лишь въ извѣстное время, только два писателя, дѣйствительно, съ большими дарованіями, Островскій и Писемскій.

Уроженецъ Замоскворѣчья, сынъ стряпчаго по коммерческимъ дѣламъ, Островскій рано окунулся въ тотъ міръ, первымъ изобразителемъ котораго сталъ позднѣе. Окончивъ первую гимназію и пробывъ недолго въ университетѣ, онъ долженъ былъ пойти по слѣдамъ отца, имѣвшаго дѣловыя сношенія съ замоскворѣцкимъ купечествомъ, и служилъ сначала въ допотопномъ „совѣстномъ", потомъ въ коммерческомъ судѣ. Здѣсь передъ нимъ раскрывался во всей неприглядной наготѣ купеческій міръ, „темное царство", давая матеріалъ для будущихъ комедій. Необычайная художественная наблюдательность, остроуміе помогли ему въ первыхъ же опытахъ мастерски воспроизвести всѣ его типическія черты.

Въ 1847 г. въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ", появились первая, одноактная, комедія Островскаго „Картина семейнаго счастья", и отрывокъ изъ другой, важнѣйшей и, быть можетъ, лучшей во всемъ его творчествѣ, носившей сначала заглавіе „Несостоятельный должникъ", затѣмъ „Банкротъ", и наконецъ получившей классически знаменитый титулъ „Свои люди—сочтемся". Онъ самъ читалъ пьесу на собраніи у Шевырева и увлекъ слушателей мастерскимъ чтеніемъ, и совершенно новою областью, изъ которой было взято содержаніе. Славянофильская публика была въ восторгѣ, привѣтствовала въ немъ замѣчательнѣйшаго писателя; преклонялась передъ нимъ, превозносили его, идейно вліяли на него, и послѣ поразительной по жизненной правдѣ его первой комедіи на работахъ его въ пятидесятые годы („Бѣдность не порокъ", „Не въ свои сани", въ особенности „Не такъ живи, какъ хочется") налегла печать славянофильской тенденціи.

Появленіе такой большой силы нашло сразу отзвукъ и въ противоположномъ лагерѣ. Кн. В. Одоевскій, считая высшимъ выраженіемъ русскаго комическаго творчества „Недоросля", „Горе отъ ума", „Ревизора", присоединилъ къ нимъ на равныхъ правахъ четвертую пьесу, „Свои люди—сочтемся".

Въ ту же пору появилось подъ покровомъ славянофиловъ и было замѣчено другое большое дарованіе—Писем-

скаго. Онъ вышелъ изъ костромской помѣщичьей среды, закончилъ университетъ по математическому факультету, въ извѣстной степени раздѣлялъ увлеченія и интересы своего поколѣнія, впослѣдствіи даже попытался изобразить время своей молодости въ романѣ „Люди сороковыхъ годовъ“. Служба въ провинціи и большая близость къ народной жизни дали ему богатый матеріалъ для писательства. Изъ него, казалось, выработается равносильная бытовикамъ западническаго лагеря, Тургеневу, Григоровичу, величина; его повѣсти изъ народнаго (преимущественно поволжскаго) быта, „Плотничья артель“, „Питерщикъ“ и др., составляютъ выдающуюся группу въ нашей деревенской беллетристикѣ; онѣ привели его въ концѣ пятидесятыхъ годовъ къ созданію лучшей (на ряду съ „Властью тьмы“) драмы изъ крестьянской жизни, „Горькой Судьбины“,—но и Писемскій, подобно Островскому, въ началѣ новой эпохи отдалился отъ московскихъ народниковъ и вошелъ въ западническій, прогрессивный лагерь.

Къ этимъ двумъ безспорно большимъ именамъ въ славянофильской школѣ можно было бы присоединить еще нѣсколько мелкихъ величинъ, но этимъ исчерпывались ихъ литературные единомышленники. Въ пятидесятыхъ годахъ они пытались противопоставить восходящему Тургеневу писательницу Кохановскую, тенденціозно, слащаво и чувствительно описывавшую народную жизнь, щеголявшую бытовымъ языкомъ и преклоненіемъ передъ стариной. Всплывали иногда самородныя силы, но имъ какъ-то не суждено было развиться; такова была судьба выступившаго въ 1852 г. въ „Москвитянинѣ“ пролетарскаго писателя, впервые взявшагося за изображеніе общественныхъ низовъ, дна, мѣщанина Ивана Кокорева. Его повѣсть „Саввушка“ первое предвѣстіе бытовыхъ изображеній разночинцевъ у Помяловскаго, Левитова, Рѣшетникова и др. На него возлагались большія надежды, но онъ рано умеръ, задавленный нуждой, горемъ, алкоголизмомъ.

Ко времени „молодой редакціи“ „Москвитянина“, среди кружка, гдѣ виднѣлись Островскій, Писемскій, совсѣмъ юный народникъ беллетристъ Алексѣй Потѣхинъ и др., явилось

немалое дарованіе въ области критики, Аполлонъ Григорьевъ, порывистый, неуравновѣшенный, увлекающійся; соединяя въ своемъ символѣ вѣры идеи славянофильства и европеизма (ему принадлежало много цѣнныхъ стихотворныхъ переводовъ), онъ стоялъ на рубежѣ двухъ направленій и впослѣдствіи могъ занять опредѣленное мѣсто въ петербургской журналистикѣ (журналахъ Достоевскаго, даже въ Русскомъ Словѣ).

Въ сравненіи съ скудостью художественныхъ силъ въ славянофильскихъ рядахъ поразительно богатство ихъ, въ сороковые годы, среди западничества. Здѣсь что ни годъ прибавлялись новыя силы, быстро выдвигавшіяся въ первые ряды. Въ 1840 г. является сборникъ юношескихъ стихотвореній Некрасова „Мечты и звуки“, строго встрѣченный критикой и уничтоженный авторомъ, но таившій уже въ себѣ немало зачатковъ будущихъ важнѣйшихъ влеченій, завѣтныхъ взглядовъ и сочувствій поэта, среди тяжелой жизненной борьбы вырабатывавшагося въ самостоятельную силу. Къ 1843 году относится первое печатное выступленіе Тургенева, сначала, какъ стихотворца, съ его лирическими опытами, поэмами („Параша“, первый набросокъ тургеневской женской психологіи, „Разговоръ“, гдѣ въ лицѣ старика и молодого человѣка уже очерчены типы двухъ поколѣній первой половины XIX вѣка), наконецъ и первыми драматическими опытами („Неосторожность“). Бѣлинскій оцѣнилъ „Парашу“, поддержалъ молодого автора, не думая однако, чтобы изъ него могъ выработаться стихотворецъ; онъ призналъ въ начинающемъ Тургеневѣ умѣніе вглядываться и понимать жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, Тургеневъ на глазахъ Бѣлинскаго перешелъ къ прозѣ, въ первой же повѣсти „Андрей Колосовъ“, цѣнной какъ бытовой очеркъ. Въ январѣ 1847 года появился первый изъ разсказовъ, собранныхъ позднѣе вмѣстѣ и составившихъ „Записки Охотника“,— „Хорь и Калинычъ“. На мѣсяцъ раньше Тургенева, въ декабрѣ 1846 года, выступилъ съ разсказомъ „Деревня“ Григоровичъ; въ „Петербургскомъ сборникѣ“ Некрасова явился

первенецъ Достоевскаго, только что окончившаго Инженерный институтъ, „Бѣдные люди“; тогда же начинается литературная дѣятельность Гончарова съ первымъ его романомъ „Обыкновенная исторія“, Дружинина съ его повѣстью „Поленька Саксъ“, написанной подъ вліяніемъ идей Жоржъ-Зандъ, но самостоятельно разработавшей ихъ и производившей большое впечатлѣніе. Наконецъ Герценъ создаетъ тогда же рядъ беллетристическихъ произведеній, „Кто виноватъ?“, „Сороку-воровку“, „Изъ записокъ доктора Крупова“, рядъ работъ, стоящихъ на рубежѣ между беллетристикой и публицистикой, какъ напримѣръ его статья „По поводу одной драмы“, написанная послѣ посѣщенія французскаго театра, гдѣ давалась пьеса драматурга средней руки, наведшая Герцена на думы о женскомъ вопросѣ, о вопросѣ брачномъ, семейномъ.

Въ такомъ богатствѣ первостепенныхъ силъ и внушительномъ итогѣ произведеній представляется вкладъ, который сдѣланъ былъ тогда въ литературу западнической школой.

Въ художественномъ и идейномъ развитіи литературы сороковыхъ годовъ сказалось вліяніе предшествовавшей литературы, европейской мысли и художественности; но также и вліяніе русскаго „старшаго поколѣнія“ и прежде всего вліяніе Гоголя, сказывающееся и въ присвоенномъ тогда всей группѣ писателей названіи „натуральной школы“, не въ смыслѣ грубой, необдѣланной естественности изображенія, а въ смыслѣ стремленія изображать правдиво жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Невольно припоминается выраженіе Достоевскаго о всѣхъ писателяхъ даннаго періода: „всѣ мы изъ гоголевской „Шинели“ вышли“. И это несомнѣнно, хоть и не исчерпываетъ разнообразнаго состава литературы въ тѣ годы.

„Бѣдными людьми“ Достоевскій самъ оправдываетъ свое крылатое слово, хотя нельзя не признать, что ученикъ пошелъ дальше учителя. Герой его романа даже недоволенъ Гоголемъ за то, что тотъ изобразилъ чиновника такимъ безпомощнымъ, безцвѣтнымъ, бездушнымъ, ненужнымъ суще-

ствомъ въ жизни. У нихъ есть своя душевная жизнь, свое недовольство и стремленія; это проглядѣлъ Гоголь. Тѣ же связи видны и въ другихъ повѣстяхъ до-ссылочнаго періода у Достоевскаго; въ нихъ онъ сумѣлъ глубже заглянуть въ душу „униженныхъ и оскорбленныхъ“, подмѣтить въ нихъ человѣческія черты, не говоря уже о томъ, какъ далеко шагнулъ онъ въ произведеніяхъ, гдѣ тогда уже затронута имъ была область психіатріи, по сравненію съ „Записками сумасшедшаго“, признаваемыми въ наше время спеціалистами за недостаточно тонкую и не вполнѣ вѣрную обрисовку больной души.

Беллетристическія произведенія Герцена обнаруживаютъ немалое вліяніе на нихъ повѣстей Гоголя; недаромъ ему почудилось въ пріемахъ герценовскихъ „Прерванныхъ разсказовъ“ что-то близкое. Герценъ и самъ не отрицаетъ этого вліянія; въ его глазахъ „Мертвыя Души“ приняли тѣ же гиперболическіе размѣры, какъ и у автора, перестали быть только душами крѣпостныхъ, скупаемыми Чичиковымъ, но охватили всю русскую жизнь. Зная герценовскія работы московскаго періода, Гоголь интересовался имъ, и въ письмахъ къ нѣкоторымъ лицамъ онъ опредѣленно высказывалъ желаніе увидѣть молодого автора, о которомъ много говорятъ, всѣ,—сторонники, и противники, — только хорошее. Свидѣться имъ не пришлось; трудно примирить Гоголя съ „Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями“ и Герцена въ эмиграціонный періодъ. Но во всякомъ случаѣ было извѣстное соприкосновеніе между ними. Герценъ, не избѣжавъ вліянія, не повторилъ Гоголя, но пошелъ несравненно дальше.

Гончаровъ въ „Обыкновенной исторіи“, несомнѣнно, также послѣдователь Гоголя, не повторяетъ гоголевскаго изображенія чиновниковъ, тѣхъ гротескныхъ фигуръ, которыя выступаютъ въ „Петербургскихъ повѣстяхъ“, въ „Мертвыхъ Душахъ“. Онъ сразу даетъ исторію обыкновенной судьбы молодого человѣка, приходящаго изъ провинціи въ столицу съ развитымъ у него въ университетѣ идеализмомъ и вѣрою въ возможность культурной, полезной работы, теряющаго постепенно иллюзіи и преуспѣвающаго въ жизни съ той поры,

какъ онъ повернулъ на торную дорогу. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1849 году въ „Иллюстрированномъ альманахѣ“, изданномъ Некрасовымъ, явился „Сонъ Обломова“, и въ немъ выступило крѣпостное право, старая помѣщичья жизнь. Какъ это далеко отъ Гоголя, издавшаго въ 1846 году свою „Переписку“, едва не ставшую его послѣднимъ словомъ, гдѣ званіе помѣщика возвеличивалось, какъ священный долгъ!

Тургеневъ и Григоровичъ были въ меньшей степени подъ вліяніемъ Гоголя. Область, разрабатываемая ими, осталась почти нетронутой ихъ великимъ предшественникомъ. Гоголь совсѣмъ почти не давалъ народныхъ образовъ; не зная народа, онъ только издали присматривался къ нему, и лишь въ одномъ мѣстѣ „Мертвыхъ Душъ“ во время продолжительнаго сна Чичикова, въ теченіе котораго авторъ разсказываетъ всю біографію героя, онъ въ видѣ догадки размышляетъ и о томъ кто были крестьяне, души которыхъ скупилъ Чичиковъ,—неожиданно развертывается, но ненадолго, живая картина, полная крестьянскихъ образовъ и изъ средней Руси, изъ степей и Поволжья, но ни они, ни Селифанъ Петрушка, дядя Миняй и дядя Митяй не годятся, разумѣется, въ прототипы крестьянъ Тургенева и Григоровича. Здѣсь была иная преемственность, шедшая съ Запада, поддержанная непосредственнымъ наблюденіемъ надъ реальной жизнью, зоркимъ и чуткимъ, приведшимъ къ изображенію не условныхъ гуманно идеализованныхъ типовъ земледѣльца, неопредѣленной національности, а подлиннаго русскаго люда.

Но Гоголь не былъ единственнымъ русскимъ образцомъ. Рядомъ съ нимъ Лермонтовъ, какъ творецъ психологическаго романа, совершенно не затронутаго Гоголемъ. Синтезомъ этихъ двухъ началъ было творчество ихъ преемниковъ, раздвинувшихъ рамки и въ томъ, что имъ завѣщалъ Лермонтовъ, и въ наслѣдіи Гоголя.

Герценъ—романистъ прошелъ по слѣдамъ обоихъ учителей и предшественниковъ своихъ, не остановившись на путяхъ и темахъ, завѣщанныхъ ими. Такъ въ основѣ романа „Кто виноватъ?“ положенъ вопросъ о женщинѣ, ея правѣ на самоопредѣленіе, о бракѣ, семьѣ, свободѣ чувства. Ничего подобнаго образамъ Любоньки и Круциферскаго съ ихъ пе-

чальной участью не было затронуто въ литературѣ. „Кто виноватъ?“ (ставитъ онъ вопросъ) во всей безтолковости жизни съ ея ненужной жестокостью, ломающей судьбу и счастье людей? Къ изображенію печальныхъ сторонъ женской жизни въ семьѣ, бракѣ, или одиночномъ существованіи, или житейской борьбѣ, возвращается онъ въ повѣсти „Сорока-воровка“, взятой изъ жизни великой и несчастной крѣпостной актрисы, въ одномъ изъ „Прерванныхъ разсказовъ“, въ статьѣ „По поводу одной драмы“.

Такой же шагъ впередъ сдѣлалъ онъ и въ обрисовкѣ характера Бельтова — несомнѣнно ближайшаго сверстника Онѣгина и Печорина, входящаго вмѣстѣ съ ними въ циклъ „лишнихъ людей“. Но Герценъ находитъ для изображенія своего героя новыя черты. Ходъ мысли, развитіе личности Бельтова обрисованы безъ прикрасъ, безъ ходуль, съ необыкновенной, вдумчивой детальностью.

Въ то же время беллетристы сороковыхъ годовъ не избѣжали вліяній и впечатлѣній, шедшихъ съ Запада, литературно-художественныхъ или соціально-политическихъ.

Литература французская послужила очагомъ сильнаго возбужденія для русскихъ писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ; наряду съ нею и англійскій соціальный романъ имѣлъ вліяніе не меньше. Изъ современныхъ писателей Запада выдѣляются три, оказывавшихъ наиболѣе сильное воздѣйствіе,—Жоржъ-Зандъ, Бальзакъ и Диккенсъ.

Съ тридцатыхъ годовъ началось вліяніе Жоржъ-Зандъ въ русской литературѣ; самое позднее его проявленіе видимъ въ романѣ Чернышевскаго „Что дѣлать“? Первая проповѣдь женскаго освобожденія начата была г-жей Ганъ, писавшей подъ псевдонимомъ „Зинаиды Р-вой“. Не испытавъ въ своей семейной жизни терзаній, она все же выступала за судьбу женщины и ея права въ рядѣ романовъ, не прекращая активной своей работы въ теченіе многихъ лѣтъ. Соучастникомъ этой пропаганды рано явился въ своихъ беллетристическихъ опытахъ извѣстный впослѣдствіи историкъ Кудрявцевъ, достойный ученикъ и сверстникъ Грановскаго. Повѣсть

„Катенька Пылаева“ (подписанная псевдонимомъ Нестроева) появилась въ надеждинскомъ журналѣ; долго еще авторъ числился среди поборниковъ женскаго освобожденія, возбуждая одобреніе Бѣлинскаго. Съ нимъ въ первыхъ рядахъ пошелъ потомъ и Герценъ. Жоржъ-зандистомъ сталъ изъ славянофильскихъ столповъ литературы Писемскій въ (запрещенномъ въ свое время) романѣ „Боярщина“ съ призывомъ къ женской свободѣ, Дружининъ, чья „Поленька Саксъ“ носитъ явные слѣды вліянія повѣсти Жоржъ-Зандъ „Жакъ“, Тургеневъ, Салтыковъ, въ женской группѣ (начиная съ пятидесятыхъ годовъ) Жадовская, Евгенія Туръ, Крестовскій (псевдонимъ,—Хвощинская) и др.

Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ проповѣдь Жоржъ-Зандъ осложнилась вліяніемъ идей Джона Стюатра Милля, которыя (въ особенности книга „О подчиненности женщинъ“) отразились на агитаціи, которую повелъ въ статьяхъ Современника Михайловъ.

Но Жоржъ-Зандъ шла съ вѣкомъ, эволюціонировала въ своихъ взглядахъ и требованіяхъ, и въ 1848—1849 г. она стоитъ въ первыхъ рядахъ революціонной литературы, соединившись съ извѣстнымъ въ то время соціалистомъ Пьеромъ Леру, издаетъ журналъ „Независимое Обозрѣніе“, пишетъ брошюры, воззванія, прокламаціи,—и въ своихъ романахъ соціалистическаго характера (Le compagnon du tour de France) также отражаетъ современное движеніе.

Третью область, въ которой Жоржъ-Зандъ принадлежалъ починъ, впрочемъ, наряду съ Бертольдомъ Ауэрбахомъ (въ его „Шварцвальдскихъ деревенскихъ разсказахъ“), составляли повѣсти изъ крестьянской, деревенской жизни. Оба они являются предшественниками Тургенева и Григоровича, до которыхъ въ русской литературѣ выступалъ съ подобною темою, разрабатывая ее скорѣе анекдотически, одинъ только Даль, но они не повторили своихъ образцовъ: они отказались отъ идеализаціи, свойственной Ауэрбаху, и отъ стремленія размягчить сердца другихъ классовъ, изображеніемъ жизни крестьянства, что было въ мысли Жоржъ-Зандъ, и отъ балагурства Даля. Они пошли по тому пути, который

имъ подсказала жизнь, держась въ своихъ изображеніяхъ прежде всего правды.

Съ вліяніемъ Жоржъ-Зандъ смежно и современно было вліяніе такого могучаго реалиста, какъ Бальзакъ, стремившійся въ необъятной серіи романовъ, задуманныхъ подъ общимъ названіемъ „Человѣческой Комедіи" („Comédie humaine") охватить все разнообразіе общественныхъ слоевъ и отношеній, буржуазное царство временъ іюльской монархіи, дворянскій бытъ, провинцію, и капитализмъ, и пролетаріатъ, и миръ преступности. Это не могло пройти безслѣдно для русской повѣсти. Наши художники, искавшіе вѣрнаго отраженія жизни, нашли въ произведеніяхъ Бальзака школу для себя. Если Гончарова нельзя не счесть послѣдователемъ Гоголя, то онъ не менѣе вѣрный ученикъ Бальзака и однороднаго съ нимъ по направленію, великаго англійскаго реалиста Диккенса въ особенности въ его большихъ романахъ „Домби и сынъ", „Копперфильдѣ", „Оливерѣ Твистѣ" и др.,

Несомнѣнно также въ сороковыхъ годахъ вліяніе Эжена Сю, съ его первыми, производившими большое впечатлѣніе романами изъ пролетарскаго міра, который лишь отчасти былъ затронутъ Бальзакомъ Его „Парижскія тайны", „Тайны народа" (Les mystères du peuple"), „Семь смертныхъ грѣховъ" тѣсно связаны съ революціоннымъ движеніемъ 1848 года. Достоевскій, ревностный Жоржъ-Зандистъ (что онъ призналъ вполнѣ самъ въ „Дневникѣ Писателя"), въ „Бѣдныхъ людяхъ" находился также подъ вліяніемъ Сю. Бѣлинскій относился къ нему также очень сочувственно, стараясь показать читателю, что „мысли этого автора" заслуживаютъ большого вниманія.

Но одновременно съ художественной литературой въ Россію проникала и соціально-политическая, несмотря на непроницаемую стѣну, которую старалось воздвигнуть правительство. Дневникъ Герцена начала сороковыхъ годовъ показываетъ, что въ его рукахъ и тогда были книги Луи Блана, Ледрю Роллена, Консидерана, наконецъ Прудона, съ которымъ его впослѣдствіи такъ близко свела судьба, сдѣлавъ обоихъ соиздателями передовой газеты. Къ серединѣ сороковыхъ го-

довъ эти книги были уже очень распространены. Анненковъ, возвратившись изъ передъ-революціонной Франціи, былъ пораженъ этою всеобщей распространенностью. Тѣ же идеи слышались даже съ каѳедры. Тамъ популяризаторомъ ихъ былъ проф. Порошинъ въ Петербургскомъ университетѣ, экономистъ и статистикъ. Онъ и не остался въ университетѣ, не въ силахъ перенести гнета и стѣсненій.

Молодой критикъ В. Майковъ, замѣнившій Бѣлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ", воспитался на тѣхъ же соціально-политическихъ ученіяхъ, прошелъ политическую школу, особенно во время путешествія за-границей. Все его поколѣніе чутко прислушивалось къ этимъ идеямъ, горячо готовясь къ общественному дѣлу. Направленіе это опредѣлило идейную сущность всего движенія петрашевцевъ, истинныхъ наслѣдниковъ декабризма.

Большое оживленіе политической и общественной мысли, вызванное отечественными причинами и вліяніями, а также литературными теченіями Запада (главнымъ образомъ Франціи), наблюдавшееся въ Россіи въ сороковыхъ годахъ, продержалось бы дольше, еслибъ не революціонный кризисъ во Франціи, приведшій сначала къ провозглашенію республики, потомъ къ междоусобіямъ и войнѣ противъ пролетаріата. къ буржуазной поддѣлкѣ подъ республику и наконецъ къ имперіи Наполеона III. Этотъ кризисъ вызвалъ испугъ въ николаевскомъ правительствѣ, которое тотчасъ же рѣзко бросило невыполненными тѣ уступки, которыми хотѣло было пойти навстрѣчу общественнымъ желаніямъ (напримѣръ въ приготовленіяхъ, въ секретномъ комитетѣ, къ освобожденію крестьянъ) и вступило на путь реакціи, безпрерывно длившейся семь лѣтъ. Но нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ этой катастрофѣ, — промежутокъ времени съ 1844 до 1848 года, богаты необыкновеннымъ движеніемъ.

Въ эти годы кружковая организація не похожа на старозавѣтную, характерную для тридцатыхъ годовъ; она не замыкается въ тѣсныя группы, состоящія изъ товарищей по

высшей школѣ, но охватываетъ широкіе слои общества. Руководители этихъ группъ уже располагали политической подготовкой. Инымъ изъ нихъ удалось побывать съ пользой за-границей; одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ петрашевцевъ, Спѣшневъ, четыре года проведшій на Западѣ, вошелъ въ непосредственныя сношенія съ радикалами Швейцаріи и Германіи и испыталъ, подобно Бакунину, сильное вліяніе соціалиста Вейтлинга; другой петрашевецъ Ханыковъ въ совершенствѣ изучилъ, тоже на Западѣ, произведенія Фурье и фурьеристовъ. Въ этихъ кружкахъ нельзя уже найти ничего соотвѣтственнаго философско-эстетическимъ интересамъ друзей Станкевича. Хотя Достоевскій сначала числился (даже по тайно-полицейскимъ свѣдѣніямъ) въ какомъ-то кружкѣ „ламартинистовъ" (къ этому времени французскій поэтъ уже вошелъ въ политическую жизнь народа, въ революцію 1848 года стоялъ въ первыхъ рядахъ борцовъ за освобожденіе и чуть не сталъ кандидатомъ въ президенты), но скоро переходитъ въ среду петрашевцевъ.

Въ этомъ движеніи Петербургъ далеко опередилъ Москву, въ которой, съ отъѣздомъ Герцена за-границу въ 1847 году, изъ главныхъ представителей западничества остался одинъ лишь Грановскій. Въ Петербургѣ выдвигается въ это время коллективная работа нѣсколькихъ кружковъ. Наиболѣе значительный изъ нихъ, конечно, кружокъ петрашевцевъ, не ограничивавшійся тѣми 23 лицами, которыхъ захватили въ 1849 году; дожившіе почти до нашихъ дней члены этого кружка, Ахшарумовъ и Кашкинъ свидѣтельствовали, что захвачено было лишь минимальное количество, что кружокъ имѣлъ отдѣленія и выселки въ провинціи (напр. въ Казани). Стоявшій во главѣ кружка Буташевичъ-Петрашевскій, необыкновенно даровитая, сильная личность, обладалъ талантами ловца людей; страстный искатель лучшихъ формъ жизни, онъ умѣлъ заражать этимъ стремленіемъ единомышленниковъ, опираясь на идеи великаго французскаго мыслителя Фурье, къ которому его рано привлекла грандіозная, въ его глазахъ, система соціалистическаго переустройства жизни; даже въ крѣпости, во время слѣдствія, онъ нашелъ нужнымъ изложить систему Фурье для своихъ судей.

Какъ ни значительна была личность Петрашевскаго, она не исчерпывала идейнаго богатства кружка; въ Петербургѣ было много подобныхъ же группъ и кружковъ. Среди педагоговъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ выдавался Иринархъ Введенскій, извѣстный тогда большой публикѣ, какъ превосходный переводчикъ Диккенса и другихъ англійскихъ писателей; онъ сумѣлъ объединить вокругъ себя преподавателей, молодыхъ писателей, студенчество, и посвящалъ ихъ, конечно, не въ Диккенса; во время собраній у него появлялись Чернышевскій, тогда студентъ петербургскаго университета, Григорій Благосвѣтловъ, будущій издатель писаревскаго „Русскаго Слова“, и др.; кружокъ его отличался своимъ разночинскимъ составомъ. Кромѣ того существовалъ кружокъ Майковыхъ, объединявшій много выдающихся молодыхъ силъ, кружокъ Дурова, Кашкина и др. Всюду шла дружная работа, способствовавшая соціально-политическому образованію и подготовкѣ къ дѣятельности.

Стремясь развить соціально-политическое образованіе общества, онъ задумалъ, при дѣятельномъ сотрудничествѣ В. Майкова изданіе „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка“, который долженъ былъ служить популяризаціи соціалистическихъ взглядовъ и представлялъ собою энциклопедію, въ извѣстномъ отношеніи соотвѣтствующую великой французской энциклопедіи 18-го вѣка; онъ состоялъ изъ ряда руководящихъ статей, чрезвычайно содержательныхъ, написанныхъ популярно и въ то же время насыщенныхъ научнымъ содержаніемъ. „Карманный словарь“ долженъ былъ стать политическимъ евангеліемъ. Издатели его скрылись за фигурой Н. Кириллова, скромнаго учителя кадетскихъ корпусовъ. Чтобы обезпечить безпрепятственный выходъ выпусковъ этого словаря, второй его выпускъ снабженъ былъ посвященіемъ великому князю Михаилу Павловичу, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній. Но всѣ эти мѣры предосторожности не спасли. Второй выпускъ превысилъ мѣру терпѣнія, а словарь еще не былъ доведенъ и до половины азбуки. Здѣсь были однако такія статьи о невольничествѣ, крѣпостномъ правѣ, оппозиціи, національности, производ-

ствѣ, что власти, которымъ подобало слѣдить за благонамѣренностью печати, обратили на него особое вниманіе. Изданіе словаря было остановлено; Николай, не желая привлекать вниманіе общества на это изданіе конфискаціей его, велѣлъ скупать экземпляры и уничтожать ихъ.

Членовъ своего кружка Петрашевскій снабжалъ необходимыми для уясненія соціалистическаго міровоззрѣнія свѣдѣніями путемъ раздачи книгъ. Русскихъ пособій, конечно, было очень мало здѣсь; но, казалось, вся французская литература перешла на рускую почву. Въ числѣ документовъ, захваченныхъ при арестѣ петрашевцевъ, были списки выданныхъ различнымъ приверженцамъ книгъ; благодаря этому мы можемъ знать теперь, что читали Достоевскій, Плещеевъ, Салтыковъ, или другіе дѣятели литературы.

О кружкѣ петрашевцевъ николаевское правительство давно уже знало, но почему-то оставляло ихъ нѣкоторое время на свободѣ. Гроза обрушилась раньше того на другую преступную организацію, Кирилло-Меѳодіевское общество, составившееся въ Кіевѣ, далеко не многочисленное (при арестѣ было захвачено только 10 человѣкъ), но состоявшее изъ очень даровитыхъ силъ. Въ числѣ его членовъ были будущій извѣстный историкъ Костомаровъ, соединявшій въ себѣ большія знанія, глубокую преданность свободѣ, талантъ писателя-художника, Вас. Бѣлозерскій, со временемъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, редакторъ украинской „Основы", Кулишъ, впослѣдствіи выдающійся этнографъ, народникъ, біографъ Гоголя и издатель его сочиненій, наконецъ выкупленный изъ крѣпостной неволи при помощи общественной лотереи, устроенной Жуковскимъ, даровитый живописецъ и замѣчательнѣйшій малорусскій поэтъ Тарасъ Шевченко. Въ цѣли этого общества, конечно, прежде всего входило возстановленіе самостоятельнаго существованія Малороссіи, вмѣстѣ съ тѣмъ федеративное устройство всей русской жизни, какъ единственно разумный и справедливый выходъ изъ разноплеменнаго и исторически разобщеннаго состава всей народной массы; наконецъ имъ была близка еще болѣе широкая общеславянская идея, особенно ненавистная для николаевской политики, и не въ формѣ пан-

славянства, отданнаго подъ власть Россіи, но какъ свободное общеніе славянскихъ національностей.

Выданные провакаторомъ Петровымъ, они были обвинены въ государственной измѣнѣ, осуждены сначала на очень суровыя кары, потомъ раскиданы по всей Россіи. Костомарова выслали въ Поволжье (Саратовъ), запретивъ ему что бы то ни было писать; всего тяжелѣе была участь Шевченка. Ему въ обвиненіе поставили не только участіе въ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ, но и его стихотворенія, рѣзкія, смѣлыя, направленныя противъ русскаго правительства, съ ярко выраженными украинскими національными симпатіями. Сосланный въ Орскую крѣпость Оренбургской губ., онъ не имѣлъ права ни писать, ни рисовать, что было для него, какъ художника, страшнымъ лишеніемъ. Когда правительству стали извѣстны поблажки, которыми Шевченко пользуется со стороны крѣпостного коменданта, его забросили еще дальше, на берега Аральскаго моря, гдѣ онъ жилъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ (подъ постояннымъ присмотромъ часового, готоваго, по выраженію Майкова, выстрѣлить по первому его стиху) до воцаренія Александра II и амнистіи.

Среди политическихъ кружковъ второй половины сороковыхъ годовъ литературныхъ силъ было значительно больше, нежели среди декабристовъ; частью это были силы, уже проявившія себя, какъ Достоевскій, Плещеевъ, частью только намѣчавшія свой путь, какъ Чернышевскій, Благосвѣтловъ или Дуровъ, Толль, Пальмъ, выдвинувшіеся уже послѣ амнистіи и тогда проложившіе свой слѣдъ; среди нихъ были и будущіе ученые,—философъ М. Филипповъ, зоологъ и теоретикъ нео-славянофильства Николай Данилевскій. Пальмъ въ романѣ „Алексѣй Слободинъ" очертилъ позднѣе движеніе петрашевцевъ. Очень юный и блестяще талантливый поэтъ А. Н. Плещеевъ явился настоящимъ бардомъ общественнаго движенія, и его стихотвореніе „Впередъ! Безъ страха и сомнѣнья на подвигъ доблестный, друзья"... стало какъ-бы гимномъ движенія, апоѳеозомъ тогдашняго настроенія.

Причастнымъ къ общему движенію былъ и Салтыковъ, но онъ раньше другихъ пострадалъ, сосланный въ Вятку,

за двѣ повѣсти, „Запутанное дѣло“ и „Противорѣчія“, въ которыхъ нашли отголоски „фурьеризма“; къ нему отнеслись особенно строго, такъ какъ онъ былъ чиновникомъ канцеляріи военнаго министра; показалось особенно опаснымъ, что вольнодумство проникло и въ такія важныя учрежденія.

Но рядомъ съ такими преслѣдованіями можно было найти въ тѣ годы и слѣды извѣстной терпимости цензуры. Въ „Современникѣ“ Некрасова и Панаева, могла явиться напр. статья Влад. Милютина (примыкавшаго къ кружку Дурова) о пролетаріатѣ въ Англіи и во Франціи. Могла явиться книга Заблоцкаго „О колебаніи цѣнъ на хлѣбъ“, въ сущности своей посвященная вопросу о крестьянскомъ освобожденіи и невольно напоминающая книгу Ник. Тургенева „Опытъ теоріи налоговъ“, гдѣ за теоріей налоговъ скрывалось обличеніе крѣпостного права.

Вспомнимъ, въ связи съ тѣмъ, что середина сороковыхъ годовъ была началомъ литературы для народа и о народѣ. Тогда былъ основанъ первый журналъ для народа, „Сельское чтеніе“, издававшееся кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и Заблоцкимъ; тогда появились первые деревенскіе очерки Григоровича и Тургенева, за которыми послѣдовали большія повѣсти изъ народнаго быта,—„Рыбаки“, „Переселенцы“, „Антонъ Горемыка“ Григоровича. По лирикѣ Некрасова проходятъ уже отраженія его соціально возбужденной мысли; пройдя тяжелую пролетарскую школу, онъ и какъ повѣствователь, касался соотвѣтствующихъ бытовыхъ вопросовъ, что въ особенности сказалось на его сборникѣ, озаглавленномъ „Физіологія Петербурга“, съ весьма опредѣленными выступленіями этого рода.

Герценъ, уѣзжая за-границу, обѣщалъ своимъ друзьямъ сообщать о всемъ движеніи, совершающемся во Франціи. Его „Письма изъ Avenue Marigny“ (улицы, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ сходились Бакунинъ, Тургеневъ, Сазоновъ, французскіе политическіе дѣятели), посвящавшія русскихъ читателей, печатались въ „Современникѣ“, но послѣ четвертаго письма цензура запретила ихъ. Позднѣе онѣ превратились въ высоко важныя для развитія герценовской мысли „Письма изъ

Франціи и Италіи", первоначально явившіяся на нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи.

Передовая литература полна была однимъ стремленіемъ,— оживить, перестроить ржавую русскую дѣйствительность. Каково же при этихъ условіяхъ могло быть впечатлѣніе отъ внезапнаго появленія новой, злосчастной книги Гоголя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями"!

Бродя страдальческой тѣнью вмѣстѣ съ Жуковскимъ годами по разнымъ странамъ Европы, Гоголь оставался чуждымъ всеобщему оживленію; ему чудилось ниспроверженіе всѣхъ преданій, основъ и цѣнностей; въ немъ выростало представленіе, будто онъ призванъ сказать новое слово не только Россіи, но всему человѣчеству. Таково стало назначеніе „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки", представлявшихъ собою въ дѣйствительности собраніе его статей и размышленій и лишь отчасти писемъ.

Первымъ ударомъ для Гоголя было то, что цензура нашла въ этой охранительной книгѣ неблагонадежныя мѣста; только двѣ трети ея могло появиться. Главное потрясеніе было впереди, оно было въ томъ взрывѣ негодованія, какимъ встрѣтило книгу общество, ждавшее отъ него, дѣйствительно, новаго слова. Если въ „Перепискѣ" онъ не звалъ и „назадъ", то проповѣдывалъ то, что было совершенно непріемлимымъ, примиреніе, смиреніе, религіозно-нравственный подвигъ, выходъ изъ тяжелаго положенія крестьянъ видѣлъ не въ освобожденіи ихъ, а въ томъ, чтобы помѣщики, понявъ свое „священное" званіе, стали отцами и благодѣтелями крестьянъ. Въ „Перепискѣ" Русь изъ птицы-тройки внезапно обратилась въ ветхое существо, долженствовавшее застыть на мѣстѣ. Правда, въ книгѣ были статьи цѣнныя; таково письмо о театрѣ А. Толстому, оберъ-прокурору Синода рѣшительному врагу театра, являющееся истиннымъ панегирикомъ драмѣ и „комедіи въ міровой литературѣ, или письмо о художникѣ Ивановѣ, съ которымъ Гоголь близко сошелся въ Римѣ, въ то время, когда тотъ создавалъ свою великую картину „Явленіе Христа народу", но эти блестки тонутъ въ массѣ проповѣди примиренія, шедшей въ разрѣзъ общему теченію.

„Переписка“ вызвала цѣлый рядъ горячихъ протестующихъ откликовъ, изъ которыхъ самымъ выдающимся, конечно, было письмо къ Гоголю Бѣлинскаго, въ первый и единственный разъ имѣвшаго возможность высказаться съ полною откровенностью, не боясь цензурныхъ тисковъ, такъ какъ и онъ самъ и его противникъ находились за рубежомъ (онъ лѣчился тогда въ Зальцбруннѣ, Гоголь жилъ въ Остенде). Не спавъ нѣсколько ночей, писалъ Бѣлинскій свое пламенное посланіе тому, кого онъ до сихъ поръ считалъ красой и гордостью Россіи. „Опомнитесь, вы стоите на краю бездны“, восклицалъ онъ и со всею страстностью, свойственной своей „неистовой“ натурѣ, обрушилъ на Гоголя потокъ упрековъ въ охранительствѣ, ретроградствѣ, мистическомъ обскурантизмѣ, лицемѣріи.

Письмо Бѣлинскаго распространилось съ необыкновенной быстротой во множествѣ списковъ по всей Россіи. Оно стало точно манифестомъ современнаго движенія, такъ какъ, обличая все несовершенство, жалкую скудость гоголевскаго ученія, оно устанавливало программу насущныхъ требованій общественнаго прогресса. Поэтому распространеніе письма преслѣдовалось правительствомъ, ставилось въ большую вину, какъ это было въ дѣлѣ петрашевцевъ,—въ этомъ особенно обвиняли Достоевскаго и Плещеева.

По сохранившимся черновикамъ видно, что Гоголь не зналъ, какъ отвѣтить на это обвиненіе, которое не могло не задѣть его больно, тѣмъ болѣе, что шло отъ человѣка несомнѣнно искренняго, лучшаго его цѣнителя, до тѣхъ поръ превозносившаго его. Сначала онъ хотѣлъ укорить его въ незнаніи, но потомъ перешелъ къ христіанскому смиренію, которое проповѣдовалъ въ книгѣ, и призналъ, что ошибку сдѣлалъ онъ самъ, подумавъ, будто онъ, слабый и грѣшный, призванъ давать поученія людямъ, смѣетъ мечтать возродить ихъ.

Другія письма, сходныя съ посланіемъ Бѣлинскаго, шли къ Гоголю изъ разнообразныхъ слоевъ общества. Даже крѣпко любившій его Сергѣй Аксаковъ выступилъ противъ „Выбранныхъ мѣстъ“. Потрясеннаго и одумавшагося Гоголя повлекло снова къ его великому дѣлу, на старый путь; онъ

хочетъ снова продолжать произведеніе, которое онъ считалъ главнымъ дѣломъ своей жизни, „Мертвыя души“, хочетъ „учиться у Россіи“, узнать ее ближе, служить ей. Но силы были уже безвозвратно надломлены, и великій его замыселъ лишь слабо подвигался въ исполненіи.

Февральская революція заставила николаевское правительство броситься спасать государственныя основы, въ той формѣ, въ какой онѣ были выражены въ уваровской трехъчленной формулѣ. Бутурлинскій секретный комитетъ 2-ого апрѣля призванъ былъ уничтожать всѣ слѣды вредныхъ идей, проникшихъ съ тлетворнаго Запада въ Россію. Предполагалось закрыть всѣ университеты, но эта мѣра замѣнена была установленіемъ, что университетскій комплектъ не долженъ превышать 300 человѣкъ. Русская жизнь точно застыла. Журналистика стала блѣдной и ничтожной, журналы питались невинными повѣстями, стихотвореніями; ни малѣйшаго разсмотрѣнія или изученія внутреннихъ вопросовъ жизни не допускалось; не терпѣлось ни одного проявленія общественной мысли. Такъ протянулась цѣлыхъ семь мучительныхъ лѣтъ. Условія жизни стали такъ тяжелы, что Грановскій въ письмѣ къ Герцену могъ воскликнуть: „Благо Бѣлинскому, умершему во время“!

Въ 1849 году послѣдовала развязка дѣла петрашевцевъ; теперь оно все открыто передъ нами въ отвѣтахъ и показаніяхъ, опубликованныхъ по архивнымъ документамъ. Послѣ долгаго слѣдствія генералъ-аудиторіатъ, высшая военно-судебная инстанція, вынесъ суровый приговоръ участникамъ этого дѣла: изъ 23 виновныхъ 21 были приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе; это было придумано, чтобы оглушить и ужаснуть общественное мнѣніе и самихъ подсудимыхъ, надъ которыми разыграли недостойно жестокую шутку. Ихъ привели на мѣсто казни; на троихъ первыхъ были надѣты балахоны, уже скомандовали на прицѣлъ, оставалась одна секунда до выполненія приговора, когда прискакалъ вѣстовой съ помилованіемъ отъ царя и замѣною смертной казни каторгой и ссылкою. Достоевскій никогда не могъ забыть того состоянія, которое онъ пережилъ, ожидая смерти, и не разъ возвращался къ разсказу объ этомъ переживаніи.

До 1856 года петрашевцы были раскиданы по разнымъ мѣстамъ Сибири и европейской Россіи (поэтъ Плещеевъ, напримѣръ, солдатомъ въ одномъ изъ оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ); Петрашевскій, осужденный на безсрочную каторгу, до конца остался цѣльнымъ и стойкимъ. Когда была объявлена амнистія, онъ не захотѣлъ принять ее и требовалъ, чтобы дѣло было пересмотрѣно, и чтобы съ него было снято обвиненіе. Правительство Александра II отвѣтило ему новымъ утонченнымъ мучительствомъ. Онъ остался въ Сибири до смерти, въ 1867 году, не умѣя и не желая угодить даже наиболѣе, казалось, либеральнымъ правителямъ Сибири, какъ Муравьеву-Амурскому.

Съ 1849 по 1854 г. продолжался терроръ, принявшій такія свирѣпыя формы, при которыхъ даже Уваровъ показался уже недостаточно угоднымъ и былъ отставленъ. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ сдѣланъ истинный гаситель его, Ширинскій-Шихматовъ. Но идеи освобожденія не умерли и въ эту пору, онѣ только примолкли; стоило исчезнуть главной опорѣ существующаго порядка,—со смѣной режима и относительной свободой послышались рѣчи и сталъ возможенъ починъ сильный, мѣткій и смѣлый, шедшій отъ тѣхъ, кто остался вѣренъ завѣтамъ предшествовавшаго поколѣнія. Такъ въ періодъ до „эпохи реформъ“ люди этого хорошаго покроя выносили на себѣ отвѣтственную работу въ обществѣ и литературѣ.

Въ эти годы застоя, молчанія и кажущагося упадка литературы были лишь рѣдкіе проблески свѣта. Къ тому же 1852 году, который отмѣченъ кончиной Гоголя и Жуковскаго, правда, потерявшихъ уже свое значеніе, относятся два свѣтлыхъ явленія. Въ этотъ годъ вышли повѣсти Тургенева, уже появлявшіяся порознь въ печати, но теперь объединенныя и озаглавленныя „Записками охотника“ и, несмотря на отсутствіе тенденціозности, ярко подчеркнули основную мысль, явились выполненіемъ „аннибаловой клятвы“ автора и послужили причиною ареста его, высылки въ деревню. Этотъ искусъ послужитъ ему на пользу, онъ ближе ознакомитъ его послѣ западныхъ странствій съ русскимъ бытомъ и станетъ вступленіемъ къ порѣ его большихъ повѣстей.

Въ тотъ же годъ въ редакцію „Современника“ была прислана съ Кавказа работа, подписанная буквами „Л. Н. Т.“, „Дѣтство и отрочество“ Льва Толстого.

Таковъ былъ фонъ послѣднихъ лѣтъ николаевскаго царствованія, все болѣе и болѣе темнѣвшій. Гроза грянула въ видѣ турецкой компаніи 1853—4 годовъ, перешедшей затѣмъ въ непосильную борьбу съ европейской коалиціей. Передъ лицомъ этого бѣдствія выступили наружу всѣ недочеты и язвы казавшейся могучей и несокрушимой николаевской Руси. Стали раздаваться и осуждающіе и призывные голоса, заявлявшіе, что такъ дальше итти не можетъ; однимъ изъ первыхъ былъ Погодинъ, обращавшій къ Николаю политическія письма. О томъ же твердили Хомяковъ, Аксаковъ. И Николай, не терпѣвшій раньше ничего подобнаго, теперь молчаливо выслушивалъ. Онъ видѣлъ съ ужасомъ крушеніе своего режима. Зданіе, которое онъ созидалъ съ неуклоннымъ постоянствомъ, видимо рушилось. Онъ не сумѣлъ пережить этого паденія всей своей политики и самъ сталъ первой жертвой Крымской войны. Послѣ 11 мѣсяцевъ героически выдерживавшейся осады сданъ былъ Севастополь; это было послѣднимъ ударомъ. На обломкахъ, погибшаго въ мучительной борьбѣ стараго начала стала подниматься новая жизнь. Невдалекѣ уже были великіе шестидесятые годы.

Изданія Издательскаго О-ва при Историко-Философскомъ Факультетѣ Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

А. Н. Веселовскій.	Ист. новѣйш. рус. лит. 2 ч. 1 р., 80 к., изд. 1912—13 г. (распродано).
Его-же	Ист. нов. рус. лит. 19 вѣка съ 30-60 гг. 1 р. 60 к., изд. 1913—14 г.
Его-же	Новѣйш. рус. лит. изд. 1914—15 г. 2 р. 30 к.
Его-же	Ист. новой рус. лит. Просвѣт. вѣк. и Алекс. пора, изд. 1915—16 г. ц. 1 р. 90 к.
Его-же	Исторія нов. рус. лит. 30—60 г. изд. 1916-17 г. ц.
Н. Д. Виноградовъ.	Педагогическ. психологія 3 ч. 2 р. 25 к. изд. 1911—12 г. (распродано).
Его-же	Педагогика 3 ч. 2 р. 50 к., изд. 1913—14 г.
Его-же	Педагог. психологія въ связи съ общей педагогикой, изд. 1916 г. ц. 3 р. 75 к.
В. Е. Гіацинтовъ.	Итальянск. иск. эпохи Высокаго Возрожденія 2 ч. 2 р., изд. 1913—14 г.
Его-же	Альбомъ фототипій къ курсу „Итал. иск. эпохи Высок. Возрожд." 3 серіи 2 р. 50 к., (изд. 1913—14 г.).
В. Ф. Давыдовскій.	Физика, изд. 1913—14 г. 2 р. (распродано).
Его-же	Физика 1915—16 г. и атласъ ц. 4 р.
Д. Н. Егоровъ.	Европа и нов. страны 2 ч. 50 к., изд. 1911 -12 г.
Его-же	Исторія Греціи 2 ч. изд. 1912—13 г., 50 к.
Его-же	Ист. поздняго средневѣковья изд. 1913—14 г., 1 р. 25 к.
Его же	Ист. Греціи 2 ч. изд. 1914—15 г. 1 р. 85 к.
Его-же	Крестовые походы 2 ч., изд. 1914—15 г., 2 р.
Его-же	Введеніе въ изученіе среднихъ вѣковъ изд. 1915—16 г. ц. 2 р. 40 к.
Его-же	Средніе вѣка изд. 1916—17 г.
Его-же	Ист. Греціи изд. 1916—17 г.
С. А. Котляревскій.	Исторія международн. отношеній, 1 ч. 30 к. (распродано).
Его-же	Исторія международныхъ отношеній изд. 1916—17 г. (печатается).
А. А. Круберъ.	Общее землевѣдѣніе 2 ч. 2 р. 20 к., изд. 1911—12 г. (распродано).
Его-же	Антропогеографія 2 ч. 2 р. 10 к. изд. 1913—14 г. (распродано).
Его-же	Общее землевѣд. изд. 1913—14 г., 2 р. 20 к.
Его-же	Общее землевѣдѣніе изд. 1914—15 г., III ч., 1 р. 60 к.
Его-же	Общее землевѣд., 1914—15 г. IV ч. 1 р. 40 к. (распродано)
Его-же	Общее землевѣдѣніе (печатается).
М. К. Любавскій.	Рус. ист. XVII и перв. четв. XVIII в., 2 ч. изд. 1913—14 г. 2 р. 10 к. (распродано).
В. Ф. Миллеръ.	Народная словестность, 2 ч. 50 к.
М. М. Покровскій.	Толкованіе избран. стихотв. Катулла, изд. 1914—15 г. 70 к.
Его-же	Толкованіе избр. стихот. Тибулла и ком. Теренція. 1915—16 г. 2 р. 90 к.
М. Н. Розановъ.	Франц. лит. эпохи Просв. 2 ч. изд. 1911—12. 1 р. 75 к. (распродано).
Его-же	Ист. лит. эпохи Возрожд. 2 ч. изд. 1912—13 г. 2 р. (распродано).
Его-же	Ист. зап.-европ. XIX в. 2 ч. изд. 1912—13 г. 2 р. 10 к. (распродано)
Его-же	Эпоха Просвѣщ. въ Анг. и Герм. изд. 1913—14 г. 2 р. 20 к.
Его-же	Ист. лит. эпохи Возрожденія изд. 1914—15 г. 2 р. (распродано).

I. И. Романовъ.	Введеніе въ ист. искусства изд. 1914—15 г. **80** к. (распродано).
Его-же	Введеніе въ ист. искусства 2-ое изд. (печатается).
I. Н. Сакулинъ.	Рус. лит. послѣ Пушкина 3 ч. изд. 1914—12 г. **2** р. **50** к. (распродано).
I. В. Самсоновъ.	Ист. эстетич. ученій 2 ч. изд. 1912—13 г. **2** р. **25** к. (распродано).
Его-же	Ист. эстетич. ученій изд. 1914—15 г. **2** р. **30** к.
Его-же	Ист. эстетич. идей (печатается).
М. Н. Сперанскій.	Древн. рус. лит. (Введеніе Кіевск. пер.) 3 ч. изд. 1911—1912 г. **2** р. (распродано).
Его-же	Рус. народ. слов. 2 ч. изд. 1912—13 г. **2** р. **50** к. (распродано).
Его-же	Древ. рус. лит. (Моск. пер.) 2 ч. изд. 1912—13 г. **1** р.
Его-же	Народ. слов. из. 1914—15 г. **2** р. **60** к. (распродано).
Его-же	Ист. повѣсти и романы 2 ч. **50** к.
Н. Н. Успенскій.	Ист. Византійской имперіи 2 ч. изд. 1912—13 г. **2** р. (распродано).
Его-же	Ист. Византійской имперіи изд. 1914—15 г. **1** р. **60** к. (распродано).
Его-же	Ист. Византіи изд. 1914—15 г. **2** р. (распродано).
Его-же	Ист. Византіи (печатается).
С. Ѳ. Фортунатовъ.	Англія и Герм. 19 в. 2 ч. изд. 1911—12 г. **1** р. **85** к. (распродано).
Его-же	Ист. Соед. Шт. Сѣв. Амер. 2 ч. изд. 1912—13 г. **2** р. **20** к. (распродано).
Его-же	Истор. Франціи со врем. вел. Револ. изд. 1913—14 г. **1** р. **90** к.
Его-же	Ист. Англ. и Герм. 19 в. изд. 1914—15 г. **1** р. **85** к.
Его-же	Ист. Соед. Шт. Сѣв. Амер. 2 изд. ц. **3** р.
Его-же	Ист. Франціи 19 в.
В. Н. Харузина.	Этнографія 2 ч. **1** р. изд. 1911—12 г. (распродано).
Г. Г. Шпеттъ.	Логика 2 ч. **30** к. (распродано).
В. И. Щепкинъ.	Конспектъ по старославян. язык., изд. 1914—15 г. **70** к. (распродано).
Его-же	Введеніе въ славяновѣдѣніе (печатается).
Его-же	Ист. польск. лит. 1915—16 г. **1** р. **10** к.
Его-же	Конспектъ по старославян. язык. (печатается).
Его-же	Конспектъ славяно-русской палеограф. **60** к. изд. 1915—1916 г.

Кромѣ собственныхъ изданій помѣченныхъ выше имѣются въ продажѣ еще слѣд. лекціи:

А. А. Кизеветтеръ. Исторія Россіи XIX вѣка изданіе 1915—16 г. Цѣна 2 р. 85 к.

А. Н. Савинъ. Исторія Зап. Евр. въ XIV—XV вв. Ц. 4 р. 5 к.

М. М. Покровскій. Анналы Тацита (коментаріи) изд. 1915—16 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лекціи по Цицерону ч. II Pro Caelio (коментаріи). Цѣна 1 р. 50 к.

